

Анна Старобинец – Первый отряд

«Увидишь, как горит твое жилище, как текут ручьи крови; будет буря, молнии и дождь, земля будет сотрясаться, горы — шататься, воды — бурлить, а те деревья, которые еще будут стоять, согнутся от ветра. Но не пугайся.

Если встанешь, то не будешь видеть этих картин; а когда ляжешь снова, увидишь их, но только если не слишком будешь бояться; иначе оборвется нить, к которой подвешены эти картины. Возможно, ты увидишь идущих к тебе мертвых и услышишь звон их костей. Если ты увидишь и услышишь все это без страха, то уже никогда больше не будешь бояться».

Австралийский шаман из племени яральде

— Хочу новый мяч, — говорит Амиго. — Подари новый мяч.

— Нужно сказать: пожалуйста.

— Не понимаю.

— Когда просишь — говори пожалуйста.

— Пожалуйста — это предмет?

— Нет. Это просто слово. Но оно помогает получить то, что ты хочешь.

— Хорошее слово. Хочу улыбаться.

— А когда ты получаешь то, что просил, нужно сказать спасибо.

— Спасибо — это предмет?

— Нет. Это просто слово. Но оно доброе. Оно значит: «Спаси тебя Бог».

— Бог — это предмет? Или просто слово?

- Я не знаю, Амиго.
- Смотри. Я делаю темноту. Тебе нравится? –Да.
- Смотри. Я делаю свет. Тебе нравится?
- Да, Амиго. Но сейчас отпусти меня.
- Нет. Хочу разговаривать.
- Потом. Сейчас отпусти. Мне нечем дышать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Отвергать возможность телепатии, значит идти против физического понимания жизни».

Леонид Васильев, статья «Биологические лучи», (журнал «Вестник знания»)

1 НИКА

- ...Что ты видела?
- В смысле?
- В нашем кинозале, полчаса назад. Что — ты — видела — там?
- Нам показывали мультфильм. Русско-японский. «Первый отряд» называется. На пиратском диске — поэтому качество было не очень. Эcranка. Но мне все равно понравилось...
- Это не вранье. Это еще не вранье...

— Так, мультфильм. Замечательно. И что там было, в мультфильме?

— Ну, там. Вторая мировая война. Пионеры-герои. У них там такие... экстрасенсорные способности. В первый день войны их убивают фашисты. Остается только одна девочка, Надя. И она получает задание от Шестого отдела — отправиться в мир мертвых и попросить этих бывших пионеров... то есть друзей, ну, которых как бы убили...

...У него прозрачные глаза, у Подбельского. Прозрачные — и самую малость в голубой, как пластиковая бутылка из-под Аква-минерале. Смотрит без выражения. Слушает, не перебивая. Или вообще не слушает...

— ...Как бы она должна попросить их о помощи. Чтобы они приехали из мира мертвых и приняли участие в битве с фашистским бароном...

— А еще что-нибудь ты видела?

— ...Ну и они соглашаются, а этот барон...

— Я говорю: еще что-нибудь ты видела? Другое?

Если молча помотать головой, но не говорить «нет», если не говорить вслух, будет почти не больно...

— Что ты мне головой тут трясешь? Я тебя русским языком спрашиваю... Или ты по-русски не понимаешь? Так я тебя на мове спрошу: шо ты бачила?

Ненавижу. Ненавижу, когда он «шокает». Как у хохлов, у него все равно не получается. А получается ненатурально и тупо. Фальшиво...

— Шо ты бачила, дивчина?

Презирает, типа. Переход на мову — это у него обозначает презрение. С недоделками — недоделанным языком...

— Шо не разговляешь? Ну что ты молчишь? Ничего не видела, да? А вот другие почему-то видели!

...Да, они видели. Каждый по маленькому кусочку. Цыганка видела. Рыжий видел. И Клоун. Жирная видела... А Немой все последние полчаса проскулил — значит, тоже видел... Я дала ему листок и карандаши, попросила нарисовать. Он взял белый. И нарисовал круг. Белый круг на белом листе...

— Цыганка видела. — Подбельский загибает на руке палец, длинный и желтый.
— Рыжий видел...

— Почему вы называете ее цыганкой, Михаил Евгеньевич? Вы же сами нас за это штрафуете. Учеников следует называть по именам. Ее зовут Лена...

— Цыганка видела кровь! Рыжий видел огонь! — орет он; кадык елозит под тонкой коричневой кожей, как акулий плавник. — Клоун видел лед! Немой видел луну! — Вверх-вниз, вверх- вниз, если он заорет громче, этот плавник вспорет ему шею изнутри... — А ты? Что видела ты?

...А я — я видела все.
Я могу сложить этот пазл.

В красочном мелькании кадров, между девочкой с тонкими ножками и перекошенными рожами фрицев, между мечом и катаной, между березой и танком, на какую-то долю секунды, но я все-таки видела —

Луну — огромную и червивую, как шляпа гигантского гриба, гнойно-желтую луну во все небо, источенную черными пятнами океанов.

И лед — непрозрачный и желтоватый, как слипшийся старый сахар.

И круг — пустой черный круг, который очерчен на льду...

И я знала, я как всегда знала, что в этот круг должен кто-то войти, но он не пришел, этот кто-то, и это его отсутствие обозначает конец...

И всего лишь на долю секунды — но я слышала шепот: «Все. Время вышло».

А потом была тень — тонкая, острая, быстрая.

А потом была кровь.

И взрыв.

И огонь.

И это был не мультфильм. Это было между мультфильмом. Секундное копошение жизни — или, может быть, смерти — среди разноцветных картинок. Секундное вкрапление бреда — моего бреда — в японское анимэ...

Я могу сложить этот пазл — потому что я складывала его много раз. Огромная луна и ледяная короста, круг, в котором нет никого, нр в котором должен быть кто-то, и черная тень, и кровь, и огонь.... Я видела эту картинку сто раз, я вижу ее в своих снах. Я не знаю, что она значит, — но я точно знаю: в русско-японском мультфильме ее быть не должно.

И еще я знаю — Михаилу Евгеньевичу, директору интерната, я ничего не скажу.

Потому что не знаю, кто он на самом деле.

Мы давно уже договорились — все мы шестеро, я и Цыганка, Рыжий и Клоун, Жирная и Немой,—мы не будем ему доверять. Благодарность — пожалуйста. Где бы мы были, если б не он? В засранных украинских, русских и белорусских детдомах под Донецком и Харьковом, под Мурманском и Сыктывкаром, под Барановичами и Витебском... Было бы у нас теплое море? Нет. Был бы у нас дель-

финарий? Нет. Свежие фрукты и шоколад, орехи и рыба, креветки и чипсы? Ха-ха. А иностранные языки, английский и немецкий с четырех лет? Нет. Кинозал, Интернет, библиотека, мед кабинет — укомплектованный, как в президентской больнице? — не-а. Только зачем он нам здесь, в севастопольском интернате для детей-сирот, такой вот медкабинет? Все эти проводочки, экранчики, подмигивающие кнопки, кабинки с нарисованными на стекле ангелочками и надписью «Дневной сон»?.. Непонятно.

Раз в неделю — а иногда чаще — по распоряжению Михаила Евгеньевича белокурая медсестра делает каждому из нас по укольчику. В вену. «Витамины», — говорит Михаил Евгеньевич. Он добрый, он учит нас языкам, он заботится о нашем здоровье... Витаминам в организме должно быть в избытке. Только вот от его витаминов почему-то очень хочется спать. Дневной сон — в аккуратных кабинках.

Дневной сон на спине так полезен для организма подростков. Медленнее бьется сердце и расслабляются мышцы. Кровь отливает от ног, расправляется позвоночник. Дневной сон дарит отдых. Дневной сон порождает чудовищ...

Мы все видим огонь и лед. Раз в неделю — а иногда чаще.

Они видят огонь и лед — а я вижу еще больше. Огромную гнилую луну — и круг, в который никто не вошел... «Это все от усталости, — говорит Михаил Евгеньевич. — От нехватки витаминов в организме».

Мое первое воспоминание — эта фраза. Мне пять лет, я только проснулась. Сквозь тонированную стенку кабинки едва пробивается солнце — а мне приснилась луна, и я громко кричу от страха. Я кричу: «Папа!» Он сразу приходит. Он гладит меня по волосам, наш директор, наш добрый папа Подбельский. «Это все от нехватки витаминов, — говорит он. — Поспи еще — и все пройдет, девочка». Он врёт. Он врёт — и мне больно...

У остальных ничего не получилось. Совсем ничего. Когда-то они тоже видели сны, страшные сны в аккуратных стеклянных кабинках — а потом перестали. И Подбельский утратил к ним интерес. Они доучиваются в интернате по упрощенной программе, постепенно забывая английский с немецким, они едят в столовой простую еду, они предоставлены сами себе — зато никто больше не вкалывает им витамины... Остались только мы шестеро. На нас он еще не поставил крест. Мы заходим в кабинки с надписью «Дневной сон», и пока мы засыпаем, белокурая медсестра закрепляет на наших телах холодные присосочки с проводками и закрывает нам глаза черной повязкой, и когда мы уже почти спим, когда мы уже не можем спросить «зачем?», мы чувствуем, как к нашим лбам прикасается холодный металл, как металлический обруч обхватывает наши головы плотным кольцом. И, засыпая, мы слышим, как пищат электронные датчики где-то там, за пределами наших тесных кабинок. Мы привыкли засыпать под их мерный, ласковый писк. Он заменяет нам колыбельную — всегда заменял, с раннего детства.

— ...Почему ты не хочешь сказать, а, Ника? — Подбельский уже не орет, он смотрит на меня своими прозрачными бутылочными глазами, и я тоже смотрю на него, смотрю и не

могу отвести глаз, и чувствую себя мухой, намертво прилипшей к стеклу. — Другие все рассказали. Потому что тут дело серьезное. Расскажи, что ты видела, куколка.

Иногда он называет нас куколками. Пока мы спим в своих тесных кабинках, обмотанные проводками, он говорит с нами. Он говорит, что мы похожи на куколок, на скрюченных гусениц в коконе сна... Когда нам снятся наши кошмары, когда мы вздрагиваем во сне, он ждет, он надеется, что наружу пробьются бабочки... Еще немного — и мы станем его бабочками, что бы это ни значило. Еще немного — и мы станем его бабочками, так он нам говорит... Так он говорил раньше. Теперь он все больше злится. Теперь он почти в отчаянии. «Почему же вы не летите?» — кричит он нам, спящим. «Разве вы не хотите взлететь?», — шепчет он грустно, и его шепот пробивается в наши кошмары, пробивается через лед и огонь. «Ника, Ника, моя милая девочка... Ты умеешь уходить дальше всех... Ты уже у самой границы... Почему же ты не хочешь лететь?..»

Я не знаю, что это значит. Но я точно знаю — я не хочу. Я хочу, чтобы все это кончилось. Витамины и дневной сон, его голос — и электронный писк датчиков. Все скоро кончится. Мне осталось недолго. Из шестерых «куколок» я самая старшая. Всего один месяц — и я закончу интернат. Остальные останутся — они младше меня. А я попрощаюсь с дельфинами, я попрощаюсь с Подбельским, я попрощаюсь со всеми и уеду. Месяц назад я получила письмо из Берлинского университета — они согласны платить мне стипендию. Два дня назад я забрала из консульства загранпаспорт — со студенческой мультивизой. Я буду учиться на биологише факультете, по вечерам я буду подрабатывать в баре, я буду ездить автостопом гю всей Европе, у меня будет бойфренд арийской наружности — и я забуду про лед и огонь.

Я буду скучать по друзьям. Я буду скучать по дельфинам...

И я буду скучать по нему.

В детстве я звала его папой. Это сейчас я называю его Михаилом Евгеньевичем и «на вы», а в детстве я звала его папой. Это что-то да значит.

И еще. В детстве я знала, кто он. А потом поняла, что он врет.

Он говорил, что он бывший моряк. Капитан дальнего плавания. Он говорил, у него была верная жена. Он говорил — у него был корабль, большой и белый, с тремя мачтами и скоростью хода в тридцать узлов. Он назывался «Надежда». Когда «Надежда» возвращалась в Севастопольский порт, его жена надевала белое платье и белую шляпу и приходила на Графскую пристань. Она махала оттуда белым платком. Она была самой красивой. Они виделись лишь несколько раз в году, и каждый раз он проводил с ней неделю, не больше, но она всегда спокойно ждала его, ждала год за годом и никогда не жаловалась на жизнь — а потом умерла. Он говорил, что детей у них не было — а они всегда так мечтали иметь много детей... В тот год, когда его жена умерла, Севастополь перестал быть русским городом. Подбельскому предложили вступить в украинский флот, сунули в руку листок с текстом украинской присяги. «Уважающие себя люди присягают раз в жизни, — спокойно сказал Подбельский, комкая в кулаке бумажку.

— И служат только одной стране». Тогда украинские моряки потребовали продать им большой и белый корабль, который назывался «Надежда». Подбельский сказал твердое «нет». В отместку командующий украинского флота приказал «Надежде» покинуть севастопольский порт. «Хорошо, — ответил Подбельский, — я продам вам корабль, лишь подождите три дня». Через три дня он продал корабль. Только теперь корабль был черным и назывался «Туга» — «печаль»... Он говорил, что на деньги, полученные за «Тугу», он открыл в Севастополе интернат для детей-сирот — ведь своих детей у него не было, а им с женой всегда так хотелось иметь много детей.

Он назвал интернат «Надежда».

Когда я была маленькой, он часто рассказывал мне эту историю. Я слушала ее, и мне было больно. Я думала, это оттого, что история такая печальная.

Каждый раз детали его рассказа слегка менялись — разное количество мачт было у его белого корабля, другими именами звались матросы, и цвет глаз любимой жены становился из зеленого синим, а из синего голубым... И чем больше изменялся рассказ, тем больнее мне было. Я показала ему, где мне больно: в середине меня, там, где сходятся ребра. Чуть выше пупка, но внутри, глубоко внутри. И он объяснил мне, что там — солнечное сплетение. Так написано в учебниках по анатомии. И еще — там у человека душа. Так написано в книгах мудрецов. Он сказал, что мне больно, потому что мне грустно. А раз мне так грустно, он не станет больше меня огорчать.

И он перестал рассказывать мне про корабль «Надежда». Позже я поняла: мне было так больно, потому что он врал.

Не было корабля, ни белого, ни черного, и не было жены, а если и была, то совсем не такая, и не был он капитаном, а кем он был, я не знала... Я до сих пор не знаю, кто он такой. На мой вопрос он давал мне много ответов — и все они были ложью, полной или частичной. Я стала называть его Михаилом Евгеньевичем. Я перестала называть его папой. Я перестала спрашивать, чтобы не мучаться.

Я чувствую неправду, как другие чувствуют ожог или царапину. Я чувствую неправду, как другие чувствуют удар. Я живой индикатор искренности. Я ходячий детектор лжи. Я бесполезна: правда не открывается мне. Мне просто больно, если мне врут. Я бесполезна. Я бессмысленная болячка.

...Другой его рассказ был почти правдой. Он рассказывал, что в конце девяностых объехал все свое когда-то огромное, а теперь уже не существующее советское государство, и видел сотни и тысячи одиноких малышей, и выбрал из них только двенадцать — и привез их сюда, в интернат. Это был первый набор. Это правда. С тех пор каждый год он и его сотрудники привозят еще по двенадцать детишек. Лично меня они подобрали где-то под Мурманском. Он говорит, что они выбирают самых несчастных — чтобы дать им надежду. Это вранье.

Они выбирают нас как-то иначе. Я не знаю, как именно. Я не знаю, зачем. И я больше не спрашиваю — чтобы не слышать лживых ответов.

...Он говорит:

— Так что там с мультфильмом?

Он говорит:

— Ну, хорошо, Ника.

Он говорит:

— Я предлагаю тебе сделку. Если ты будешь честна со мной, если ты будешь сотрудничать, я тоже расскажу тебе все, что ты хочешь знать.

Он говорит, что на этот раз он будет со мной честен. Он говорит — я киваю, и закрываю глаза, и жду, когда придет боль.

2

НИКА

— Ок-ку-пан-ты! Ок-ку-пан-ты! Ок-ку-пан-ты! Севастополь — Крым — Россия! Севастополь — Крым — Россия!.. Вста-а-а-вай, страна огромная, встава-а-ай на смертный бой!...

— Росияни, ладь из нашей земли! Москали, ладь из нашей земли! Це наша земля! Це наш гхород!!!

— ...С фаши-и-и-стской силой темною, с ора-а-а-нжевой чумой! Пусть ярость благородная!!!...

На Графской снова какое-то копошение. Юные украинские морячки с цыплячьими шеями и веселыми голубыми глазами оцепили пристань, горожане — в основном предпенсионного возраста — вяло пытаются прорвать оцепление. Кто-то слабо и медленно, как в дурном сне, дает по морде кому-то неподвижному и, кажется, спящему. Неподвижный ненадолго включается, разражается гневной тирадой на мове, пытается ответить на удар, неторопливо промахивается и снова впадает в кому... Там, за оцеплением, трое хохлов, перемахываясь, приколачивают к белой стене Графской очередную памятную табличку, в которой украинский флот поздравляется не то с тысячелетием со дня основания, не то с победой во Второй мировой.

Горожане требуют снять оскорбительную табличку, не порочить честь российского флота, не осквернять исторический памятник. Требуют пропустить, требуют демократических свобод, матерят Хрущева и Ельцина, сдавших русский город врагу.

Полураздетый смуглый дяденька, с раздутым животом, смоляными кудряшками и бородкой клинышком, гкачет перед украинскими морячками, как беременный фавн, называет себя депутатом и угрожает судом.

Пожилая дама в тошнотворно зеленом платье, подвывая,

читает украинским матросам стихи собственного сочинения:

— Как наши деды воевали все на великой той войне, о том вы помните едва ли, и дураками мнитесь мне!

Матросики басовито хихикают, таращат глаза и хором, напирая на фрикативную «г», повторяют:

— Це наш гхород!!! Севастополь — це наш гхород!

— ...Э,нет! Севастополь — город русских моряков! Россия! Мы твои дети! Даешь революцию!

— Экскурсии под парусом! — голосит зазывала баба Надя, сидящая тут же, в паре метров от революции, на раскладном стульчике. — Экскурсии по бухтам русского города Севастополя!

Русского! Подходим, берем билетики, смотрим русские бухты русского города, недорого! Ишь ты! Они там, в Киеве, хотят переиначить нам нашу историю!..

Все кричат, поют, надрываются, потеют, болеют за родину, отстаивают каждый свою правду.

Все врут.

У меня есть затычки для ушей. Мягкие рыжие колбаски, по четыре в упаковке, без них я по городу ни ногой. Несколько упаковок всегда лежат у меня в кармане.

Я вставляю затычки в уши. Через затычки до меня доходят уже не слова, а мерный фальшивый гул, почти безболезненный.

...Амиго ведет себя странно и совсем не радуется мячу, который я ему принесла. Он нервно пинает мяч и отплывает в дальний угол бассейна. Потом кричит — обиженно, с присвистом. Я обхожу бассейн, приседаю на корточки, опускаю в воду правую руку.

Амиго трется об нее носом, резиновым и твердым, как автомобильная шина. Потом открывает пасть и чуть-чуть прикусывает мои пальцы. Зовет.

— Ты хочешь, чтобы мы вместе поплавали в бассейне?

Он раздражается, прикусывает мне руку сильнее, бьет хвостом по воде.

— Ты хочешь в камеру?

Он довольно заваливается набок.

— Амиго, я имею право на сеанс только по утрам. Если кто-то увидит, что я погружаюсь сейчас, у меня будут проблемы...

Наверное, он не понимает, что такое проблемы. В его лексиконе имеется слово «беда» — но это не совсем то... И что такое

«право», он тоже не понимает.

— Амиго, хочу спускаться туда завтра, — говорю я, но он уже не слышит меня.

Он нырнул в свою подводную дверь и теперь плывет по узкому канальчику вправо и вниз, к люку, ведущему в барокамеру. Он заплывет внутрь и будет ждать меня там.

Все ученики интерната «Надежда» имеют бесплатный много-разовый абонемент в Севастопольский дельфинарий в Артбухте. Мы можем ходить на представления в 17.00, но абонемент не для этого. По вечерам нам рекомендуется купание вместе с афалинами — дельфинотерапия. Считается, что дельфинотерапия положительно влияет на психику детей и подростков... «А когда у нас будет аппендицит, Евгений сделает нам акулохирургию», — пошутил как-то Рыжий...

И еще здесь есть КСД. Камера сенсорной депривации. Это почти что акулохирургия. Это по утрам. Это только для меня.

Раньше Подбельский направлял в КСД и других — но другие, пользуясь его лексикой, «не показали хороших результатов».

...Я надеваю костюм — такой, как у аквалангистов, только лицо тоже закрыто мягкой, непрозрачной материей. Закрыто все тело. У меня во рту трубка, я дышу кислородом из маленького баллончика, закрепленного прямо внутри костюма. Кислорода хватает на двадцать минут.

Если что, еще пять минут я смогу пробыть под водой без кислорода. Задержка дыхания, статическое апноэ. Я это умею. В интернате «Надежда» у меня лучший результат по фри-дайвингу. Я могла бы нырять за жемчугом где-нибудь у островов Туамоту. Но я здесь.

...Я открываю люк и погружаюсь в резервуар с теплой соленой водой. Я в невесомости. Я ничего не вижу, не слышу, не обоняю...

Считается, что, если вода в резервуаре плотная, а температура ее — 35-36 градусов, погруженный в такой резервуар человек не ощущает своего тела. Считается, что, если убрать все внешние стимулы и раздражители, человеческий мозг перестает обрабатывать информацию и переходит в «спящий режим». В этом режиме мозг полностью расслабляется, — полагают одни. В этом режиме мозг задействует свои внутренние ресурсы, — утверждают другие.

Подбельский возлагал на «спящий режим» большие надежды. Не знаю, какие — но они явно не оправдались. Он вставлял нам в ухо наушник, чтобы мы могли его слышать даже там, под водой. «Разгрузка мозга очень полезна для вас в креативном плане, — говорил он. — Погружайтесь в себя, плывите, не бойтесь уплыть далеко. Плывите внутрь! Ну же!»... Но мы не понимали его. Во время сеанса одни превращались в блаженных идиотов и покачивались в соленой водичке, как оглушенные штормом медузы, другие — вроде меня — впадали в панику, задыхались, старались выбраться из теплой пустой темноты. Они так и не показали хороших результатов.

Только я. И теперь это только для меня.

...Я ничего не вижу, не слышу, не обоняю. Я исчезаю, я не чувствую своего тела. Она исчезает, она не чувствует своего тела. Это неприятно — но это скоро пройдет. Он подхватит ее и впустит к себе...

На этот раз все синее и холодное. Пахнет морем, и ветром, и подгнившими водорослями, и больной рыбой.

— Сегодня была беда, — говорит ей Амиго.

— Какая беда?

— Раньше был человек. Играл со мной в мяч. Катался на мне. Потом давал рыбу. Все стучали руками. Все улыбались. Потом опять играл. Прыгать. Учить. Человек. Мяч. Раньше был человек. Название человека. Раньше знал. — Амиго забывает слова, когда нервничает, и от этого нервничает еще сильнее, и от этого все краснеет, и пульсирует, и запах рыбы острее.

— Дрессировщик, — подсказывает она. — Ты о нем говоришь?

— Да. Дрессировщик. — Амиго немного успокаивается, и красный перетекает в лиловый, а потом снова в синий. — У меня был дрессировщик. Хороший. Теперь его нет. Теперь другой человек.

...В первый раз он ее вытащил, когда она стала кричать. Она кричала прямо в трубку, ведущую к баллончику с кислородом. Этот крик никто не мог слышать, да она на это и не рассчитывала, просто камера, эта КСД, сводила ее с ума. Она не чувствовала своего тела. Она кричала, чтобы убедиться, что существует.

Тонущих в море дельфины толкают к берегу. Это общее место. Это их дельфиний рефлекс. Сначала он тоже пытался ее подтолкнуть — вверх, к люку, — но люк был закрыт. «Длительность сеанса двадцать минут, кислорода хватает на двадцать минут, и все это время люк будет закрыт», — так распорядился Подбельский... Амиго ткнулся носом в люк еще раз и понял, что бесполезно. И тогда он опять подтолкнул ее, но уже как-то иначе. Не к люку. А внутрь.

Там тоже была пустота, но другая, солнечно-желтая, и пахло сухим соленым песком. Там было уже не так страшно, потому что там она была не одна. Она никого не видела — но чувствовала чье-то присутствие.

— Кто здесь? — спросила она беззвучно

— Амиго, — беззвучно произнес он. Его голос был ровным, тихим, скорее мужским, чем женским. Она слышала его голос внутри себя. — Амиго, — сказал он снова.

Он знал свое имя — так обращался к нему дрессировщик.

— Амиго — афалина, — добавил он. — Амиго — хороший мальчик.

Больше никаких слов он не знал... Со временем она его научила.

...Со временем я его научила. Я люблю говорить с Амиго. Для этого нужно пройти через КСД, для этого нужно провести несколько секунд в черной пустоте, но когда все кончается, когда он впускает меня,—я понимаю, что буду приходить снова и снова. Амиго — идеальный собеседник. Он не врет никогда.

Не умеет.

В его простом афалиньем мире все предельно вещественно, предельно конкретно. Есть предметы, места, желания и события. Больше ничего нет и не может быть. Информацию о предметах, местах, желаниях и событиях его тело передает сородичам при помощи ряда сигналов. Каждый телесный сигнал уникален, его невозможно ни заменить, ни отменить, ни тем более подменить. Физически невозможно... Амиго знает, что вместо телесных сигналов человек использует слова. Тогда каждое слово, в его представлении, должно соответствовать какому-либо предмету, событию или желанию. С огромным трудом он усвоил, что бывают, например, еще и оценки — «плохой», «хороший».

— Хороший дельфин — дельфин, который прыгает высоко, — зубрил он. — Плохой дельфин — дельфин, который прыгает низко. Хороший человек — человек, который дает дельфину рыбу и улыбается дельфину. Плохой человек — человек, который не дает дельфину рыбу и громко кричит на дельфина...

Он еле смирился с тем, что бывают еще и просто слова — абстракции, фантомы, пустые сигналы.

Но ложь, фальшивые сигналы — этого он просто не может понять.

Не может понять, как одни слова заменить на другие:

— Есть предмет — и его слово. Другое слово — чужое, не его...

Я пыталась объяснить ему принцип:

— Например, увидел в море рыбу. Ты съел ее. А своей стае потом подал сигнал, что в море ты видел только камни.

— Я назову рыбу камнем?

— Нет. Ты притворишься, что рыбы вообще не было.

— Я назову рыбу отсутствием рыбы?

— Нет. Ты вообще не назовешь рыбу. И не скажешь, что ее съел. Ты соврешь.

— Нет. Я всегда называю рыбу. Рыба — предмет. Когда встречаю рыбу, мое тело подает сигнал об этом предмете — и где я его встретил. Значит, я называю предмет и место. Когда ем рыбу — тело подает сигнал об этом действии. Значит, я называю действие. Другие афалины идут ко мне — они тоже хотят есть рыбу. И вот они едят рыбу. Мы все едим рыбу. Тогда зачем я говорю, что это не рыба, а камень? Зачем говорю, что это не рыба, а отсутствие рыбы?..

Амиго — мой лучший друг. Он не врет никогда.

Каждый раз я говорю с ним до тех пор, пока в баллоне не кончится кислород. Я говорю с ним каждый раз по двадцать минут, но там, внутри его цветной пустоты, наше время течет иначе — иногда кажется, что кислород из баллона исчезает мгновенно, иногда мы беседуем по много часов...

— ...Теперь другой дрессировщик. Плохой дрессировщик. Делает круглый огонь. Кричит на дельфина. Говорит другие слова.

— Другие?

— Другие.

— Например?

— Шпринг. Фанг. Шнель. Чужие слова.

— Странно... Я попробую поговорить с ним, Амиго.

— Не надо. Плохой. Будет называть одно другим. Сделает тебе больно.

— Но я все же попробую...

— Спасибо. Это просто такое слово... Скажи ему, я не хочу играть в круглый огонь. Когда я вижу круглый огонь, хочу бояться. Хочу уплыть на другую сторону дна.

При всей конкретности его мироздания, там есть элементы, которые ей не понятны. Амиго несколько раз говорил про «другую сторону дна». Когда она спрашивает, что это такое, он отвечает ей: «место». Когда она спрашивает, где это место, он говорит: «на другой стороне». Он удивляется, что она не понимает, о чем он. Он спрашивает: «У вас разве нету другой стороны?»

ОХОТНИК

Клаус Йегер, президент компании «Риттер Ягд», депутат баварского парламента, господин на вид лет шестидесяти, с идеально прямой спиной, волосами цвета ржавчины и глазами цвета монеты в пятьдесят евроцентов, — этот господин чуть sprysнул лимонным соком запеченную на гриле перепелку. Затем он сделал глоток сухого красного вина, отложил нож и вилку, ибо дичь он всегда ел руками, и взял перепелку пальцами за коричневую тонкую косточку. Пальцы президента компании были покрыты пигментными пятнами, равно как и тыльные стороны ладоней.

Руки — вот что выдавало истинный возраст господина Клауса Йегера. Восемьдесят один год.

Но сдаваться он не собирался. Витаминно-минеральный комплекс, разработанный риттерягдовским отделением инноваций и биотехнологий специально для нужд президента компании и принимаемый им уже одиннадцать лет по особой схеме (неделя внутривенно, неделя перорально, снова неделя внутривенно и затем неделя перерыв), и так уже существенно замедлил процесс старения господина Клауса Йегера, однако такой результат сам Йегер не считал удовлетворительным. Поэтому в последние несколько лет сотрудники отделения инноваций и биотехнологий — разумеется, те, которые не были заняты на проекте «Регенерация», а также на проекте РА, «Риттер Антворт», — вели активную работу над средством под условным названием «Йегер Йюгенд», «Охотничья молодость». То есть молодость господина Клауса Йегера. Средство должно было представлять собой капсулу для рассасывания («...обратите внимание, господин президент, никаких инъекций, пилюлю не придется даже глотать, вы сможете просто класть ее под язык, не правда ли, это очень удобно?»), вещество же, проникающее из капсулы в организм президента компании через слизистую рта президента компании, должно было не просто блокировать процессы старения, но и запускать различные механизмы регенерации — одним словом, омолаживать господина Клауса Йегера, снабжать его мозг бурной юношеской кровью с идеальной развернутой формулой, разглаживать морщины на лбу, в уголках рта и вокруг глаз, возвращать суставам подвижность, а мышцам упругость, растворять солевые отложения и стирать с рук ненавистные пигментные пятна... Одним словом, не отдалять, а обманывать смерть. А возможно, отменять ее вовсе.

К превеликому сожалению, завершение работы над «Охотничьей молодостью» уже второй раз откладывалось. Несмотря на то что клинические испытания на крысах и кроликах давали неизменно хорошие, пусть и не идеальные, результаты (так, четырехлетняя крыса Хельга, слепая на один глаз и в силу возрастных гинекологических заболеваний не способная к размножению, после двухмесячного курса восстановила как зрительную, так и репродуктивную функцию и принесла потомство — троих детенышей; двое из них, впрочем, родились сросшимися в области живота и оказались нежизнеспособными), испытания на сложных приматах окончились неудачей (самец шимпанзе Кухулин

скончался от инсульта уже после второй дозы Йегер Йюгенда; самка Брунгильда, присутствовавшая при этом инциденте, наотрез отказалась принимать препарат (хотя раньше с удовольствием жевала капсулы со вкусом тропических фруктов), а после насильственного введения препарата внутривенно затосковала и через два часа умерла в силу неустановленных — не исключено, что сугубо психологических, «но рисковать мы не в праве» — причин. Эксперимент с волонтером (в соответствии с трехсторонним договором между компанией «Риттер– Ягд», администрацией тюрьмы Штамхайм и Министерством здравоохранения, тюремные заключенные, на добровольной основе принимающие участие в экспериментальной программе «Риттер-Ягд: здоровая пища», могли претендовать на существенное сокращение срока) также не увенчался успехом. Шестидесятилетний заключенный Штамхайма Йозеф Зильберман, профессор штутгартского университета, отбывавший пожизненный срок за серию预умышленных убийств, совершенных с особой жестокостью, пройдя полугодовой курс терапии «Охотничьей молодостью» (по одной таблетке с пищей три раза в день), показал существенное улучшение физических параметров организма и дал хороший результат в области регенерации как кожных покровов, так и внутренних органов, однако же, несмотря на прекрасные показатели мозгового кровообращения, обнаружил значительное снижение интеллектуальных способностей. Он разучился читать, писать и считать, практически полностью утратил навыки устной беседы и интерес к оной и оживлялся лишь в случае, если ему задавали вопрос: «Сколько вам лет?» В ответ на этот вопрос Йозеф Зильберман несколько неуверенно, но с очаровательной улыбкой демонстрировал три пальца на правой или же левой руке, после чего складывал пальцы в кукиш и, сильно фальшивя и пуская слюну, с отчетливым восточноевропейским акцентом затягивал песенку «Happy birthday to you»... Вскоре после завершения эксперимента родственники заключенного подали на «Риттер Ягд» в суд, однако адвокатам господина Клауса Йегера удалось замять дело: родственникам заключенного выплатили очень приличную денежную компенсацию, сам же Зильберман был переведен из тюрьмы в частную клинику для душевнобольных. Господин Клаус Йегер оплачивал приходившие из клиники счета в течение нескольких месяцев, после чего необходимость в этом отпала, так как больной погиб в результате несчастного случая, подавившись за завтраком овсяной кашей с кусочками яблока. Вскоре после смерти больного его родственники подали на частную клинику в суд — но это уже не была проблема господина Клауса Йегера и его адвокатов.

...Господин Клаус Йегер подцепил вилкой мягчайшую, похожую на слегка оплавленную свечу, палочку спаржи и отправил ее в рот вслед за перепелкой.

Возглавляемая им компания специализировалась на фаст-фуде. Нет, речь шла не о пагубных для здоровья нации американских хот-догах и не о тлетворных турецких дёнер-кебабах. Речь шла о фаст-фуде — быстрой еде — в самом что ни на есть высоком, рыцарском смысле. «Охотник, не набивай себе брюхо!», «Рыцарь,

хватит жевать!», «Освободи себе день для подвигов!» — гласили рекламные риттерягдовские биллборды. — «Одна капсула в день заменит тебе завтрак, обед и ужин. «Риттер Ягд» — и ты свободен для подвигов», — таков был их слоган. Риттер Ягд. Рыцарская охота.

На некоторых биллбордах красовался и сам президент компании Клаус Йегер — в рыцарских доспехах и с открытым забралом. Молодой телом и духом, он держал на ладони «рыцарскую» таблетку, от которой исходило сияние, как от Святого Грааля.

Достаточно было лишь раз увидеть господина Клауса Йегера — в доспехах или без, на картинке или вживую, чтобы тут же понять — на свете нет ничего более полезного, сбалансированного, естественного, чем эта таблетка.

Сам Клаус Йегер, впрочем, предпочитал натуральную пищу. Об этом не сообщалось широкой общественности, во избежание нежелательных встреч с папарацци господин Йегер отказывал себе в удовольствии кушать в дорогих ресторанах, а в дешевых тем более, это был его маленький секрет, его маленькая, вполне позволительная слабость: лишь натуральная пища самого высокого класса, на завтрак, обед и ужин. Дичь — из экологически чистых норвежских лесов, рыба — из незамутненных тихоокеанских глубин, овощи и фрукты — из лучших садов южной Европы. Только Европы — от азиатских фруктов депутата мутило.

...Клаус Йегер промокнул губы салфеткой и надавил покрытым пигментными пятнами пальцем на кнопку с внутренней стороны столешницы. Хэлен явилась незамедлительно. Она была хорошей секретаршей, практически идеальной. Она сочетала в себе все те качества, которые Клаус Йегер ценил в секретаршах больше всего. А именно: она была натуральной блондинкой, она никогда не опаздывала, она не задавала ему вопросов и она никогда не употребляла местоимение «я». Последнее было, пожалуй, самым приятным. Никаких там «я думаю», «я хочу», «я не смогла», «я решила», «я сделала». «К вам приходил такой-то — однако согласно вашей инструкции он не был пропущен». «Звонок по такому-то номеру был осуществлен ровно в ю:00». «Звонила ваша супруга, но, поскольку вы были заняты, она не была с вами соединена». Самой Хэлен как бы не было вовсе. Мир был рационален и строг. В нем все совершалось правильно, согласно инструкциям Йегера, но как бы само собой. От этого становилось легко и покойно.

— Звонила ваша супруга, дважды, но, поскольку вы были заняты сначала кинопросмотром, а после обедом, она не была с вами соединена, — нежно чирикнула Хэлен, собирая использованную посуду. — Она просила вас перезвонить по срочному делу.

— Спасибо, Хэлен. Будь добра, перезвони ей сама. Скажи, что я страшно занят. Скажи, что на ужин я хотел бы что-нибудь легкое — овощи-гриль, свежую зелень и кусочек форели...

Хэлен покорно склонила белокурую голову. Не поднимая

головы, глядя в пол, она тихо сказала:

— Вас ждет Старуха.

— Уже?

— Да. Она попросила стакан молока.

— Дайте ей молока. И пусть подождет. — Йегер почувствовал, как вдоль хребта щекотно поползли крошечные мурашки. — Пусть подождет еще минут десять — а потом пригласи в мой кабинет.

Когда Хэлен вышла, Йегер улегся на кожаный черный диван, задрал ноги на подлокотник и полуприкрыл глаза. Он не любил, когда его посещала Старуха. Прежде чем ее принимать, стоило хоть немного расслабиться.

— ...Улыбнитесь!

— Это для фронтовой газеты!

Две одинаковые блондинки в мотоциклетных куртках и галифе. Тонкие лисьи лица. Злые глаза. Щелчок фотоаппарата. Улыбающиеся лица русских солдат — картинка в картинке...

Клаус Йегер смотрел мультфильм уже в пятый раз. Он перевел взгляд на Старуху. Она сидела, положив скрюченные руки на поручни кресла и уставившись прямо в экран своими мертвыми немигающими глазами. Седые волосы стянуты в конский хвост.

Как всегда. Йегер потянулся к пульту и нажал «паузу». С полминуты Старуха оставалась неподвижной, потом медленно повернула к нему лицо. Ее глаза были цвета плесени. Цвета паутины. Невыносимого цвета.

— Зачем ты выключил, — протянула она громко и монотонно. Йегер поежился. Старуха почти не разжимала губ, когда говорила, зато на шее вздувались синие вены. Ее голос, казалось, выдавливался изнутри с болью, как стон. Не человеческий стон — стон издыхающей большой птицы.

— Вы все равно не можете ничего видеть, — сказал Йегер. — А я несколько ограничен по времени. Будет лучше, если я коротко изложу вам суть дела.

— Не могу ничего видеть, — без выражения повторила Старуха. — Могу видеть ничто. Включи.

— Да-да, конечно. — Йегер неохотно нажал на «плей». — Но я все же хочу ввести вас в курс дела. Тогда наша встреча пройдет более продуктивно.

— Говори. Можешь даже выключить звук.

Выключить звук. Слепая старуха предлагает мне выключить звук. Она все-таки сумасшедшая...

— Итак, «Первый отряд», полнометражный мультфильм-анимэ русско-японского производства. Авторы сценария — Михаил Шприц — майн гот, что за фамилия! — и Алексей Климов. Режиссер — японец Ёсихару...

— Анима — душа, — равнодушно перебила старуха, по-прежнему глядя в экран. — Это я знаю. А что такое мультфильм– анимэ?

— Такой жанр. — Клаус Йегер раздраженно наморщил ржавые брови. — Дурацкая азиатская выдумка, порожденная комплексами. У всех положительных персонажей очень большие глаза... Но давайте не будем сейчас влезать в технические детали и обсуждать формальные свойства послания. Форма в данном случае — лишь издевательская обертка. Куда важнее для нас содержание. То есть действующие лица, сюжет... СССР. Начало войны. Пятеро подростков-диверсантов — так называемый «Первый отряд». Руководитель отряда — некто генерал Белов. У подростков сильная ментальная связь, экстрасенсорные способности, телепатия, все такое. Обучаются в интернате при Шестом отделе Управления Военной Разведки СССР. Вот что написано про Шестой отдел на сайте этого проклятого анимэ... Майн гот, какой неудобный сайт, о чем они думали, эти Шприцы! — итак: «В задачи отдела входило получение и обработка упреждающей информации о противнике, анализ и прогнозирование развития ситуаций методами гипноза, экстрасенсорного восприятия и оккультных»...

— Клаус, не утруждайся. Ты говорил, что важен сюжет.

— Извольте. 22 июня 1941 года все члены Первого отряда, за исключением одного — подростка по имени Надежда Русланова, — взяты в плен и казнены представителями Аненербе. Казню руководит обергруппенфюрер СС Линц и его помощницы Эльза и Грета Раух, сестры-близнецы. Посредством священного меча барона фон Вольффа, павшего 700 лет назад в ходе Ледового побоища, подростки обезглавлены...

— Все четверо?

— Все четверо.

Глядя слепыми глазами в экран, старуха издала громкий, протяжный стон. И еще один. И еще. Клаус Йегер почувствовал, что у него пренеприятнейшим образом намокает рубаха под мышками. Старуха смеялась.

— Жаль, что я не могу видеть этот мультфильм. Как выглядят в мультфильме отрубленные головы пионеров?

— Головы остаются за кадром...

Йегер покосился на телеэкран. В бункере, украшенном свастиками, шесть мрачных гномов, наряженных в лиловые балахоны поверх эсэсовской формы, колдовали над старинным мечом.

— ...Далее по сюжету. 1942-й год. Сотрудники «Аненербе» вызывают из мира мертвых дух барона фон Вольффа и просят его помочь им в решающей битве с русскими. Подросток Надя по приказу Шестого отдела отправляется в царство мертвых к своим погибшим товарищам с аналогичной просьбой: она просит их...

— Отправляется в царство мертвых? На чем отправляется? На велосипеде? На ковре-самолете?

— В послании фигурирует так называемый некропортал, «Спутник 01», специальный аппарат, разработанный Шестым отделом...

— Герр Клаус Йегер. — Старуха оторвалась. наконец, от экрана и резко повернулась к нему, дернув худой шеей, как птица. — При всем уважении, депутат Йегер, почему вы называете эту галиматью посланием?

— Фрау Грета. Совершенно очевидно, что произошла утечка информации. «Первый отряд» — при всей его карикатурности, при всех передергиваниях — доказательство этой утечки. Это демонстрация. Вызов. Кто-то явно с нами играет. Вот поэтому, я полагаю, мультфильм можно смело назвать посланием.

— Идиот,—протяжно сказала Старуха; два пустых белых глаза уставились ему в переносицу. — Этот мультфильм можно смело назвать посланием, потому что в нем есть кадры, которые вижу я.

— Что вы видели, Грета?

— Полую землю. Что еще я могла увидеть? Полую землю, покрытую тонким льдом...Перепишите мне этот мультфильм на диск, дорогой Клаус. Я буду смотреть его на ночь. В «Кабинете доктора Калигари» тоже есть пара неплохих кадров — но он мне уже надоел.

— Он ваш лечащий врач, этот Калигари?

Старуха потянулась скрюченным пальцем к лицу, поскребла ногтем в уголках пустых глаз.

— Идиот, — повторила она едва слышно, массируя кожу под нижними веками.

— Простите?...

— Вы просто не представляете, депутат Йегер, как сильно порой хочется моргнуть.

— Я могу что-нибудь для вас сделать, Грета?

— Да, Клаус. В следующий раз принимать меня в свежей рубашке: у незрячих людей очень развито обоняние. И еще ознакомиться с шедеврами немецкого киноэкспрессионизма. Впрочем, нет. Экспрессионизм — это, пожалуй, не ваше. Лучше смотрите японские анимаусы.

— Анимэ, — огрызнулся Йегер.

Старуха тяжело поднялась. Внутри нее что-то хрустнуло, точно сломали сухую тонкую ветку. Лабрадор-поводырь, расплзшийся у ее ног бесформенной черной кучей, суетливо вскочил и стал отряхиваться так яростно, будто все это время провалился на дне грязной лужи.

— Я поговорю с Оборотнем, — сказала Старуха с порога. — Если есть послание — значит, есть отправитель.

4 ОБОРОТЕНЬ

...Они были глупы и наглы. Они хотели лишь власти. Лишь экспансии. Лишь превосходства. У них не было мыслей и чувств — их вел звериный инстинкт. Но, беря след, они сами толком не знали, какую дичь загоняют. Они не имели права на Истину — и Истина ускользала от них. Самых талантливых в своих рядах они истребляли сами...

5 НИКА

— Они такие загадочные — и в то же время такие наивные... Они почти что дети — но в то же время уже вполне профессиональные артисты... О них слагают легенды — и кто знает, сколько вымысла, а сколько правды в этих легендах...

Ведущая тянет время. Представление длится час, а дельфины и морские котики выполняют все свои трюки минут за двадцать. Остающиеся сорок заполняются голосом Тамары Васильевны. Ее голос слащаво дребезжит, как липкий железный подстаканник в поезде дальнего следования. Этот голос нелегко выносить, но зато у Тамары Васильевны есть одно бесценное качество — она может говорить бесконечно, без пауз, генерируя одну бессмысленно-благодатную банальность за другой.

— ...Наши маленькие артисты — им так важно ваше внимание, ваша вера, ваша любовь! Я хочу попросить вас об одном одолжении — когда наши артисты выйдут на сцену, поприветствуйте их громкими аплодисментами. Ведь каким бы маленьким ни был артист, ему важно знать, что его труд ценен и нужен!..

Раньше Тамара Васильевна работала «тамадой» в секте: «О господь, аллилуй-йя! Я знаю, как тяжок труд твой, аминь! О, мы ценим его, этот труд, потому что мы знаем, чего он стоит тебе, аминь! Я знаю, ты сегодня придешь и будешь с нами, аминь, как ты делаешь это всегда, аллилуйя, и ты благословишь нас сейчас, потому что ты уже живешь в наших сердцах, аминь, Господи, наши сердца, наши души, наш дух — все это раскрыто для тебя, О Господь, аллилуйя, мы раскрыты для тебя и закрыты для Дьявола, трижды аминь, потому что мы твои дети, Господь! Сегодня особенный день, аллилуйя, потому что мы собрались здесь сегодня, чтобы благодарить тебя и чтобы славить тебя!...»

— ...Раскройте свои сердца для наших маленьких артистов, друзья! Ведь все мы собрались здесь сегодня, чтобы подарить друг другу радость и праздник! А теперь я со своей стороны раскрою наш маленький, но очень важный секрет — сегодняшняя программа будет особенная. Потому что ее подготовил для нас мастер высшего класса, приехавший издалека! Итак, встречайте: один из лучших дрессировщиков Европы, заслуженный артист, гер-р-р Йеманд Фремд!

— Мам, це шо, прынц? — раздается детский голос из зала.

...На нем черный костюм, плотно облегающий тело. Пепельно-русые кудри, жесткие от морской соли. Тонкий золотой ободок в волосах — чтобы пряди не падали на лицо. Он похож на валета червей из сувенирной колоды. Он похож на древнего викинга из подарочной книги в бархатном переплете. Он подходит к самому краю бассейна и поднимает правую руку в приветствии... Подбельский сидит в заднем ряду, я чувствую спиной его взгляд. Его взгляд — как холодный сквозняк. Как прикосновение мокрых пальцев к горячей коже на шее...

— ...Самое смешное, что все это действительно было, — сказал мне в том разговоре Подбельский. — Надя Русланова. И этот отряд. И этот отдел.

— Шестой отдел? Из мультфильма?

— Шестой... Второй... Пятый... Цифра часто менялась. Но суть оставалась прежней. Спецотдел. Когда-то на него работали великие люди...

Я подумала, что было бы здорово ударить его по лицу. Он надо мной издевался. Я рассказала ему все, что он хотел слышать, — а он в ответ решил отбрехаться пошлейшей сказкой про людей в черном и советский филиал школы Хогвартс.

— ...Потом великие измельчали. Но шанс все равно оставался.

— Шанс на что?

— Шанс, — он посмотрел на меня своими глазами-медузами, — на победу.

Крохотные зрачки подрагивали и слегка шевелились, как мошки в желе. Я подумала: такие глаза обычно бывают в кино у маньяков. И еще я вдруг поняла, что совсем не чувствую боли. Значит, он мне не врал. В кои-то веки говорил то, во что верил.

— Михаил Евгеньевич, вы — сумасшедший?

— Кажется, это ты только что рассказывала мне про гнилую луну, тонкие тени и пустой круг на льду. — Подбельский весело хохотнул. — У тебя галлюцинации, куколка. Так кто из нас сумасшедший?.. Все закончилось в девяносто втором. — Улыбка одернулась с его лица резко, как фальшивая борода. — Ельцин всех сдал. Пропил мозги — и империю тоже пропил... Когда развалился Союз, я уже несколько лет работал на спецоперации здесь, в Крыму... Но Крым стал чужим. Я получил приказ бросить все и возвращаться в Москву. Начались перетряски. Нас передавали из одного ведомства в другое. В итоге нас отдали в ведение ФСО РФ...

— Кого — нас?

— Нас. Спецотдел. Нас решили оставить. Не как реальную силу — как игрушку, как маленький цирк уродов при Федеральной службе охраны... Нам полагалось служить штатными клоунами для новой России. Но уважающие себя люди присягают раз в жизни и служат только одной стране. Мы себя уважали. Поэтому мы просто исчезли...

— ...А теперь встречайте нашего юного морского артиста! — гундосит Тамара Васильевна.

Амиго всплывает из подводной дверцы в бассейн и выпры-

гивает из воды, приветствуя публику. Тусклый глаз точно затянут серой полиэтиленовой пленкой. Обратно в воду он падает брюхом, неловко и некрасиво. Он явно не в настроении, он не готов выступать.

— Комм, — одними губами говорит дрессировщик, и Амиго покорно подплывает к нему.

Дрессировщик ставит правую ногу на мокрую спину Амиго — как победитель, как воин-завоеватель. Он толкает его этой ногой вниз, под воду, — или нет, просто переносит вес тела. Вторая нога отрывается от края бассейна — и вот дрессировщик уже скользит по воде, стоя на спине у дельфина...

...Горящий обруч опускается сверху на тросе и висит над бассейном. Дрессировщик легко соскакивает обратно на кафельный бортик. А Амиго резко уходит под воду.

— ...А сейчас, друзья, дрессированная афалина Амиго продемонстрирует вам свой самый любимый номер!..

Когтистая лапка боли сжимается у меня в животе: она врет. Она знает, Амиго это не любит.

Амиго выныривает и прыгает в центр огня. Он самую малость промахивается — пролетает не в середине обруча, а чуть ближе к нижнему краю. Я вижу, как красные горячие язычки лижут его живот. Он снова ныряет, выныривает, широко раскрывает свой рот, похожий на клюв. Дрессировщик кидает ему снулую рыбину из ведерка...

Зал аплодирует. Парни в тельняшках, сидящие в переднем ряду, пронзительно свистят. А я слышу еще один свист — тонкий свист афалины.

Он расстроен. Он хочет уплыть на другую сторону дна.

— ...Что значит «просто исчезли»?

— Ну — навык имелся... Скажем так: мы самораспустились. Сожгли архив. Сменили имена и фамилии. Сменили род деятельности. «Сейчас я буду медленно считать до десяти. — Подбельский сделал каменное лицо и причмокнул. — Раз... Вы абсолютно спокойны... Два... ваше тело почти невесомо... Три... вы испытываете чувство полета... Четыре... Ваши внутренние будильники прозвонят завтра вовремя... Пять... вы совершенно расслаблены...»

Он «исчез». Он заделался экстрасенсом (благо навык имелся) и несколько лет кочевал по своему когда-то огромному, а теперь уже не существующему советскому государству, выступая в различных ДК и концертных залах, вводя в гипнотический транс стадионы — а иногда отдельно взятых клиентов.

Это правда.

Потом ему надоело. На деньги от выступлений он открыл интернат в Севастополе. Чтобы дать несчастным детям надежду.

Это ложь. Вернее — что-то из этого ложь.

— Вот тут, — я прикоснулась к животу чуть выше пупка, — тут мне больно, когда ты врешь, папа.

— Да, я знаю. Там, где солнечное сплетение. Там, где душа.

— Тогда не ври. Скажи, чего ты от нас всех хочешь.

— Хотел. Правдивее будет в прошедшем: хотел. Я хотел... мне нужен был мой собственный Первый отряд. — Он говорил очень медленно. — Я искал детей, способных... на многое. — Он аккуратно подбирал слова, выискивая более общие и потому более честные. — Детей, способных переходить грань.

— Зачем?

— Чтобы у нас был шанс на победу.

— Победу в чем?

— Победу в войне.

— Разве идет война?

— Она скоро начнется...

...Когда программа дельфинов заканчивается и появляются морские котики, я быстро протискиваюсь по ряду, задевая чьи-то волосатые коленки и икры, огибаю здание дельфинария и захожу в него с черного хода.

Дверь в гримерную чуть приоткрыта. Новый дрессировщик сидит ко мне спиной перед зеркалом. Его отражение, жмурясь, деловито стирает ватным тампоном золотистые блестки с лица.

— Йеманд Фремд!

Он оборачивается ко мне почти сразу, но все же с крошечной задержкой — и несколько более резко, чем стоило бы. Наверное, поначалу так реагирует на оклик любой, кто представился не своим именем и еще не успел с ним как следует сжиться. Изобретательный псевдоним. Йеманд Фремд. Некто Известный.

— Изобретательный псевдоним, — говорю я ему по-немецки.

Он улыбается во весь рот, во всю свою идеально квадратную челюсть.

— Можно по-русски, — говорит он. — Я в детстве учил.

У него мягкий, убаюкивающий какой-то акцент.

— Но практики у меня давно нет...

Мне нравится, как он говорит это «нет», — аккуратно и нежно выдыхая на последней согласной, точно сдувая крохотную пылинку с цветка.

— Чем могу вам служить?

Мне нравится этот его старомодный высокий штиль...

— Этот дельфин, — говорю я. — Амиго... Он мой. Ну то есть — я его здесь опекаю. У меня с ним хороший контакт. Я изучила его повадки, особенности его поведения. Он не совсем обычная афалина...

— О да, конечно...

— ...У него очень подвижная психика, он впечатлителен и легко возбудим...

Некто Незнаемый смотрит на меня, улыбаясь. Мне не нравится эта его улыбка. Слегка снисходительная.

— С тех пор как вы его дрессируете, он стал очень нервным, — резко говорю я. — Вы обращаетесь с ним слишком жестко. Амиго... Это животное привыкло здесь к совершенно другому обращению.

— Немецкая школа дрессировки. — Он беспомощно разводит руками. — Возможно, вы правы. Возможно, я был слишком строг.

Что-то в этих словах — неправда. Ясно, что: он просто не собирается со мной спорить. Что бы он там себе ни думал, ему легче отделаться от меня вежливой фразой.

— Впредь я буду с ним мягче, — говорит Незнаемый. — Обещаю.

Боли нет. Это странно — но боли нет. Значит, он и впрямь обещает.

— Меня зовут Ника. А вас? Как вас на самом деле зовут?

— Томас, — широко улыбается он и протягивает мне загорелую руку.

Я стою неподвижно. Я слушаю боль.

— Очень приятно, — смущенно бормочет он и неловко прячет руку в карман.

— Ви хайст ду? — говорю я.

— Томас... — Он игриво глядит на меня. — А вас на мякине не проведешь!..
— В слове «мякина» ударение он ставит на первом слоге. — О'кей. Меня зовут Генрих.

Я молча качаю головой.

Он совсем перестает улыбаться. Он смотрит внимательно, не мигая. У него красивые глаза. А вокруг них — нестертые блестки, такого цвета... как липовый мед на солнце. Одна блеска прилипла в уголке его глаза.

— Эрвин, — говорит он. — Меня зовут Эрвин.

— Теперь похоже на правду.

Он пожимает мне руку, потом той же рукой трет глаз. Тот, с золотой соринкой.

Мне отчего-то становится его жалко.

— Три к носу, — говорю я ему. — Если хочешь, чтоб вышла, три пальцем в направлении к носу.

6 ОБОРОТЕНЬ

...Их предки пришли с Южного полюса тьмы.

Они не имели права на Истину — и Истина ускользала от них. Самых талантливых в своих рядах они истребляли сами...

Им не был дан Разум — эта животворная искра, это умение возвращать любую вещь или сущность к ее духовной первопричине, освобождать тончайшую эссенцию сути из-под застывшей коросты конкретности.

Они были, остаются и будут человеко-зверьми, человеко-объектами, жалкими имитациями истинного Творения...

7 НИКА

...Подбельский ждет меня снаружи, у выхода.

Он плохо выглядит. Немытые волосы торчат в стороны клоунами, как слипшиеся перья на боках у больного голубя. Глаза будто стали еще прозрачнее — они как вода, затянутая тончайшей ледяной пленкой. Он выглядит так, что хочется развернуться и уйти прочь. Вымыть руки с мылом и закутаться в шерстяной плед.

Он говорит:

— Я ничего от вас не добился. Никто не перешел грань — даже ты, моя лучшая куколка.

Он говорит мне:

— Времени больше нет.

Он говорит:

— Этот мультфильм — это послание. С другой стороны. От врага или от союзника. Я не знаю. Не понимаю. Я думал, ты сможешь понять. Я думал, ты сможешь принять все послание, но даже ты видела только обрывки...

Он говорит, если есть послание, значит, есть отправитель. Он говорит, что хочет закрыть интернат и отправиться искать отправителя. Он говорит, что я должна ехать с ним вместе. Что времени нет, что времени очень мало. Он говорит, у него есть кое-какие бумаги. Кое-какие записи. Доказательства. Документы. Его руки трясутся. Он протягивает мне конверт.

Он говорит:

— Ознакомься вот с этим, Ника.

Он говорит:

— Это поможет напасть на след.

Он говорит: представь, что ты секретный агент.

Он говорит: учти, за нами следят.

Я говорю:

— Вы действительно сумасшедший.

Ты сумасшедший.

Папа, ты сумасшедший.

Я прячу руки в карманы, чтобы не брать у него конверт. Я разворачиваюсь — чтобы идти обратно, к дельфинам.

Дельфины не врут.

Дельфины не сходят с ума.

Он кричит вслед:

— Так ты со мной едешь, Ника?

Я отвечаю:

— Нет.

Нет. Ответ отрицательный.

Я говорю:

— Ты псих. Что ты делал с нами все эти годы?

— Я давал вам надежду...

— Не ври.

Со стороны проспекта Нахимова доносятся нестройные визги:

— Севастополь-Крым-Россия! Севастополь-Крым-Россия! Кто-то надсадно кашляет в громкоговоритель, харкает,

кажется, в него же, сварливо сообщает, шо демонстрация
заборонена и шо потрибен дозвил влади для проведения ходу.
Кто-то орет самозабвенно, до рвотных позывов:

— Кацапи! Або весь Крим буде балакати на украинський, або балакати буде
никому! Кацапи! Ваше місце у Тамбовсь- кий губернії мисити грязюку и валятися п'яними
попид тинном!

В ответ старческие голоса привычно затягивают:

— Встава-а-й, стра-на-а-громная, встава-а-а-й на смертный бой– Подбельский
неподвижно стоит посреди тротуара со своим

дурацким конвертом в руке. Прозрачные глаза его
полузакрыты. Он шевелит сухими губами:

— ...С фашистской силой темною, с проклятою ордой... Я уйду.

Я оставляю его на улице.

Рядом с люком, ведущим в КСД, на корточках сидит Эрвин.
Люк открыт. Эрвин смотрит в густую соленую воду.

— Йеманд Фремд, — говорю я, и он поднимает ко мне улыбающееся лицо.

Мне не нравится эта его улыбка. Чуть презрительная. Чуть
кривая.

— Прошлый век, — говорит он. Совершенно бессмысленное устройство.

— Это камера сенсорной депривации.

— Я знаю, что это — Эрвин проводит пальцем по краешку люка, на пальце
остается след ржавчины. — Но я не знал, что старик Джон Лилли у вас до сих пор
популярен.

— Что это за старик?

— Человек, который изобрел эту штуку. Больше полувека назад. Он надеялся, что человеческий мозг на что-то способен... Но он разочаровался в человеческом мозге. И переключился на мозг других крупных млекопитающих. Старик Джон учил дельфинов английскому... — Эрвин ухмыльнулся, — накачав их предварительно ЛСД. Самые талантливые ученики гибли от передозировок, не успев до конца освоить Past Simple. Двоечники не продвинулись дальше hello. Сам он сидел, кажется, на кетамине... Смешной у тебя костюм.

Он нагло меня разглядывает.

На мне облегающий зеленый костюм для погружений. У меня слишком маленькая грудь. И слишком широкие бедра. Я чувствую себя героиней мультика-анимэ — с глазами, вылезающими из орбит, трясущимися красными щеками и задранном подолом.

— ...Впрочем, что-то подсказывает мне, что человек, который раздал приказ... то есть отдал приказ установить здесь эту камеру, увлекался скорее опытами американского доктора Камерона. Тот устраивал своим пациентам терапевтические сеансы, которые длились по пятьдесят—шестьдесят часов. Он вставлял им в ухо наушник с повторяющейся раз за разом командой. Он хотел добиться...

Мне не нравится то, что он говорит. Мне не хочется знать, что это были за опыты. И чего добивался тот доктор с фамилией тюремщика...

— Ты мешаешь мне погружаться, — резко говорю я. — Не сиди рядом с люком.

Он послушно поднимается с корточек и шагает прочь по коридору. У него длинные сильные ноги, покрытые золотистым пухом. Резиновые вьетнамки какого-то немыслимого размера со звонким чмоком отлепляются от влажных ступней при ходьбе. И при каждом шаге под кожей на щиколотках проступают сухожилия, отделенные от кости тонкой перепоночкой кожи.

Трогательные щиколотки. Изящные, как у цапли.

— Я немного поиграл с ним в мяч, — говорит Эрвин, не оборачиваясь. — С твоим другом, Амиго. Я был с ним ласков, как ты просила.

...Я погружаюсь под воду. Я ничего не вижу, не обоняю, не осязаю...

— Сегодня другой дрессировщик, — говорит мне Амиго. — Сегодня хороший. Тоже говорил другие слова. Но хороший. Ты помогла? Плохой ушел насовсем?

— Нет, Амиго, дрессировщик был тот же самый. Просто он вел себя по-другому.

— Другой человек, — настаивает Амиго. — Если ведет себя по-другому — значит, другой.

Афалиний мир надежен и прост. В нем невозможно запутаться. Есть человек — и его постоянные свойства.

Если свойства другие — значит, другой человек.

8

ОБОРОТЕНЬ

...Они были, остаются и будут человеко-зверьми, человеко-объектами, жалкими имитациями истинного Творения. Они пытались приобщиться к древним священным таинствам, стать частью великих орденов — но лишь из спеси и в силу каких-то смутных животных инстинктов, с тем же успехом они могли бы возносить молитвы духам пшеничных колосьев или просить пощады у бога грозы. Они пытались пройти обряд посвящения — но не ведали о его высшей цели и интересовались лишь формой, лишь путанными деталями самой процедуры. Они пытались читать священные тексты и разбирать руны — но, ослепленные знаками, не способны были увидеть обозначаемое. В этих мудрых и совершенных узорах цветы смысла не распускались для них. С тем же успехом они могли читать справа налево. Ничего бы не изменилось. Гондванам никогда не подняться над тупой звериной природой.

«Орден московских розенкрейцеров»... Чего стоит одно только название! И этот клоун Белюстин, его глава, считавший себя бессмертным. Из всех «объектов», которых мы изучали, этот человеко-зверек всегда восхищал нас больше всего. Как уникальный образчик пронырливости и наивности, самонадеянности и везучести, гордыни и наглости...

Всеволод Белюстин, генеральский сынок, филологический мальчик, помешанный на оккультизме и спиритизме, абсолютно, кажется, искренне полагал себя графом Сен-Жерменом. Годы Гражданской войны он провел в Крыму, и сия невероятная «истина» открылась ему на мысе Фиолент — якобы в тот момент, когда он прикоснулся рукой к какому-то валуну.

Тот, истинный граф Сен-Жермен, жил во Франции в восемнадцатом веке — предполагалось, впрочем, что его жизнь — лишь одно из множества звеньев в бесконечной цепи смертей и рождений величайшего алхимика мира. Сен-Жермен был блестяще образован и говорил на всех европейских языках без акцента. Он умел делать золото из камней, знал рецепт эликсира здоровья и долголетия, читал прошлое и предсказывал будущее. Он был истинным членом Братства розенкрейцеров и одним из Великих Посвященных.

Этот, московского разлива Сен-Жермен, тоже знал несколько языков — оттого трудился в Наркомате иностранных дел переводчиком и составлял обзоры зарубежных газет и журналов... А в свободные от работы часы он служил главой «Ордена московских розенкрейцеров», нелепейшей организации, не имевшей никакого отношения к Истине. В его «Ордене» состояло чуть больше дюжины человек, они имели разные степени посвящения и распределялись по рангам. Они мечтали овладеть магическими способностями розенкрейцеров, освоить телепатию и ясновидение, достичь астрального посвящения — жить в двух мирах, физическом и астральном. Они исполняли нелепые гимны, они проходили двойной обряд посвящения («...различается ток Света и ток Тьмы, что дает нам Белое и Черное Посвящение...»). Жалкие

человеко-зверушки надеялись научиться распоряжаться силами света и мрака!

Демииург, создавший человеко-зверей, — имитатор и фальсификатор, и его создания по природе своей имитаторы тоже. Московские розенкрейцеры, бледные копии истинных магов, своими гимнами, своими ужимками и прыжками имитировали ни много ни мало попытки овладеть Врилом, всепронзающей и всепроникающей энергией вечной Вселенной...

Но Врилом не смогли овладеть даже мы. Не смогли тогда — и пока не можем сейчас... Но сейчас мы уже совсем близко. Ближе, чем когда бы то ни было.

«Тот, кто становится хозяином Врила, становится хозяином над самим собой, над другими и над всем миром, — так нас учили. — Сначала Врилом овладеют обитатели сумрака. Они сделаются Властителями, будет большая война, все закончится и снова начнется. Мир переменится. Властители выйдут из-под земли, если у нас не будет с ними союза, если мы тоже не будем властителями, то окажемся в числе рабов, в навозе, который послужит удобрением для того, чтобы цвели новые города»... Так говорят нам сейчас. И так говорили нашим предшественникам — тогда, перед прошлой войной.

В той великой, в той позорной войне норды проиграли гондванам.

На этот раз так не будет.

На этот раз будет иначе.

9

НИКА

Я возвращаюсь в интернат сильно затемно, на последнем автобусе. Иду по пыльной неосвещенной дороге в сторону мыса. С десяток разноцветных тощих котов, собравшихся на сходку, как всегда, за час до полуночи, провожают меня неодобрительными желтыми взглядами.

Мы живем на вулкане. Наш мыс сползает к морю потоками застывшей сто пятьдесят миллионов лет назад лавы, смешанной с известняком, яшмой и сердоликом.

Мы живем среди греческих скал, серых скал с человеческими именами.

Мы живем высоко над морем. По ночам оно грызет серые камни, натирает песком застывшую лаву и слизывает известняковые крошки — чтобы когда-нибудь оторвать кусочек побольше. Чтобы когда-нибудь сожрать одну из скал без остатка.

Мы живем в Храме Девы.

Когда дочь спартанского царя Агамемнона приносила здесь кровавые жертвы своим голодным гневным богам, это место называлось Партениумом.

Мы живем в Стране Бога.

С тех пор как голодные древние боги оставили это место, с тех пор как сюда пришел один равнодушный и сытый бог и на месте капища построили монастырь, этот мыс называется Фиолентом. Божьей страной.

Мы живем в типовом белом здании, похожем на пансионат. Таких зданий в округе четыре, и наше ничем не отличается от остальных трех. Нет никакой специальной таблички, вывески, указателя — зачем огорчать отдыхающих сочетанием слов «дети» и «сироты»? «Веста», «Афалина», «Орлиное гнездо» и «Надежда». В сезон туристических мух мы вполне сходим за детскую базу отдыха, спортивный скаутский лагерь или что-нибудь в этом роде. А не в сезон здесь попросту никого нет.

...Внутри пахнет чем-то горько-ванильным, домашним, еще не остывшим. Наверху уютно шкварчит телевизор:

— ...Одна таблетка в день заминить тоби сниданок, обид и вечера. «Риттер-Ягд» — лицарське полювання. «Риттер-Ягд» — и ти вильний для подвигов...

Это мой дом, думаю я, улыбаясь. Как бы то ни было, это все же мой единственный дом.

Пахнет чем-то домашним — а еще пахнет солью моря, и сухой хвоей, и миндалем. Когда я отсюда уеду, я буду вспоминать этот запах — как запах моего детства. Как запах дома. Как запах самого счастья... Сейчас, пока я еще здесь, я должна им как следует надышаться. Я вдыхаю его полной грудью — и задерживаю в легких так долго, как только могу, пока голова не начинает кружиться, пока сердце не начинает подскакивать к горлу...

Есть хочется так, что от голода сводит живот. Мне бы сейчас такую таблетку — которая «заминить вечера». На ужин я уже опоздала, на двери столовой висит железный замок... Но на такой случай у нас с Цыганкой всегда есть заправка. Сливы и пара яблок, плавленые сырки и арахис. Я захожу в нашу комнату.

Цыганка спит на своей кровати прямо в одежде. Лицо уткнулось в подушку, виден лишь улыбающийся уголок рта — и маленькая капля слюны, как у маленькой.

Я смотрю на нее — и остро чувствую счастье. Так остро, что слегка колет слева в груди. Так остро, что мне трудно дышать.

Я смотрю на нее — и съедаю сливу и яблоко.

Я глажу ее по черным спутанным волосам. Когда мне было семь, а ей шесть, мы проткнули себе ладони булавками, и выдавливали из невидимых дырочек кровь, и терли ладонь о ладонь. Мы хотели стать сестрами. Ее ладонь потом долго гноилась, и Подбельский на меня злился. Он говорил, у нее могло быть заражение крови. Он говорил, к обрядам нужно относиться серьезно...

— Лена, — говорю я ей шепотом. — Лена, не надо спать так. Сначала разденься. Можешь не умываться, но хотя бы разденься.

Она спит очень крепко. Она не слышит меня.

— Лена, — говорю я ей громче.

— Лена, — я трогаю ее за плечо.

— Лена! — кричу я ей в ухо. — Лена! Лена!

Она не слышит меня.

Я трясую ее, я дергаю ее за черные волосы. Она молчит. Она твердая, как манекен.

Я кричу, я переворачиваю ее на спину. Лицом вверх. Мертвым лицом вверх.

Она улыбается фиолетовыми губами. В уголке рта застыла капля слюны. Ее левый глаз смотрит весело, не мигая. К правому глазу прилипло перо от подушки.

Я бегу на второй этаж, в холл, туда, где орет телевизор.

— ...Подбай про здоровья своей шкуры! Щоб вона завжди була гладка й шовковиста, наши вчени розробили препарат...

Они сидят, уставившись в телевизор. Жирная, Рыжий, Немой и еще человека четыре. Жирная склонила голову на плечо Рыжему. Она всегда мечтала, что однажды так сделает.

Клоун лежит на полу, подтянув к подбородку колени.

Они улыбаются.

Я обхожу все спальни на этаже. И балконы. И душевые кабинки.

Они все улыбаются. У них счастливые окаменевшие лица.

Я возвращаюсь в холл. Вдыхаю теплый домашний запах. Я сажусь на свободное место, рядом с Немым, и кладу голову ему на плечо. Клоун свернулся клубочком у моих ног. Он как младенец. Как большой эмбрион.

Я счастлива, что знала их всех, что мы росли вместе... Сердце колотится так, словно я бегу стометровку. Я счастлива, что скоро встречу их снова... Я задыхаюсь — но это просто от счастья. Я счастлива, что я их сейчас догоню...

Они все застывшие. Все застыло. Я тоже застыну.

— Я счастлива, — говорю я одними губами. И в тот же момент внутри меня взрывается боль.

Это неправда. Я только что сказала неправду. То, что я чувствую, не называется счастьем.

Они все застывшие. Муха, ползущая по лицу Клоуна, застыла над верхней губой.

Как-то иначе...

Лохудра на телеэкране застыла в голливудском оскале.

Называется как-то иначе...

Секундная стрелка застыла на настенных часах. Они все

застыли. Все застыло. Я тоже застыну.

Смерть.

Я резко вскакиваю с дивана.

Это называется смерть.

Так резко, что Немой заваливается на опустевшее место.

Смерть.

Я бегу вниз, к Подбельскому, в конец коридора. Его комната заперта... — или нет, просто подперта чем-то с той стороны. Я разбегаюсь и толкаю ее плечом, снова разбегаюсь — и снова изо всех сил толкаю...

...В комнате никого нет. Письменный стол передвинут к двери. Стол — а на нем стул. Нелепая баррикада... На полу валяются диски, бумаги, книги. И битые стекла — много мелких и крупных осколков. Окно разбито. По подоконнику размазано бурое.

И еще на стене. Пять засохших бурых букв на стене.

ВОЙНА.

От Георгиевского монастыря к пляжу ведут семьсот восемьдесят восемь ступенек. Кровь еще свежая: если наступить на пятно, на нем отпечатывается рисунок подошвы...

Он лежит на пятьсот сорок третьей, правая нога свесилась на пятьсот сорок вторую, ручеек крови дотек — я свечу фонариком вниз, — дотек до пятьсот тридцать девятой.

Я освещаю его лицо, ожидая увидеть все то же выражение счастья.

Но счастья на его лице нет — скорее досада, скорее тоска по упущенным шансам... Выражение вратаря, только что пропустившего гол.

Его лицо повернуто к морю, к чернеющему в небе кресту на скале Святого явления. А глаза почему-то кажутся синими-синими, точно смерть напоследок добавила недостающий пигмент.

Он лежит на животе. Короткая рукоятка ножа торчит из черного пятна под левой лопаткой.

Я пытаюсь вытащить нож — но он плотно врос в его тело.

Я глажу его по спине. Глажу по волосам. Я говорю ему:

— Папа.

Я знаю, мне полагается закрыть эти синие глаза, — но я все оставляю как есть. Пусть смотрит на море. Пусть смотрит на крест на скале Святого явления. Уверена, это лучше, чем полная темнота.

Я спускаюсь вниз, к морю, и смываю его кровь со своих рук соленой водой.

Я поднимаюсь — впереди семьсот восемьдесят восемь ступенек.

Я падаю на семьсот восемьдесят шестой...

Полная темнота. Очень холодно.

10

ОБОРОТЕНЬ

Демиург, создавший человеко-зверей, — имитатор и

фальсификатор, и его создания по природе своей имитаторы тоже. Московские розенкрейцеры, бледные копии истинных магов, своими гимнами, своими ужимками и прыжками имитировали ни много ни мало попытки овладеть Врилом, всепронзающей и всепроникающей энергией вечной Вселенной..

Вожаки человеко-зверей никогда не умели объединяться. Они грызли друг другу глотки. Они боролись за власть. Истребляли неподч мнившихся.

...В первый раз Белюстина привезли на Лубянку в 28-м — вместе с двумя другими оккультистами. Их продержали там три месяца, после чего Белюстина отпустили, а двух других расстреляли. Московские розенкрейцеры расценили такой исход как доказательство могущества их главы, великого мага, совладавшего с кровавыми псами режима. Они предпочли не думать о том, что в роли дрессировщика мог выступать не Белюстин. А псы.

...Второй раз Белюстина и всех его розенкрейцеров взяли весной 33-го. Все, кроме Белюстина, отправились в лагерь.

Белюстина отпустили.

....В третий раз он попал на Лубянку в сороковом. На закрытом слушании присутствовала какая-то шишка из Спецотдела. Белюстин получил десять лет.

Где он сидел — неизвестно.

Когда и как умер — загадка.

Человеко-зверь с отменным чутьем, талантливый фальсификатор, Белюстин поступил так, как поступил бы настоящий алхимик. Нигредо — часть процесса Великого делания. Символическая смерть — и перевоплощение алхимика.

Он исчез. Он сделался кем-то другим.

Мы знаем, кем.

11

НИКА

— ...Монастырская земля не пустует-тует-ет-т. Три обширных совхоза расположились треугольником-ольником-ником-ком-м на полуострове-острове-рове-ве-е....

Полная темнота. Очень холодно.

Я лежу на спине.

Чей-то голос звучит рядом со мной — высокий мужской голос, или, может быть, низкий женский. Он говорит что-то о монастырях и совхозах. Он расслаивается, крошится в ушах на слова и слоги, выдавливается из невидимых стен гулким эхом.

Я слышала, когда человек умирает, его сознание не может с этим смириться и продолжает творить фантомы. Исторгать из себя ощущения, образы, звуки...

Если я умерла, мое сознание набито редкостным бредом.

— ...Один угол — совхоз «Безбожник». Здесь, над глубоким обрывом, у мыса Фиолент-лент-нт-т, еще недавно жили трутнями представители мракобесия-бесия-сия-я-а...

— Я умерла? — спрашиваю я темноту.

— Если сможешь жить так, словно твое тело уже умерло, ты станешь подлинным самураем, — отвечает мне темнота не то высоким мужским, не то низким женским. — Тогда вся твоя жизнь будет безупречной, и ты преуспеешь на своем поприще... Слава Господу, ты не умерла, дочь моя...

Щелкает выключатель. Электрический свет бьет в лицо. Я замуриваюсь, потом снова открываю глаза. Пыльная лампочка без абажура чуть покачивается под каменным потолком. Окон нет. Серые стены в испарине. Я лежу на спине, на полосатом, слегка подгнившем матрасе.

— Я хотел бы закончить чтение, — говорит голос.

В противоположном конце комнаты прямо на полу, в позе лотоса, сидит монах в черной рясе. Он сидит боком ко мне, просторный капюшон полностью скрывает лицо. В руке он держит пожелтевшую, с оторванным с одной стороны краем, газету «Маяк коммуны».

— ...Три обширных совхоза... так, где я остановился? ...совхоз «Безбожник»...
— Монах водит указательным пальцем по выцветшим строчкам; других пальцев у него на руке нет, только обрубки. — ...Ты меня слегка сбила, дочь моя... Так, представители мракобесия... А, вот, оно!.. Представители мракобесия. Во втором углу раскинулась молочная база морзавода, совхоз № 2, молферма. Под ферму отошли дачи князя Вяземского, Капылова и другие. Угол третий — совхоз № 1 Военпорта. Здесь выращивается мясо для рабочих— ударников. Дачи, занятые совхозом, в которых пьянствовали и развратничали, «отдыхали» городские головы, инженеры Максимовичи и прочая белая знать, не знали электрической лампочки. Теперь здесь электрический свет для двух тысяч пятисот свиней...

Монах откладывает газету. Я вдруг понимаю, что, прежде чем включить свет, он читал в полной темноте.

— Свиней... — задумчиво повторяет он. — Они всегда нас гнобили. Всегда! Страх Божия у них не было... И совхоз здесь устраивали. И госпиталь. И концлагерь. И военную часть... А мы сотрудничали. Если дело было правое, мы всегда сотрудничали. И сейчас сотрудничаем.

— Вы кто? Где мы? — спрашиваю я без особого интереса. Я сплю. Какая разница, что он ответит.

— Ты в монастыре, дочь моя.

Какая разница, что он отвечает. Это мой сон. Мне часто снятся странные сны. Мне часто снятся кошмары.

— Правильно поступает тот, кто относится к миру, как к сновидению, — сообщает монах. — Когда тебе снится кошмар, ты просыпаешься и говоришь себе, что это был только сон...

Эти слова я помню. Я где-то их слышала. Недавно, совсем недавно... Не во сне — в жизни. Обязательно нужно вспомнить, где я слышала эти слова. Иначе так и буду любоваться на этого гнома с одним пальцем... Мои сны очень вязкие. Из них трудно выбраться. Даже когда я понимаю, что сплю, не могу сразу проснуться. Но у меня есть один способ. Если разглядеть что-то, что есть и здесь, и там, нащупать в текучей и мутной сонной взвеси острый край настоящего, найти какую-то знакомую, реальную мелочь — тогда можно за нее уцепиться, как за конец свисающего в пустоту троса, взяться крепко и выбраться — из самого глубокого сна...

— ...Говорят, что наш мир ничем не отличается от такого сна, — продолжает монах.

И я, наконец, вспоминаю, откуда знаю эти слова.

— Это из фильма, — говорю я ему. — Джим Джармуш.

— Прости, дочь моя?

— Мне снится, что вы говорите эти слова, потому что пару дней назад я слышала их в фильме Джармуша «Собака-призрак, путь самурая»...

Я цепляюсь за это название, как за конец свисающего в пустоту троса, я готовлюсь к рывку — ...но, кажется, сегодня трос не работает. Я по-прежнему здесь. Мой монах в черной рясе оказывается синефилом.

— Насколько я помню финал, дочь моя, афроамериканец, которого называли Псом-Призраком, не очень хорошо кончил. Так что на твоём месте, Ника, я бы не воспринимал этот безусловно мудрый текст, Хагакурэ Бусидо, настолько буквально. Стоит воспринимать мир как сон, но не стоит путать одно с другим.

— Я сплю, — равнодушно говорю я. — Мне снилось, что все мои друзья умерли. И мой учитель умер...

— Не снилось. — Он отрицательно мотает своим черным капюшоном из стороны в сторону.

— ...Теперь мне снится вы... Отпустите меня. Мне больно. Вы говорите неправду — и мне от этого больно.

— Тебе больно от твоих собственных слов. Именно в них — неправда. Вот, опять же, из Бусидо: «Разумные люди используют разум для того, чтобы размышлять об истине и лжи. Так, разум причиняет им вред. Ни одно твоё дело не увенчается успехом, если

ты не видишь истины». А истина... истина в том, что незадолго до своего смертного часа твой учитель пришел к нам в монастырь. Он просил помочь ему — и хотя мы тут очень не любим гэбистов, секретных сотрудников, и иже сими, — мы согласились ему помочь. Потому что, как я уже сказал, мы сотрудничаем. Сотрудничаем, если дело правое...

Он, кряхтя, лезет за пазуху, извлекает из-под рясы конверт. Знакомый конверт. Тот, что был у Подбельского. Тот, что он хотел мне всучить у выхода из дельфинария. Только теперь по конверту размазано бурое.... Если я сплю, этот конверт — неплохая зацепка...

— Это конверт Подбельского. — Я пытаюсь сосредоточиться на реальности.

Пытаюсь ухватиться за трос.

— Да, дитя мое. Михаил Евгеньевич, мир праху его, просил передать тебе этот конверт, если его не станет. Он сказал, там важные документы. Они помогут тебе в твоём непростом странствии... Ох, старость не в радость, затекли мои ноги...

Монах, сопя, разгибает свои закрученные кренделем ноги, поднимается с пола и бредет вдоль стены. Лица его я не вижу — оно скрыто тенью от капюшона. Конверт он аккуратно прижимает единственным пальцем к ладони.

В дальнем углу комнаты он тяжело наклоняется и поднимает с пола какой-то предмет. Я приглядываюсь — это небольшой холщовый мешок.

— Очень важные документы мы положим сюда. — Монах опускает конверт в мешок. — Так... что еще нам нужно для путешествия?.. Что должно всегда быть под рукой у настоящего странствующего воина?...

Мой сон начинает терять очертания и логику, превращается в фарс, превращается в окончательный бред. Монах деловито семенит из одного угла кельи в другой, он бубнит себе что-то под нос, он наклоняется и подбирает рассыпанные по каменному полу предметы.

— Что еще должен взять с собой странствующий воин? Загранпаспорт, конечно же действующий загранпаспорт с действующей студенческой визой...

Я пытаюсь подняться и не могу — он заговаривает, он заборматывает меня своим не то женским, не то мужским голосом.

— ...Пригласительное письмо из Берлинского учебного заведения, без этого воин как же? Без этого странствующий воин никуда.. Потом— денюжки, в евро, конечно, зачем нам гривны? Нам лучше фазу евро... И еще меч—так, меч, где же он?... Лежи, лежи, дочь моя... Лежи и не дергайся... Если хочешь, давай мы с тобой вместе помолимся... Повторяй за мной, куколка: михи виндикта эго ретрибуам...

Каменный пол растекается подо мной, я погружаюсь все глубже, в холод и темноту, в каменную камеру сна. Я в невесомости. Я ничего не вижу, не слышу, не обоняю. Я повторяю слова:

...Мне отмщение и аз воздам... Ибо близок день гибели их... Скоро наступит уготованное для них...

...Я просыпаюсь от холода. Все в той же келье — только теперь из маленького зарешеченного окошка под потолком пробивается солнце. Очень болит голова.

— Рад, что тебе уже лучше, — мужской низкий голос.

Я резко сажусь на матрасе — так резко, что темнеет в глазах. Через секунду из пульсирующего мрака проступает фигура. Пузатый монах с жидкой пшеничного цвета бородкой, на вид вполне реальный, сидит на раскладном стульчике рядом со мной. Руки его лежат на коленях. На каждой — по пять пальцев. По пять пухлых розовых пальцев.

— Где мы? — говорю я. Голос какой-то хриплый, как будто я долго болела. Или много кричала. — Кто вы?

— Мы в Георгиевском монастыре. Меня зовут отец Александр...

— А тот, другой? Где он?

— Другой?

— Монах в капюшоне... С одним пальцем... Тот, который приходил до вас.

— Бедная девочка, — гладит он меня по голове. — Бедное, бедное дитя... Ты просто бредила. Ты несколько часов пробыла без сознания. Рано утром я нашел тебя на ступенях лестницы, ведущей от монастыря к морю, и принес сюда. Никто, кроме меня и врача, не заходил к тебе в келью.

Он не врет: мне совсем не больно от его слов. Его голос звучит так спокойно и просто. Сейчас он мне скажет, что все это был просто бред, просто сон. Он скажет, что я упала, спускаясь к морю. Что все они живы. Что ничего не случилось...

— ...А там, ниже,—он страдальчески морщит жидкие брови, — чуть ниже на ступеньках я нашел твоего учителя, мир праху его... Пусть все они упокоятся с миром, Господи, какая чудовищная трагедия, Господи, бедные дети!... Бедные, бедные дети!..

Он прикрывает глаза рукой.

— Я думала, мне приснилось, — говорю я. — Они... они правда все умерли?

— Увы, — он не отрывает руки от лица. — Увы, увы. Да.

— От чего?

Вероятно, мне положено сейчас разрыдаться — но слез нет. Совсем. Я задаю вопросы, которые должна задавать, — механически, как автоответчик.

— Пока не понятно... Не вполне понятно, что вызвало смерть... Это очень тяжелая тема.

— Я умею говорить на тяжелые темы.

— Хорошо. Тебе следует знать. Никаких следов нападения на интернат милицией не обнаружено...

— Слово «война», — говорю я. — На стене в кабинете Подбельского было написано кровью слово «война». Они видели? Разве это не след нападения?

— Да-да, это след, — он теребит рукой бороду, — но, кроме тебя, его никто почему-то не видел, дитя мое... И следов отравления в их крови не нашли. И физических повреждений. Вскрытие показало, что все они... Все, кроме Подбельского, умерли естественной смертью.

— Естественной? — повторяю я за ним и вдруг слышу, как кто-то хрипло смеется. Кто-то очень веселый, очень глупый и злой хохочет внутри меня, заставляет меня трястись и повизгивать, я пытаюсь остановить его, пытаюсь остановиться — но не могу, я смеюсь отвратительным заливистым смехом и сквозь смех повторяю:

— Естественной смертью... естественной, естественной смертью... я их видела, они все улыбались... это было очень естест-венно-0-0...

Батюшка смотрит на меня понимающе, потом говорит «прости, Господи» и звонко бьет меня по щеке пухлой ладошкой. Я хватаюсь за щеку, а тот, кто только что во мне хохотал, принимается тонко скулить и плакать. И я вместе с ним.

— Поплачь, поплачь, Ника, — гладит он меня по волосам той же рукой, что ударил. — Поплачь, станет легче.

Он прижимает меня к своему круглому животу и покачивается вместе со мной из стороны в сторону.

— Разрыв сердца, — говорит он. — Почти у всех обнаружили разрыв сердца.

Он говорит:

— Конечно, будет расследование, но никто ничего не поймет.

Он говорит:

— Но мы-то уж знаем... Уж мы-то знаем, кто за этим стоит.

Он тихо шепчет:

— Наш враг коварен, как сам Враг рода человеческого.

Он шепчет мне в ухо:

— Ты права, дитя мое, это начало новой войны.

Он говорит:

— Мы тут не любим всяких гэбистов, секретных сотрудников и иже с ими. Но мы сотрудничаем. Если дело правое, мы всегда сотрудничаем... Они и совхоз у нас тут устраивали, и санаторий, и госпиталь, и концлагерь, и военную часть. — Он вынимает из просторного кармана мобильник. — Но в ту войну мы сотрудничали... — он набирает номер и прислоняет телефон к уху. — ...И будем сотрудничать в эту войну... Алло, Палыч? Неси!

— Кто вы? — Я вырываюсь из его пухлых рук, из теплых складок его живота. — Кто вы? Кто вы? Что происходит?

— Я — хранитель, — говорит отец Александр, торжественно поднимаясь и выпячивая вперед круглое пузо. — Я всего лишь простой хранитель, но ты, я надеюсь, воин. И я должен отдать тебе кое-что, Ника... В назначенный час Хранитель передает Воину оружие... — Он яростно косится на дверь. — Палыч, ты где там, а?!

На пороге возникает сизый мужичок в трениках, похожий на слесаря. Руки у мужичка запачканы чем-то черным и бурым. В руках у мужичка меч. Он шмыгает носом и делает шаг в мою сторону.

— Стой, я сам. — Отец Александр отбирает у мужичка меч.

Я по-прежнему сижу на подгнившем полосатом матрасе. Я смотрю на сумасшедшего попа и на пьяного слесаря, на темный, дымчато-серый клинок. Его сталь похожа на бархатную змеиную шкурку. Я смотрю на ее струистый узор и не могу шевельнуться. Кто-то злой и веселый — тот самый, внутри меня, — начинает тихо хихикать. Он трясется внутри меня, там, где солнечное сплетение, где у человека душа, — он трясется, и я трясусь вместе с ним, мелко-мелко, почти незаметно.

Отец Александр подходит ко мне вплотную. Меч он держит за рукоятку обеими руками.

Он просит Палыча выйти из кельи — и Палыч, недовольно крикнув, выходит. Он просит меня встать на колени и склонить голову. Я выполняю. Мне почти все равно.

— Правильно поступает тот, кто относится к миру, как к сновидению, — говорю я.

— Истинно так, — отвечает отец Александр. — А теперь, дитя мое, слушай, что я скажу. Величайшая честь для меня передать тебе эту катану — я делаю это так же, как в свое время отец Николай, царствие ему небесное, передал ее Надежде Руслановой...

...Он говорит долго. О том, что эта катана — древнее оружие, принадлежавшее когда-то самурайскому роду Китакуба. О том, что воины этого рода были великими охотниками за демонами, колдунами и оборотнями, и катана помогала им в этой охоте, ибо только его заговоренная сталь была способна пронзать нечувствительную к любой другой стали плоть нелюдей. О том, что эта катана повинуетя лишь своему хозяину и никому больше. О том, что в 1911 году отважный полковник Китакубо, умирая, завещал ее своему ученику — плененному им когда-то в ходе русско-японской войны солдату Николаю.

...Он рассказывает о том, как солдат Николай вернулся в Россию и стал послушником Георгиевского монастыря. О том, как в тридцатом году, когда люди в форме и в штатском разрушили храм и сбросили в море крест со скалы Святого явления, а высокий худой человек, представившийся генералом Беловым, вежливо предложил отцу Николаю сотрудничать, он плюнул этому человеку в лицо и в гневе покинул монастырь. И о том, как после начала войны он все же согласился сотрудничать. Сотрудничать со Спецотделом.

...Он говорит, что монах вернулся в место, которое было монастырем, а стало курсами для сержантов и офицеров Приморской

армии, в сопровождении генерала Белова. Что генерала Белова он отчего-то прилюдно называл «графом». Что они вместе извлекли из тайника древний японский меч, и увезли его в Москву, и отдали девочке, которую звали Надеждой. Что эта девочка храбро сражалась в войну и была истинным Воином, а когда дух Воина оставил ее, она вернула оружие монаху и он снова привез катану сюда. В свой монастырь. В то, что раньше было монастырем.

...Он говорит, в сорок четвертом году, когда Крым был освобожден, в монастырских стенах разместились воинская часть Черноморского флота. Некоторые из морских офицеров тоже сотрудничали. Из них отец Николай успел назначить первых Хранителей. А потом он погиб. Погиб нелепо и страшно, но речь сейчас не об этом.

...Он говорит, эта катана предназначена мне. Так распорядился Подбельский.

Он говорит, у меня особая миссия.

Он говорит:

— Подумай о своих мертвых друзьях. О своем мертвом учителе.

Он говорит:

— Вторая щека — хорошо. Но око за око в данном случае лучше.

...Он говорит долго. Он говорит вроде бы правду. Он говорит

— а я, оцепенев, слушаю. Только когда мои ноги сводит от боли и я понимаю, что все это время провела на коленях, только когда он протягивает мне эту катану и я понимаю, что он действительно собирается отдать ее мне, только когда я вдруг вспоминаю, что они все мертвы, что все они умерли естественной смертью, — только тогда я поднимаюсь с колен и медленно иду к выходу.

Отец Александр стоит посреди кельи с катаной в руках. Круглый живот выпирает из-под его черной рясы. Щеки под жидкой бородой пунцового цвета. Он похож на ряженого. На ярмарочного Петрушку, спяну перепутавшего костюм и прихватившего

вместо привычной деревянной дубинки оружие убийства из совершенно другого спектакля.

— Ты что, не возьмешь катану? — шепчет отец Александр. Его губы дрожат. Он похож на грустного клоуна.

— Нет, — говорю ему я.

Нет. Ответ отрицательный.

12

НИКА

После промозглой и темной прохлады кельи дневной свет ослепляет, как вспышка японской мыльницы, направленной прямо в лицо.

Монастырский двор залит солнцем, словно горячим топленным маслом. Весь мыс шкворчит и лоснится, от соленых брызг шипят камни. Это полдень на Фиоленте. Полдень в Божьей стране.

В полдень древняя застывшая лава вновь становится горячей и вязкой.

В полдень греческие головы скал скалятся в пустой небосвод.

В полдень в нашей Божьей стране пахнет жертвенной кровью.

В полдень в нашей Божьей стране не бывает теней.

В полдень Божья страна становится похожа на ад.

Здание интерната оцеплено, не отбрасывающие тени украинские менты лениво матерятся по-русски, топчут сапогами окурки, сплевывают в раскаленный песок длинные нити слюны. Не отбрасывающий тени кривоногий японский турист, улыбаясь щелястым заячьим ртом, бродит вдоль заграждения. Он фотографирует каменную монастырскую стену, белую панельную стену интерната «Надежда», целится своим большим кэноном прямо в лицо менту.

— Ноу фото! — сипло рычит мент и хватает рукой объектив. — Хиар криминал! Здесь нельзя! Фото — ноу!

Японец улыбается еще шире, мелко кивает, послушно закрывает объектив крышечкой.

— I'm sorry, — говорит он. — It's just a beautiful place. So beautiful country you have! — Он указывает в сторону моря. — Кра– шиго как рай.

— Хиар дэд пипл, — говорит мент. — Гоу эвэй, вэри мэни дэд пипл. Тудай ноу турист... И ты, дивчина! — кричит он, заметив меня. — Шо ты бачишь? Здесь заборонено!

Я бачу. Я смотрю на свой оцепленный дом. Японец мелко кивает менту — а потом семенит прямо ко мне.

— Девотика! — кричит он. — Чи ещичи Ника? Чи ещичи Ника? Узнавати лисё!

Он сдергивает со спины ярко-желтый рюкзак и улыбается желтыми заячьими зубами, он копается в рюкзаке и все кивает, кивает, как деревянный болванчик.

— Насёру вещи! Насёру ващи докуменчи и вещи!

Он вытаскивает из рюкзака серый холщовый мешок и вытряхивает из него мой загранпаспорт — действующий загранпаспорт с действующей студенческой визой, — и письмо из университета в Берлине, и все мои деньги, и конверт — белый конверт, по которому размазано бурое.

— Насёру тама, — указывает он в сторону моря. — Насёру на лесчице, тама, на лестнице, развалялись на разни шчупени.

Он указывает рукой в сторону моря. У него на руке всего один палец, указательный. И четыре обрубка. Он радостно улыбается.

— Это действительно твои вещи? — спрашивает меня мент.

— Все, кроме этого. — Я протягиваю менту измазанный бурым конверт. — Это чужое.

Щурясь на солнце, мент рассматривает белый конверт. Подносит его близко к лицу. Нюхает бурые пятна.

Японец выхватывает у него конверт удивительно ловко. Рукой с одним пальцем. Другой рукой он тут же прячет его в желтый рюкзак.

— Ижвиняиша, — улыбаясь, лопочет он и кивает. — Ижвиня– иша, ижвиняиша. Эта моя. Эта докуменчи моя.

— Послушай, Амиго. Мне придется уехать.

— В другое место? — Да.

— Далеко?

— Нет.

— Надолго?

— Нет.

Между ребрами, чуть выше пупка, глубоко внутри, пульсирует боль. Она врет. Это потому, что она сама врет.

— Зачем ты уедешь? — спрашивает Нику Амиго.

— Мне страшно здесь оставаться.

— Не уезжай.

— Мне очень страшно, Амиго.

— Мне тоже здесь страшно. Сегодня снова был плохой дрессировщик.

— Мне нужно ехать.

— Нет. Хочу разговаривать. Хочу скучать, когда тебя нет. Хочу уплыть на другую сторону дна.

— Прости.

— Это просто слово? Или если прощу — не уедешь?

— Просто слово. Это просто слово, Амиго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«На конце соломинки распушен тончайший хлопочек гигроскопической ваты. Диск насоса посыпан мелко толченной солью. Отверстие насоса защищают кусочком сухого картона с пробуравленными дырочками и небольшим бортом, чтобы не сдуло соль. Разреживают воздух осторожно, и аппарат готов к действию. Сосредоточьте взгляд на клочке ваты, стрелку можно повернуть взглядом».

Александр Барченко, статья «Передача мысли на расстояние» (№ 32 журнала «Природа и люди», 1911 г.)

«Как два различных полюса, во всем враждебны мы: за свет и мир мы боремся, они — за царство тьмы».

песня «Священная война» на стихи В.И.Лебедева-Кумача

1

НИКА

— Йа, йа, Выйероника Данилоффа. Одну минуту, я посмотрю в нашей базе данных.

Она с готовностью улыбается скудной восточной улыбкой. В носу, в ушах, в языке и в бровях — металлические колечки. Ее кожа — цвета невкусного кофе, густого турецкого кофе, испорченного порционными европейскими сливками, но немецкий ее безупречен: она явно здесь родилась или приехала в младенческом возрасте.

У нее разноцветные ногти и тонкие, костлявые пальцы, темно-коричневые на сгибах и персиковые вокруг ногтей и на кончиках. Ее пальцы нежно и быстро теребят клавиатуру компьютера, оливковые глаза смотрят в монитор, точно в зеркало, с привычным слюдяным любопытством.

— Альзо... Вы есть в нашей базе данных. Выйероника Данилоффа, правильно? Я весьма сожалею. В этом году вы не прошли конкурс в наш университет. Но я уверена, в другой раз вам повезет больше. В следующем году Берлинский университет открывает еще больше дотационных мест для абитуриентов— иностранцев. Документы и заявки абитуриентов на следующий год будут приниматься до пятнадцатого апреля, проект— бешрайбунг можно присылать до десятого мая, я также могу дать вам анкету на...

— Это ошибка.

— Прошу прощения?

— Извините, но вы ошиблись. Я уверена, что поступила. Сейчас. В этом году.

Привычная косметическая симпатия сменяется в оливковых глазах привычной же косметической досадой.

— О'кей, я еще раз проверю по базе... Альзо... Выйероника Данилоффа... Нет, никакой ошибки. Я так сожалею. На этот раз Вы не прошли конкурс. Уверена, что в будущем вам...

— Но у меня есть письмо!

— Прошу прощения?

— У меня есть письмо из приемной комиссии университета.

Косметическая досада сменяется неподдельной.

— Не понимаю, какое письмо?

Я лезу в рюкзак и ищу письмо, я слишком суечусь, кажется, у меня дрожат руки, она смотрит на меня так, словно я чешусь или громко икаю.

— Вот оно. Письмо из приемной комиссии.

Она берет у меня сложенный вчетверо лист с едва сдерживаемым отвращением, разворачивает, пробегает глазами и тут же откладывает на самый край своего пластикового стола.

— Это не письмо из приемной комиссии Берлинского Университета. — Ее немецкий гремит сочленениями, как заржавевший товарный состав. — Все наши официальные письма всегда печатаются на официальном бланке университета. Пожалуйста, заберите это. Я также могу вернуть вам ваш проект-бешрайбунг, вашу анкету и запись о вашем результате, который экзаменаторы сочли неудовлетворительным. Будьте добры, подождите одну минуту.

Она встает, выходит из кабинета и устремляется по коридору решительной модельной походкой. У нее длинные ноги. Длинные и костлявые, затянутые в лиловые легенцы. На ней короткая юбка. А на мне — на мне, надо думать, никакой, так ведь обычно бывает в правдоподобных кошмарах. Ты оказываешься в одном нижнем белье в общественном месте. Ты оказываешься практически голая — и все на тебя смотрят.

На меня смотрят все те, кто стоят у стеклянных дверей университетской приемной: две коренастые азиатки, рябая тетушка с накладными ресницами, один парень с зеленоватыми дредами и еще один — в зеркальных очках.

Они смотрят на меня через стекло. Без выражения, точно все в полном порядке. Все правильно, так обычно и смотрят в правдоподобных кошмарах.

Минут десять в нижнем белье — и кофейная секретарша возвращается с большим белым конвертом.

— Заберите, пожалуйста, ваш проект-бешрайбунг, вашу анкету и запись о вашем результате. Желаю вам удачи, спасибо за ваш визит. Чу-ус!

— И все-таки я бы хотела...

— Очень сожалею, но у меня сегодня еще очень много работы. Желаю вам творческих успехов и надеюсь, что в самом ближайшем будущем вы станете студенткой нашего университета. Спасибо за ваш визит. Чу-ус!

Я выхожу из ее стеклянного аквариума с конвертом в руках.
Зрители отводят глаза.

Это не тот конверт, в котором я присыла в Берлинский университет свою анкету и прочее. Тот был желтый, подписанный от руки. Этот белый, и к нему приклеена скотчем бумажка с моим именем и фамилией.

Я иду по коридору и чувствую, как они все на меня смотрят. Я отклеиваю этот скотч, и бумажка с моим именем падает на пол.

Под бумажкой на конверте размазано бурое.

Я несу в руках белый конверт, по которому размазано бурое. Тот, который хотел передать мне Подбельский. Тот, который хотел передать мне японец. Тот, который я не хотела брать раньше.

Я останавливаюсь. Я вскрываю конверт.

— Вероника Данилова! — весело говорит кто-то у меня за спиной.

Я оборачиваюсь. Парень в зеркальных очках протягивает мне бумажку с моим именем и фамилией. Он улыбается. Он снимает очки. Некто Неизвестный.

Йеманд Фремд.

Эрвин.

2

ОБОРОТЕНЬ

...Гензель и Гретель, говорящий волк и охотники, добрые феи, пряничные домики и красавицы, ждущие поцелуев, книжки с хрустящими страницами и выпуклыми картинками, такие красивые и добрые книжки, которые любящие моложавые бабушки, бабушки с ровными нежными голосами, бабушки, посещающие бассейн, бабушки с прямыми спинами, хирургически гладкими лицами и короткими стрижками, любящие почитать своим внукам на сон грядущий... Ничего этого не было. Совсем ничего.

Старуха рассказывала на ночь другие сказки, и когда она говорила, на ее сухой шее вздувались синие вены. Ее голос звучал, как стон больной старой птицы, а в лицо ее было страшно смотреть. Ее глаза никогда не мигали — с тех пор, как Полая Земля ослепила ее сестру, она тоже не могла сомкнуть глаз.

Ее белые волосы были завязаны в хвост, они всегда были белыми, но раньше, давно, они были белыми, как выжженный

солнцем золотистый песок, теперь же стали белыми, как густой едкий дым горящей сосны. Она была совсем девочкой, когда вступила в общество Врил, и с тех пор всегда собирала свои волосы в конский хвост. Ее сестра поступала так же. Их наставник считал, что женские волосы подобны антеннам, они улавливают разлитую в воздухе энергию Врил.

Ее глаза цвета плесени, цвета паутины, невыносимого цвета... Они смотрели сквозь детское лицо не мигая — и вместо детского лица они видели что-то другое.

Она говорила:

— Чтобы добиться победы в новой войне, нужно узнать все старые сказки...

Она шептала:

— Однажды Вотан сам ранил себя копьем, а затем приковал себя к сухому высокому дереву. Он провел на этом дереве девять дней, без еды и питья. И через свое страдание он познал великие руны... Спустившись с дерева, Вотан составил восемнадцать рунических заклинаний и написал восемнадцать знаков. Каждая руна заключала в себе тайну власти. Власть над болезнью, власть над телом, над любовью, над смертью, над ходом битвы... Разные руны — но у меня есть одна любимая: «тир». Руна «тир» обозначает победу и миропорядок. Руна «тир» заключает в себе тайну власти над врагом. Мне нравится ее форма... — И старуха принималась чертить в ночном воздухе невидимую стрелу своей иссохшей рукой. — Именно такой формы костер мы выложили тогда, в начале войны... На том костре мы сожгли тела наших обезглавленных врагов.

— А кто были эти враги? Они были очень страшные? Огромные русские великаны, да? Людоеды, да? В шкурах медведей?

— Нет, — качала она головой и смеялась, и ее смех был больше похож на хрип и шипенье. — Вовсе нет. Они были детьми. Детьми в смешных красных галстучках.

— Детьми? Разве тебе их не было жалко?

— Нет. — Она переставала смеяться. — Эти дети были очень опасны. Вместе они были куда страшнее великана...

—

3 НИКА

Он собирается меня угостить — и я не буду с ним спорить. Я не стану платить за себя, пусть понимает, как хочет. Моих денег хватает ровно на обратный билет. На билет Берлин—Киев — и ни

на что больше... Предполагалось, что здесь у меня будет студенческая стипендия и бесплатная комната... Предполагалось, что я буду учиться в Берлинском университете. Теперь предполагается, что мне нужно убраться домой. Предполагается, что у меня где-то есть дом... На билет от Киева до Севастополя мне уже не хватает. Но от Киева до Севастополя я как-нибудь доберусь... Я могу устроиться в дельфинарий — Амиго будет доволен. Я наверняка имею право на какие-нибудь специальные льготы... Льготы для повзрослевших сирот, которым приходят из Берлина фальшивые письма. Льготы для повзрослевших сирот, у которых умерли все друзья. Естественной смертью.

Льготы для повзрослевших сирот, которые остались одни.

Эрвин идет к барной стойке, чтобы заказать нам но пиво. Я хочу темное. Бурое. Как это пятно на белом конверте.

Белый конверт, по которому размазано бурое, не дает мне покоя. Конверт у меня в руках. От него нужно избавиться.

Мусорная корзина в сортире берлинского кабака сойдет.

ОБОРОТЕНЬ

...Они блуждали во тьме. Они полагали, что познать истину им помогут железные камеры, провололочные шлемы или магнитные стены. Они пытались читать глупые мысли друг друга, надев на головы колпаки из фольги...

Они блуждали во тьме — пока однажды один из них случайно не наткнулся на Истину.

НИКА

...Он падает криво, на использованные тампоны, яблочные огрызки и скомканные салфетки, разорванным краем вниз. Складывается пополам и тут же расправляется с хрустом. Он неподвижен, но внутри него что-то тихо шуршит. Как будто ползет по бумаге скользкое насекомое... Еще секунда — и оно выпрыгивает из конверта аккуратно на прокладку с ярко-красным пятном. Оно тоже красное — и это не насекомое.

Это пластиковый прямоугольник. Кредитная карточка Visa. Вслед за карточкой из конверта вываливается свернутый вчетверо красный листок.

Остальные бумаги утрамбованы слишком плотно, в тугую желтоватую пачку. Они не собираются выпадать.

Я смотрю на кредитную карточку и на красный листок. На засаленные множеством рук, размякшие от времени бумажные края, торчащие из конверта. Не доставать же из мусора.

Ну ведь не доставать же из мусора.

4

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

«Агенту N

совершенно секретно архивные документы (подборка)

Все архивные документы представлены в подлинниках и пронумерованы.

Документы строго конфиденциальны.

Документы запрещается демонстрировать или передавать третьим лицам.

К документам прилагается банковская кредитная карта Visa Electron. Карта уже активирована (пин код 1942).

Средства на карте могут расходоваться исключительно в целях выполнения задания «Первый отряд».

Суть задания «Первый отряд»: расшифровка послания; выяснение целей, диспозиции, численности и состава вражеской стороны; в случае необходимости — предотвращение агрессии с вражеской стороны; в случае необходимости — диверсионная и подрывная деятельность на вражеской территории.

Обо всех результатах докладывать куратору лично, используя шифр.

Контактные данные куратора podbelsky33@gmail.com...»

НИКА

— ...Это что? — Он подходит сзади совершенно бесшумно, но с нарочитым грохотом ставит передо мной кружку темно-бурого пива.

Я складываю вдвое красный листок.

— Это что, из приемной комиссии? — Он кивает на листок. — Твой результат?

Я складываю листок еще вдвое и говорю ему «да».

— Ну и что? Там есть комментарий куратора? Обычно кура— гор иностранных проектов оставляет свой комментарий... Он что-нибудь тебе написал?

Я говорю ему «да».

— Да, — говорю, — он оставил небольшой комментарий. Он полагает, что мне нужно более тщательно изучить источники. И еще поработать над языком. Тогда я смогу претендовать на стипендию...

— Не расстраивайся. — Эрвин выразительно пододвигает ко мне кружку пива.
— У тебя обязательно все получится.

— Да, конечно. Эта стерва в приемной сказала мне то же самое.

— А, Мадина!.. Не принимай близко к сердцу. Чем больше она старается вести себя как настоящая немка, тем больше похожа на гадалку на восточном базаре.

У него злое лицо. Красивое и злое, тогда, в дельфинарии, я этого не заметила. Немного слишком тонкие губы. Немного слишком стального оттенка глаза.

— А ты что там делал? — спрашиваю его по-немецки. — Учишься в

университете? Ты же вроде бы дрессировщик?

— Я как раз оформлял академический отпуск.

Врет.

— И какой у тебя факультет?

— Биофак...

Врет.

— ...Специализация — морские млекопитающие.

Я отпиваю из кружки пару глотков. Кисловатая, плотная, как взбитые сливки, пена щекочет язык. Пиво наверняка вкусное — но это сложно прочувствовать, когда сводит живот.

— Если не можешь сказать правду, лучше просто молчи, — говорю я ему по-русски. — Не люблю, когда врут. Мне от этого больно.

— Где больно? — Он пристально на меня смотрит.

Из всех, кому я говорила про это, лишь Подбельский реагировал так же. Подбельский — и еще Амиго, когда, наконец, понял что такое «правда» и «ложь». Остальные смущенно хихикали, суеверно косились, переводили разговор на другое, отпускали дурацкие шуточки, предлагали сыграть в «верю — не верю», не смотрели в глаза...

Эрвин смотрит на меня пристально. Слишком пристально. Взглядом врача. Он смотрит и ждет ответа — и, как тогда, в детстве,

Подбельскому, я показываю ему, где мне больно. В середине меня, там, где сходятся ребра. Чуть выше пупка, но внутри, глубоко внутри.

— Там, где солнечное сплетение, — говорю я ему по-немецки.

— Там, где дух, — отвечает Эрвин по-русски.

Мне нравится его русский. Идеальный. Но очень трогательные ошибки.

— Ты хотел сказать, «там, где душа»?

— Там, где дух, — повторяет Эрвин.

Он улыбается. Он смотрит в середину меня. Чуть выше пупка. Через тонкую ткань футболки.

Внутри, глубоко внутри, чуть выше пупка, а потом и чуть ниже тоже, становится тепло и щекотно. Словно я качаюсь голышом на тарзанке. Словно я падаю с высоты. Словно я только что вышла из моря, и по животу ползут соленые капли, стекают и тают, испаряясь на крымском солнце...

Он смотрит, и второй раз за день я чувствую себя так, словно забыла одеться. Я пью все свое пиво залпом, торопливо глотаю, не успевая распробовать вкус.

— Если хочешь, я попробую усыпить твоего духа, — говорит Эрвин.

Ну вот, начинается. А я думала, он не такой... Сейчас он предложит какую-нибудь тупую игру. Он будет тасовать ложь и истину, пытаясь усыпить мою бдительность...

— Ты не понимаешь, Эрвин. Обмануть невозможно. Пожалуйста, не надо пытаться. Иначе я сразу уйду.

— Я и не говорил, что собираюсь обманывать. Я говорил, что попробую усыпить. Впрочем, ты можешь идти.

Он молча вынимает из кармана мобильник, набирает номер, улыбается кому-то невидимому:

— Hey, Zuckerschnecke! Hast du bisschen Zeit für mich?..

Из его трубки до меня доносится ответный радостный писк. Я опускаю глаза. Мне, наконец, удастся различить вкус пивной иены. Она сладкая. Омерзительно сладкая, как этот его голос, эта его улыбка, это его «цукершнеке». сладкая улиточка... Если бы меня так называли, меня бы стошнило.

— ...Ich habe mir gedacht, vielleicht schaffe ich es doch zu deiner Draculaparty zu kommen... Genau, Süsse, alles nur wegen dir...

Его немецкий звучит так, будто за щекой у него большой леденец. Будто за щекой у него засахаренный слизень. «Дракула парти» он произносит как-то особенно бережно, точно перекачивает сладкого слизня из правой щеки в левую.

— Was gibt's da...? Ah ja, Madina, du ldsst Dir ja immer was

einfallen...

Я иду к барной стойке и говорю, что хочу заплатить. За себя. Нет, за себя и еще за того вон. Пусть подавится. Я плачу карточкой Visa.

Платеж проходит. Но сейчас мне это не важно. Я бреду к выходу. Я не буду останавливаться и не буду оглядываться назад. Не терплю, когда меня унижают. Не терплю пошлости. Не терплю

сладких улиток. Не терплю...

Когда я оглядываюсь, он уже убрал свой мобильник. Он молча смотрит мне вслед. По-детски растерянно: мол, куда же ты? Игра не закончилась!.. Он ловит мой взгляд и энергично машет рукой, подзывая меня обратно за столик, — и я почему-то иду. Как будто он тянет меня за невидимые тонкие нити.

— Извини, — говорит он. — Эта Мадина, с ней никак не закончишь разговор быстро...

— Так она твоя девушка?

— Кто, Мадина?! — Он смотрит на меня изумленно. — Эта глупая турецкая кукла? Ja, Zuckerschnecke, hast du bisschen Zeit für mich?... — Он сам себя передразнивает, кривляется, причмокивая и тараща глаза. Я смеюсь вместе с ним. Я чувствую странное облегчение: как будто долго шла, балансируя, по краю канавы — а теперь скатилась вниз, и мне уже ничего не грозит...

Потом, в одну секунду, он становится вдруг серьезен.

— В чем-то она очень несчастна, эта Мадина. Забыла родной язык, порвала со своей семьей, со своим народом, проколола себе все, что можно и что нельзя... А немкой так и не стала. Мне жаль ее. — Жалости в его голосе не слышно, скорее, презрение. — ...Но она не в моем вкусе. — Он снова нагло смотрит на меня сквозь футболку. — Если хочешь, давай пойдем вместе. Мадина расстроится, бедняжка — но мне простит.

Он даже не ждет, пока я отвечу «да». Он просто поднимается из-за стола — и только тогда я понимаю, что вот уже пару минут стою перед ним, как провинившаяся школьница перед учителем.

Он идет к выходу — не оборачиваясь, не останавливаясь. Он выходит на улицу — уверенный, что я пойду следом за ним.

— Не садись, грязно. — Эрвин указывает глазами на бархатистые сиденья у-бана.

На вид они вроде чистые. На противоположных сиденьях, трех сразу, спит негр, довольно лиловый. Манто при нем нет, зато есть широкополая шляпа... Через проход шумно воспитывают пятерых невменяемых отпрысков две толстые тетki в черных платках. Старик в мешковатых джинсах и лоснящемся пиджаке читает газету на русском... В полупустом вагоне едва ощутимо пахнет то ли мочой, то ли жженой пластмассой. Эрвин всю дорогу молчит. Бывает, с человеком комфортно молчать, но это совсем не тот случай. В его молчание проваливаешься, как в сон, который назавтра не вспомнишь...

Мы выходим на станции Нойкёльн, минуем велосипедные стойла. Человек на велосипеде и с сумкой через плечо всегда ассоциировался у меня с работником почты. Берлин — город свихнувшихся почтальонов: велосипеды везде. На них едут люди всех возрастов, полов и конфессий, с сумками, с рюкзаками, с пакетами, с детьми, с собаками, с комнатными растениями. Слишком много велосипедов, точно город захлебнулся в международных посылках и письмах...

Эрвин сворачивает с проспекта в одну из узких улочек справа. Турецкие лавки. Турецкие вывески. Турецкая эстрада гремит из пластиковых турецких шалманов. Турецкий рынок на Рихард-платц — ковры, арбузы, полотенца, дыни и персики... У входа в рынок худой морщинистый турок с достоинством излагает что-то молчаливой группе собратьев. Я не понимаю его язык, но чувствую, что он врет. Собратья кивают, верят, расходятся. Чуть в стороне, на газоне, лежат в обнимку две хорошо одетые женщины лет под сорок. Морщинистый смотрит на них долгим лакричным взглядом, потом сплевывает себе под ноги тягучий комок слюны...

Мы сворачиваем на Бёмише штрассе, и в центре города, в центре турецкой мовиды обнаруживаются вдруг деревенского вида коттеджи с аккуратными ухоженными участками. Сидя на тротуаре, привалившись спиной к ограде одного из коттеджей, краснолицый абориген с ирокезом кормит лохматую собаку таблетками. Собака уныло и виновато воротит морду.

— Жри, жри, заменит тебе завтрак, обед и ужин! — напористо хрипит краснолицый. — Ну, давай, жри, ты же охотничья, а это же Риттер Ягд!...

Собака вдруг напрягается, скалит желтые зубы. Краснолицый с досадой съедает таблетки сам. Я останавливаюсь и смотрю туда же, куда смотрит собака. Лиса.

Рыжая лиса на трех лапах быстро перебегает дорогу. Четвертая лапа волочится по асфальту, оставляя за собой бурый след.

— Это Берлин, цукершнеке, — говорит равнодушно Эрвин. ...Дверь открывает зашпаклеванная белой пудрой Мадина

с окровавленным ртом.

5

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

«Агенту N Документ № 1 Дело № 36875

Надежда Олеговна Русланова 1928 г .р., г. Мурманск

Родители — Олег и Мария Руслановы, цирковые гимнасты, заслуженные артисты СССР, с 1940 г . — враги народа.

С 1931 г . — ребенок состоит на учете в детском отделении городского психиатрического диспансера. Выписка из истории болезни: «жалобы на головные боли, нервозность, спутанность сознания; расстройство цнс по эпилепсическому типу; психомоторные расстройства; явления слуховых и визуальных галлюцинаций». Асоциальное поведение.

С 1933 г. наблюдается «устойчивая ремиссия», однако ребенок остается асоциальным, не проявляет интереса к общению со сверстниками, болезненно реагирует на любые попытки коррекции поведения.

1937 г . — переезд в г. Москву.

С 1937 г . — выступает в московском цирке вместе с родителями.

1940 г . — Олег и Мария Руслановы отправляются на гастроли в Германию, откуда не возвращаются. По некоторым сведениям из компетентных источников, остаются за рубежом с целью

сотрудничества с иностранными спецслужбами. Официально объявляются врагами народа.

1940 г. — двенадцатилетняя Надежда Русланова поступает в детское исправительное учреждение № 17 (Московская область) для детей врагов народа.

В том же году за отличное поведение переводится в экспериментальный учебно-исправительный интернат им. Сванидзе (Минская область) при Специальном отделе ВЧК-ОГПУ-НКВД (директор интерната — генерал Белов Н.А., настоящее имя, по некоторым данным, Белюстин В.В. — подробнее см. протокол допроса Белова Н.А. от 24 мая 1944 г.).

Март 1941 — Надежда Русланова становится действительным членом военно-разведывательного Пионерского отряда №1.

Помимо Руслановой в отряд входят еще 4 воспитанника интерната им. Сванидзе:

— Леонид Гольшев (1926 г .р., Псковская область, из семьи раскулаченных, с 6-месячного возраста — сирота; состоит на учете в психо-неврологическом диспансере) — подробнее см. дело № 36876

— Марат Козлов (1926 г .р., БССР, деревня Стуньково; отец арестован за «вредительство», мать арестована по обвинению в троцкизме; состоит на учете в психо-неврологическом диспансере) — подробнее см. дело № 36877

— Валентин Котин (1928 г .р., Киевская область, родители неизвестны; состоит на учете в психо-неврологическом диспансере) — подробнее см. дело № 36878

— Зинаида Ткачева (1926 г .р., Ленинградская область, дочь врагов народа; состоит на учете в психо-неврологическом диспансере) — подробнее см. дело № 36879

22 июня 1941 г. — Надежда Русланова остается единственным членом Отряда № 7. Остальные, по ее свидетельству, обезглавлены и сожжены на ритуальном костре карательным отрядом «Аненербе».

1941—1944 гг. — в качестве агента Специального отдела УВР СССР Надежда Русланова участвует в ряде важнейших военно-разведывательных операций. Награждена орденом Отечественной войны 1 степени, медалью «Партизану Отечественной войны» 2 степени.

С мая 1944 года, после ареста ее непосредственного руководителя генерала Белова Н.А. (приговорен к расстрелу военным трибуналом за шпионаж и пособничество фашистским захватчикам), Надежда Русланова категорически...»

НИКА

— Перечитываешь свой проект?

Я дергаюсь, оборачиваюсь. Эрвин улыбается пластмассовыми

клыками. Он держит в руках поднос. Как давно он уже стоит у меня за спиной на балконе? В любом случае, он не мог не заметить, что в руках у меня — вовсе не описание проекта для университета в Берлине. Даже если он совсем не вглядывался в текст протокола, кириллицу от латиницы он отличит.

Я не отвечаю ему, чтобы не врать лишний раз.

Он понимает, что я понимаю, что он понимает.

Он прячет клыки и старательно смотрит в сторону, на глиняные кадки с цветами, помидорами, базиликом и анашой, пока я убираю бумаги с пластикового столика в свой рюкзак.

— Такие проекты лучше не перечитывать в людных местах. — Эрвин переставляет с подноса на столик граненый стакан, на две трети наполненный ядовито-зеленой жидкостью. — Ты ведь знаешь, как это бывает... Вонгемайншафт, здесь кто только не околачивается — могут запросто украсть идею.

Он аккуратно выкладывает на салфетку коктейльную трубочку, коробок спичек, столовый прибор неизвестного назначения — что-то вроде металлической лопаточки с дырками в форме крестов — и несколько кусков сахара.

Стакан ледяной, прокрытый мутной испариной.

— Это что? — Я осторожно нюхаю зеленую жидкость.

— «Зеленая фея», — говорит Эрвин. — Интересный напиток. На любителя — но тебе стоит попробовать.

Зеленая жидкость остро пахнет полынью, анисом и еще чем-то тошнотворно-микстурным, из детства.

— Не хочу.

— А ты считай, что это лекарство. Снотворное для твоего духа...

Эрвин чиркает над жидкостью спичкой — и «зеленая фея» вздымается из стакана синим клином огня.

Он кладет два куска сахара на металлическую лопатку и держит ее над пламенем. Жженный сахар капает через крестообразные дырки в стакан, оседает на дне коричневыми кособокими крестиками. Когда сахар стекает весь, Эрвин протягивает мне трубочку для коктейлей.

— Пить нужно залпом, — говорит он. — В три больших глотка.

Я смотрю на «зеленую фею». На коричневые крестики сахара и на синий огонь.

— Ты хочешь, чтобы я это пила?

— А ты хочешь, чтобы тебе не было больно? Хочешь освободиться хотя бы раз, ненадолго?

— ...Шайсэ! — Кто-то грубо пинает стеклянную дверь. К нам на балкон вместе с музыкой, дымом и запахом марихуаны вваливается Мадина.

У нее злое лицо. Пудра осыпалась на черное с блестками платье. Два темно-красных пятнышка, следы «укуса», нарисованные на ее шее, размазались и стали похожи на раздавленного комара. Она облизывает перепачканные красной помадой клыки чуть белесым, проколотым в двух местах языком.

— Что это вы тут сидите, а, голубки? — Она говорит так сварливо подвизгивая, что ее безупречный немецкий кажется вдруг языком тюркской группы. — Не по правилам. У нас тематическая вечеринка! Дракула-раг!у. А у нее даже костюма нет! — Длинный разрисованный ноготь свирепо тычет в меня. — Пусть пойдет и наденет клыки или маску, я всем раздавала!

Эрвин кротко и законопослушно обнажает в улыбке клыки.

— Ну не злись, не злись, детка, — обнимает он ее за плечи, ненавязчиво оттирая обратно в комнату.

— Все должны быть в костюмах,—упрямо повторяет Мадина, — и отыгрывать эти... ролевые модели...

— Мы отыгрываем, отыгрываем, — ласково шепчет ей Эрвин. — Пересмотри «Дракулу Брэма Стокера». Я как раз приготовил даме абсент... А клыки появляются ведь не сразу.

— Вайнона Райдер хренова! — Мадина смотрит на меня маслянистыми ненавидящими оливками. — Амна койим.

Она шумно выходит. Мы остаемся одни.
Он задувает пламя и говорит:

— Пей.

Он говорит:

— Не бойся. Это действительно всего лишь абсент.

Он говорит:

— Трубочку опусти на самое дно...

Первый глоток обжигает холодом горло. Горький и ледяной, какой же он ледяной, не могу вздохнуть... Второй глоток точно

сдирает мерзлую кожу. Уносит ее внутрь меня терпкой теплой волной... По-настоящему обжигает третий глоток. Невыносимо горячий. И сладкий. Приторно сладкий...

— ...А знаешь, ты и правда немного похожа на Вайнону Райдер...

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

«...С мая 1944 года, после ареста ее непосредственного руководителя генерала Белова Н.А. (приговорен к расстрелу военным трибуналом за шпионаж и пособничество фашистским захватчикам), Надежда Русланова категорически отказывается продолжать сотрудничество со Специальным отделом.

14 сентября 1946 года — Надежда Русланова выступает на Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля. Из доклада присутствовавшего на слушании представителя СССР, генерального прокурора Руденко Р.А.: «...показания Руслановой Н.О.являлись отвратительным лжесвидетельством, порочащим честь и достоинство советской армии и перечеркивающим все совершенные Руслановой подвиги — если таковые когда-либо действительно имели место. Слова, сказанные ею на процессе, можно интерпретировать лишь одним способом: пособничество фашистским захватчикам и попытка обелить их в глазах мировой общественности. Прискорбно и горько сознавать, что предвзятое отношение Запада к Советскому Союзу, стране-победителю и стране-освободителю, заставило судей всерьез прислушаться к ее словам, демонстративно проигнорировать показания других свидетелей и освободить от ответственности виновных в тяжких преступлениях против человечности...».

Мнение товарища Руденко Р. А. было принято к сведению сотрудниками Спецотдела, однако они не сочли нужным прибегать к каким бы то ни было карательным мерам в адрес Руслановой Н.О.или подвергать сомнению ее военные заслуги.

С 1946 г. и по настоящее время Русланова Н.О. проживает в Нюрнберге в рамках Программы Содействия жертвам фашизма. Замужем. Детей не имеет.

Апрель 1990 г. — с Надеждой Руслановой проводит беседу специально командированный в Нюрнберг представитель Специального отдела Харитонов С.Д.В ходе беседы Русланова Н.О. производит на него крайне неблагоприятное впечатление: «настроена враждебно, к сотрудничеству не готова...».

6

НИКА

...Я в невесомости. Я ничего не вижу, не слышу, не обоняю. Я исчезаю, я не чувствую своего тела. Она исчезает, она не чувствует своего тела.

— О чем ты поешь?

— Я пою о войне, Амиго.

— О чем ты танцуешь?

— Я танцую о гневе убитых.

Он больше ее не спрашивает. Он молчит в своем черном мире. На этот раз в его мире совсем нет света. Нет запаха рыбы, запаха моря и ветра; на этот раз его мир пахнет травой и цветами. Полынью и фенхелем, ромашкой и зверобоем, анисом и мятой, подорожником и влажной землей.

— Хочу уходить, — говорит, наконец, Амиго. Его черный мир пульсирует красно-бурым. — Мне не нравится твоя песня. И твой танец. И этот запах полыни. И тот, кто рядом с тобой. Так что я хочу уходить. Хочу попрощаться. Ты так и не принесла красный мяч.

Шершавый клюв афалины касается ее лба — и черный мир исчезает. Остаются лишь красные сполохи. Она остается одна, она танцует в красных сполохах света...

...Heirate mich! Хайль! Хайль! Хайль! Heirate mich!..

...А я, оказывается, танцую босиком на деревянном полу, в красном свете бумажной икеевской лампы, или даже не танцую, нет, извиваюсь, без всякого ритма, из колонок несется «Heirate mich!», а я прыгаю, лягая ногами воздух, я дергаю руками и головой, и капли пота летят с волос во все стороны. Никто не танцует рядом со мной: все эти упыри, окровавленные клыкастые твари, и среди них Эрвин, нет, даже два Эрвина, — они все боятся меня, они жмутся к стенам, они смотрят на меня, смотрят, как я прыгаю и пою, перекрикивая Rammstein, пою какую-то невыносимую песню на языке, которого нет, и хрипло смеюсь, и чувствую смятение, и радость, и усталость, и ярость, и чью-то чужую тоску, как будто это не я, а кто-то во мне смеется, и дергается, и поет, и мечется, и тоскует, скулит все тише и тише, и пьяно бормочет слова, борясь с неподвижностью, борясь с подступающим сном, но все же сдается. И падает. И засыпает.

А я не падаю. Я стою в центре комнаты. Я, может быть, и шатаюсь, но больше не дергаюсь, не пою и не представляю угрозы, и упыри равнодушно разбредаются по квартире, а Эрвин, который больше не двоится в глазах, высокий златоволосый Эрвин вытаскивает из музыкального центра один диск и вставляет другой, подходит ко мне и говорит:

— Потанцуем?

...Schlecht seh ich aus? Na gut, wenn du meinst...

У него холодные руки, чувствуется даже через ткань майки, но мне жарко, и этот холод у меня на спине, это так приятно... Пронзительно.

— ...Du bist dafür schneller denn je, — мурлычет Эрвин мне в ухо, подпевая динамикам. — Тебе нравится Element of Crime?

— Очень, — шепчу я в ответ.

— ... Alles ist besser... ohne dich. — От него пахнет коньяком и, кажется, шоколадом. — Element of Crime — моя любимая группа. Но и Rammstein ничего, верно? Ты здорово под него танцевала.

— Перестань! Я вела себя как сумасшедшая. Извини. Не понимаю, как это вышло...

— Зеленая фея, — шепчет мне в ухо Эрвин. — Она иногда ведет себя так. Все дело в туйоне, который содержится в масле полыни... Туйон противодействует тормозному эффекту гамма-аминомасляной кислоты...

Я хихикаю — его шепот щекочет мне ухо. Я не понимаю ни слова, но мне нравится эта щекотка.

— ...Таким образом, выключаются механизмы торможения центральной нервной системы... Человек теряет контроль... Помнишь, как ты десять минут назад хотела сжечь свой проект-бешрайбунг? Тот, что ты носишь в конверте? Пришлось отнять у тебя спички.—Эрвин смеется и теснее прижимает меня к себе. — А ты все говорила что-то про мертвецов и священников...

— Где он? — Я останавливаюсь и сбрасываю с себя его руки.

— Кто?

— Конверт.

— А, конверт... Я засунул его обратно в твой рюкзак.

— Ты читал?

— Нет. Честное слово. Может, все-таки потанцуем?

Я позволяю ему снова обнять меня. Его руки согрелись.

— ...А главное, — он снова наклоняется к моему уху и шепчет, — самое главное, зеленая фея снимает боль. Она обладает анальгетическим эффектом. Она умеет усыплять духов... Твой уже спит... Я только что соврал тебе, и ты не заметила.

— Так ты читал? Читал бумаги в конверте?!

Я останавливаюсь. Я пытаюсь вырваться, но он не пускает.
Он смеется.
Он говорит:

— Нет. Я соврал тебе про другое.

— Про что?

— Element of Crime, — говорит он сквозь смех. — Если честно, я не люблю эту группу. Слишком слащавые... А вот Rammstein мне действительно нравится, тут я был искренен. «Я целую твои холодные губы и сжимаю тебя в объятиях, но твоя кожа рвется, ты разваливаешься на куски, ты снова оставляешь меня...» Heirate mich! — Он рычит и шипит, подражая солисту группы Rammstein. — Heirate mich! Выходи за меня!

Он смеется — и я смеюсь вместе с ним. Мы танцуем, и я смеюсь, и сквозь смех я зачем-то рассказываю ему про свой интернат, и про Лену, какая она была твердая и холодная, и счастливая, когда я перевернула ее лицом вверх, и про всех остальных, какие они были счастливые, неподвижные, мертвые. Мертвые естественной смертью... Я рассказываю ему про мультим «Первый отряд», про червивую большую луну, про огонь и лед. И еще про Подбельского, как я звала его папой, как он совал мне конверт, тот самый чертов конверт, и как он говорил про «послание», и как пытался меня вербовать, как бредил новой войной, и какие прозрачные у него были глаза, прозрачные и безумные, и как он лежал потом на ступенях, ведущих от монастыря к морю, лежал на пятьсот сорок третьей, а его кровь дотекла до пятьсот тридцать девятой... Я смеюсь и рассказываю, что меня обманули, что мне прислали письмо из университета в Берлине, поздравительное письмо, там говорилось, что я поступила... Я смеюсь так долго, что по щекам начинают течь слезы. Сквозь смех я рассказываю, что у меня никого больше нет. Что я не знаю, как быть. И что мне страшно одной.

Он обнимает меня, он ведет меня на балкон и шепчет на ухо:

— Я буду рядом.

Он вытирает мне слезы и шепчет:

— Ты можешь рассчитывать...

Он говорит:

— Мы во всем разберемся. Я тебя не оставлю.

Конечно же он мне врет ~ но я не чувствую боли. И я хочу, чтобы это продлилось как можно дольше.

Поэтому я прошу его принести мне еще одну «Зеленую

фею».

На этот раз он не поджигает абсент. Он кладет в него лед, много кубиков льда, и сам делает первый глоток. Он протягивает мне чистую трубочку, но я беру ту, к которой он прикасался губами.

Я пью вслед за ним ледяное горькое зелье.

А он говорит:

— Подожди меня здесь, я скоро.

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

«Агенту N Документ № 2

(Фрагменты рукописи Варченко А.П.; другие части рукописи утрачены)

«...Я уже неоднократно излагал свою позицию по данным вопросам. Товарищи из ВЧК/ОГПУ/НКВД контролировали мои исследования на всех этапах и несколько раз сообщали мне, что моя работа имеет очень большое значение и я должен докладывать о ней руководству, что я и делал. Кроме того, прошу учесть, что некоторые товарищи, в том числе товарищ Белов Н.А., с удовольствием посещали мои лекции по древним наукам.

Причину, которая побудила меня заниматься поисками древних земель и древних культурных очагов, я уже им излагал. Но раз товарищи настаивают, я повторяю ее снова. Я прошу товарищей учесть, что при всей самонадеянности и необдуманности того, что я говорил, я не имел целью проявить неуважение к делу великой социалистической революции, но лишь внести свой посильный вклад в развитие молодого социалистического общества.

По мере поступательного движения революции, полагал я, возникали картины крушения всех общечеловеческих ценностей, картины ожесточенного физического истребления людей. Передо мной вставали вопросы: как, почему, в силу чего обездоленные труженики превратились в зверино-ревушую толпу, массами уничтожающую работников мысли, проводников общечеловеческих идеалов? Как изменить острую вражду между простонародьем и работниками мысли? Как разрешить все эти противоречия? Признание диктатуры пролетариата не вполне отвечало моему мировоззрению не в силу моего неуважения к пролетариату, но исключительно в силу излишней грубости, изначально заложенной в самом термине «диктатура». Мне не хотелось верить, что все кровавые жертвы революции оказались впустую, а впереди мне виделись — теперь я признаю, что ошибочно, — еще большие кровавые жертвы новых революций и войн, еще большее одичание человечества... В своей мистической самонадеянности я полагал, что ключ к решению проблем находится в Шамбале-Агартти или же в Гиперборее, в этих заповедных очагах древнейшей цивилизации. Мне думалось, что остатки знаний и опыта того общества, которое находилось на

более высокой стадии социального и материально-технического развития, чем общество современное, могли бы быть полезными для нашего молодого социалистического государства. Однако предпринятые мной экспедиции...»

«...гигантскую каменную фигуру человека с крестообразно раскинутыми руками, а также желто-белую колонну наподобие гигантской свечи и кубические каменные сооружения на берегу Сейдозера, остатки древней дороги в труднодоступных участках тундры. Эти находки подробнейшим образом были описаны мной в научном отчете от 25 ноября 1922 года и представлялись мне следами древнейшей северной гиперборейской цивилизации. Представляются они мне таковыми до сих пор.

Вопросом же мерячения я занимался в ходе той же экспедиции в русскую Лапландию в рамках моей работы и Института мозга и по заданию академика Бехтерева лично. Основной задачей экспедиции было обследование района, приметающего к Ловозерскому погосту. Этот район населен малообразованными лопарями-саамами, занимающимися оленеводством.

Мерячение, которое также называют эмериком, «арктической истерией» или «лангутским припадком», — заболевание, очень распространенное среди местных лопарей, страдают им также и в некоторых других северных регионах. Генезис заболевания до сих пор не вполне ясен, сами больные связывают заболевание с происками подземных духов, за медицинской же помощью обращаются к местным шаманам. Эмерик проявляется в спонтанном повторении больными движений и слов друг друга, кликушестве, судорогах. Со слов местного населения, страдающие эмериком оленеводы в момент приступа способны предсказывать будущее, читать мысли, отличать правду от лжи, останавливать дыхание и биение сердца на срок до семи минут, кроме того, по уверениям очевидцев, в момент приступа больного можно ударить ножом, не причинив ему никакого вреда.

Подобные проявления, как мне казалось, могли быть весьма интересны Спецотделу ВЧК/ОГПУ. Они могли бы использоваться в сферах разведки и обороны, если бы их можно было сделать контролируемыми. Подробнейший доклад об особенностях и пользе мерячения был мною составлен в двух экземплярах, первый из которых был передан лично в руки товарищу Глебу Бокию, второй же — товарищу Белову. Полагаю, товарищ Белов уже ознакомил товарищей со своим экземпляром. Однако, поскольку товарищи настаивают на подробностях, не имеющих, на мой взгляд, отношения к научно-практической стороне вопроса, я готов изложить также и их. Постараюсь сделать это насколько возможно литературно — не сомневаюсь, что товарищи уже основательно подустали от косноязычия и казенного слога, а я все же не только ученый, но еще и в некотором роде писатель, так что отчего бы и не создать небольшое эссе, коль скоро товарищи любезно снабдили меня бумагой и ручкой.

Итак, по заданию академика Бехтерева наша экспедиция...»

«...морщинистое лицо с выдающимися желтоватыми скулами, приплюснутым носом и широко расставленными маленькими глазами оставалось неподвижным. Так мы сидели в чуме, друг напротив друга, минут пять или десять. За это время он не моргнул ни разу, и, судя по всему, он действительно не дышал, однако двое других нойдов не проявляли никаких признаков беспокойства. Потом Данилов чуть вздрогнул, со свистом втянул в себя воздух, закрыл глаза и запел. Даже не запел, заныл — тихо, гнусаво, покачиваясь из стороны в сторону, словно от боли. Двое других вскоре запели тоже. И закачались — в точности как и он.

— Давным-давно саами и чудь были братьями и вместе пасли оленей на этой земле...уямм... — не открывая глаз, тихо проныл Данилов.

— На этой земле... уямм, — подвывали двое других.

— Но однажды вышел из тундры Мяндаш — олень с золотыми рогами... уямм-уямм... И саамский нойд увидел, что дух оленя принадлежит саамскому племени... уямм... а его брат, шаман из племени чудь, увидел другое. И каждый сказал, что олень принадлежит его племени... уяммм-уямм... И каждый вонзил нож в тело оленя в знак власти над ним... И олень пал... уяммм- уямм... и пошел брат на брата, и началась война за тело оленя... уяммм-уямм... И саами убивали чудь, своих братьев, а те убивали саами, пока все воины из племени чудь не пали. И кровь была на снегу... уяммм-уямм... Кровь людей и кровь оленя с золотыми рогами. И так лежали они. А потом олень с золотыми рогами поднялся с красного снега...уямм...и подошел к каждому из убитых... уямм... и склонился над лицом каждого... и прикоснулся к лицу рогами... И тогда все они открыли глаза... уямм... Их глаза тогда стали белыми, как снег в тундре... Они встали и пошли за оленем...

уяммм-уямм... И кровь под копытами оленя превращалась в красные камни... До сих пор много этих камней попадает в наших местах, и зовутся они «лопарской кровью». Это кровь лопарей и кровь, которую пролили лопари...

...И олень повел павших к скале на другом берегу озера... уямм... К большой пещере на другом берегу озера... уямм... Они шли по льду озера, и олень повернулся к оставшимся в живых и поклонился им... И тогда золотые рога упали с его головы на лед. Он оставил рога, а сам пошел ко входу в скалу... Он увел за собой павших... уямм... Белоглазую чудь... Уямм... И саами, которые тоже стали как чудь... Он увел их под землю... Глубоко-глубоко под землю...

Наконец Данилов перестал петь и раскачиваться. Он открыл глаза и сказал спокойно и тихо:

— На месте, где олень оставил рога, возник остров. Мы зовем его Роговый остров. Наши нойды и шаманы всех окрестных племен отвозят туда рога всех павших оленей в дар нашим подземным братьям, чтобы они нас простили. Но они не берут дары... Они злятся на нас...Иногда они входят в нас и мучают нас изнутри. Они заставляют нас петь и плясать вместе с ними... Они дают нам способность не дышать и не двигаться... Чтобы показать нам, каково это—лежать убитыми на снегу... Саамские лопари — наивный народ. Но когда белоглазый дух входит в нас, никто не может нас обмануть. Потому что подземные

братья внутри нас, а они знают истину... Скажи, зачем ты искал встречи со мной, человек из большого города?

— Ваши люди сказали, что вы тяжело больны, — ответил я старику. — У меня есть лекарства. Я по образованию медик. Я могу вам помочь...

Данилов вдруг скорчился и схватился за живот, точно его кто-то ударил. То же самое сделали двое других стариков. Когда они снова выпрямились, Данилов сказал мне:

— Ты соврал. Белоглазые духи не любят⁷ когда их обманывают. Они тогда злятся и кусают нас изнутри. Вот сюда, — старик ткнул себя пальцем в солнечное сплетение. — Они кусают нас вот сюда. А теперь скажи правду. Зачем я нужен тебе?

— Я хочу попасть внутрь скалы, — сказал я. — Хочу спуститься под землю. Говоря по правде, я не верю, что там живет чудь. Однако же ваша легенда возникла не на пустом месте. Я верю, что там, внизу, есть следы очень древней страны. Мы искали вход много дней — но так и не нашли. Вы или ваши люди — вы ведь знаете, где вход в пещеру? Тот, куда олень увел ваших братьев? Нам нужен проводник. Поэтому я к вам пришел.

Данилов вдруг засмеялся, не открывая рта, потом хрипло закашлялся.

— Ты просишь меня пойти с тобой вниз? — сказал он, хрипя. — Это невозможно. Я не стану тревожить подземных духов. И тебе не советую, человек из большого города.

— Мы не боимся духов, — ответил я старику. — Просто покажите нам вход и оставьте нас там.

— Подземные духи сожрут вас.

— Что ж, значит, мы принесем себя в жертву. Да, пусть так и будет. Считайте, что, приведя нас туда, вы просто приносите им богатую жертву.

Его скуластое лицо снова ненадолго застыло. Затем он почти улыбнулся.

— Да будет так, — сказал он, и двое других повторили за ним то же самое. — Но ты пойдешь вниз один, — добавил Данилов. — В твоих людях я чувствую страх. Я знаю, что они не хотят идти. Саами — мирный народ, их нойд — не убийца. Я не поведу людей против их воли. Я поведу только тебя.

— Хорошо, — согласился я. — Когда отправляемся?

— Через три дня, — ответил Данилов.

— Почему так нескоро?

— Я должен приготовить напиток. Скала не примет тебя, если ты придешь в нее таким, каков ты сейчас.

— А каков я сейчас?

— Твоя душа не может пошевелиться.

— Я полагаю, что души...

Данилов остановил меня повелительным жестом.

— Я знаю. Ты думаешь, у тебя нет души. Это потому, что твоя душа сейчас подобна вмерзшему в землю сухому корню ольхи. Мой напиток растопит лед и освободит твою душу. Освободит, насколько это возможно.

— Из чего состоит ваш напиток? — спросил я.

Он растянул свой сухой рот в улыбке:

— Таежные травы, собранные руками старух-саами, сок белых ягод сейд, найденных на рассвете, высушенные цветки кустарника суам-ной, помет дикой птицы, кричащей лишь по ночам, кровь зайца, умершего в страхе, и истолченный в порошок рог оленя...

...Через три дня я узнал, что он надо мной издевался. В его напитке не было ни помета, ни крови. На вкус напиток напоминал крепкий чай с клюквой, мятой и можжевельником. На дне чашки плавал желтый корень какого-то неизвестно мне растения. Я выпил все залпом и через полчаса...

НИКА

...Я делаю новый глоток зелья из трубочки и наблюдаю, как твердые пузатые тельца букв слабеют и истончаются к хвостикам и разбегаются по странице.

Когда меня взяли в интернат, мне было четыре. Мне казалось, что не помню ничего, что было со мной до того. Мне казалось, мое первое воспоминание — страшный сон про огромную луну, и тонированные стены кабинки «дневного сна», и Подбельский, который гладит меня по волосам и врет, врет...

Мне действительно так казалось. Но теперь я понимаю, что это не так.

Мое первое воспоминание — другое.

Желтолицый старик с приплюснутым носом сидит неподвижно. Он смотрит на меня, не мигая, и мне совсем не нравится его взгляд. А я не нравлюсь ему. Это я чувствую. Я пою какую-то песню на языке, который не понимаю. Усталая полная женщина — наверное, моя мать — держит меня на руках.

Старик берет нож и делает глубокий разрез на моей ладони. Женщина равнодушно вскрикивает. Мне не больно. Я продолжаю петь.

— Эту девочку я не могу излечить, — говорит старик женщине. — В нее вошел подземный дух. Я не вправе его прогнать. Там, — старик указывает рукой куда-то себе за спину, — там, за тайболой, если проплыть от Лойъяврсийте по Сейдъяв-рйок, много таких, как она. Ты можешь отвезти ее к ним, но это нечистое место. Ты хорошая женщина, тебе не стоит туда ходить.

— И что мне с ней делать? — спрашивает моя мать старика.

— Просто откажись от нее, — отвечает он, заклеивая мне ладонь пластырем. — У тебя уже есть дети. И будут еще. Она все равно не годится для праздничных выступлений. Она будет тебе только мешать. Под Мурманском есть хороший детдом...

ОБОРОТЕНЬ

Они блуждали во тьме — пока однажды один из них случайно не наткнулся на Истину.

Профессор Варченко — недостойный, непосвященный... Профессор Варченко — обычный человеко-объект.

Как получилось, что именно он причастился Истины?

Как он нащупал ее, такую хрупкую, неземную, незримую, своими сальными мясистыми пальцами?

Мы знаем, как. Он блуждал в темноте. И он наткнулся на Истину так же, как пьяный мясник, слепо бредущий по скользкому вонючему полу и готовый вот-вот угодить мордой в свиную тушу, пошатнувшись, налетает на дверь.

Иногда эта дверь бывает не заперта.

И тогда она открывается. Даже для самых никчемных.

Даже для тех, кто уверен, что истину помогут познать железные камеры, провололочные шлемы или магнитные стены. Даже для тех, кто носит колпак из фольги...

Еще в 1911 Варченко пытался зарегистрировать приборами М-лучи — «телепатические волны». Сложно представить себе нечто более нелепое, чем его опыты. Он брил двух людей наголо и надевал им на головы алюминиевые шлемы, соединенные проволокой. Один назначался «передающим», другой — «принимающим». Профессор надеялся, что они смогут улавливать мысли друг друга!

Еще в 1914 он начал писать фантастические рассказы и очерки: «Загадки жизни и смерти», «Передача мысли через пространство и время», «Мои опыты с мозговым излучением»...

В 1915 он пытался построить машину времени — из фанеры, ртути и ваты. С часовым механизмом внутри....

В 1917, как и все недоумки, он с надеждой и радостью принял советскую власть. Власть объектов. Власть демиурга.

В двадцатые он страшно гордился тем, что сотрудники органов госбезопасности посещают его безумные лекции. Тем, что сам академик Бехтерев взял его на полную ставку в Институт Мозга. Тем, что сам товарищ Бокий взял его в качестве секретного свободного консультанта в Специальный отдел.

Обоим своим хозяевам Варченко готов был лизать ноги.

Оба хозяина ценили своего верного пса.

В собственной лаборатории Института Мозга, на втором этаже, Варченко конструировал электрические регистраторы мыслей, учил обезьян читать и ковырялся в гипофизах сросшихся в области таза сиамских близнецов.

А для товарища Бокия он подыскивал знахарей, шаманов, медиумов и гипнотизеров — и приводил их в Фуркасовский переулок, в специально оборудованную «черную комнату», где проверялись их дарования. Испытуемые должны были дешифровать вражеские сообщения и читать мысли врагов посредством дара ясновидения, консультироваться по различным вопросам с усопшими политическими деятелями, проводя спиритические сеансы, вводить в транс врагов народа и заставлять их раскрывать все свои грязные секреты посредством гипноза.

...Сиамские близнецы умерли, не перенеся очередной операции.

...Гипнотизеры и медиумы попадались в основном неказистые — и все же иногда из этого мутного потока жуликов и безумцев удавалось вылавливать истинных мастеров своего дела. Как у многих человеко-зверей, у Варченко был хороший нюх, и он умел находить себе подобных с нюхом еще более развитым. Именно Варченко привел в спецотдел гипнотизера Орнальдо. Именно Варченко наладил отношения с телепатом Рудольфом Месиным. Именно Варченко нашел семейство Руслановых. И эту девочку. Эту чертову девку...

ХРАНИТЬ ВЕЧНО (Фрагменты рукописи Варченко А.П.; другие части рукописи утрачены)

«...некой бестелесности, как будто наблюдал за происходящим не я, а кто-то посторонний. Еще раз прошу товарищей понять, что увиденное под землей я склонен был объяснять действием наркотических средств, безусловно подмешанных в мой напиток. Я счел все не более чем галлюцинацией, отвратительным смешением реальности и фантомов сознания... Поэтому описание этого «опыта» не было мной включено ни в отчет, предоставленный в Институт Мозга, ни в доклад, составленный для Спецотдела.

Как тогда, так и сейчас я по-прежнему полагаю, что в сентябре 1922 года в пещере близ Ловозера со мной случилась галлюцинация. Однако, коль скоро товарищи интересуются ее подробностями, я постараюсь восстановить их в памяти — хотя и не уверен, что мне это удастся в полной мере по прошествии пят-

надцати лет.

Там было холодно — холоднее, чем снаружи, — и узкий подземный лаз был сплошь покрыт хрустящей корочкой льда. Я ждал увидеть внутри следы древней культуры, аналогичные тем, что уже встретились мне снаружи: каменные сооружения кубической формы, изображения человеческих фигур, свечеобразные колонны. Но ничего этого не было, мой фонарь выхватывал из темноты лишь бесформенные заледеневшие камни. Потом подземный коридор стал расширяться. Я смог выпрямиться и свободно идти, и я уже не видел рядом с собой каменных стен — вероятно, я оказался в чем-то вроде подземного грота. И вот тогда я услышал тот звук — дробный, стрекочущий звук, как будто по стеклянной поверхности рассыпали бисер...

Они явились из темноты — огромные насекомые, наподобие, может быть, комаров, но в сотни, в тысячи раз крупнее. Их было, кажется, пять, каждый размером с пони. Трое шли по земле, липкие присоски на лапах с чавканьем целовали лед, волосатые влажные хоботы раскачивались из стороны в сторону. Остальные двое пытались лететь, но тонкие и ломкие, точно из прозрачных больших льдинок, крылья не держали их вес. Их судорожные дрожащие взмахи... Именно они производили тот звук. Дробный, стрекочущий звук, как будто по стеклянной поверхности рассыпали бисер.

Они окружили меня и застыли, лишь черные волоски на хоботах слегка трепетали. Я не боялся — видимо, принятое мной наркотическое средство избавляло от страха, — я смотрел на них совершенно спокойно. Так мы стояли минуту или, может быть, две, потом они поползли по коридору вперед, и я понял, что должен идти вслед за ними...

Они вывели меня к развалинам крепости и полуразрушенному замку, по виду средневековому. Там было много таких, как они, они ползали или вяло летали, волоча по мерзлой земле свои мохнатые лапы. И еще там повсюду валялись черепа — множество черепов, в основном человеческих, но попадались иногда и звериные.

Стараясь не наступать на кости, я пошел вдоль остатков округлой крепостной стены. С той стороны доносились какие-то звуки.

Вход я нашел почти сразу.

За стеной были люди — или что-то вроде людей. Они строили какое-то новое сооружение на развалинах замка. В качестве материала они использовали камни, доски, ледышки, черепа, тела этих мертвых больших насекомых... Стена постройки, как ни удивительно, выходила достаточно ровной. Я подошел поближе к строителям. Поначалу они меня не заметили — или просто не проявили ко мне особого интереса.

Но мне хотелось вступить с ними в контакт, и я сказал им какую-то благоглупость. «Хорошо работаете, ребята» — или что-то вроде того.

От звука моего голоса они вздрогнули — и тут же окружили меня, точно любопытные лесные зверьки. У них были одинаковые восковые лица и белые, без зрачков и без радужных оболочек, глаза. Они заговорили все разом — очень быстро, каждый свое.

Они торопились и захлебывались, будто боялись, что я их не дослушаю.

— ...Мы работаем. Мы работаем от генератора...

— ...Имеются богатые коллекции черепов всех рас и народов. Однако в распоряжении науки имеется так мало черепов евреев, что работа с ними не может дать достаточно надежных результатов...

— ...От этих далёких времён не осталось ископаемых скелетов, потому что костей не было даже у зверо-человека, тем более у ангелов, и те и другие обладали полугазовой консистенцией...

— ...Война на Востоке теперь дает нам возможность восполнить этот пробел. Получив черепа еврейско-большевистских комиссаров, которые представляют собой прототипы отвратительных, но типичных недочеловеков, мы сможем сделать ряд существенных научных выводов...

— ...Мы работаем от генератора...

— ...Мир переменится, Властители выйдут из-под земли...

— ...Много входов, но совсем нету выходов...

— ...Если у нас не будет с ними союза, если мы тоже не будем с Властителями, то окажемся в числе рабов, в навозе, который послужит удобрением для того, чтобы цвели новые города...

— ...Мы работаем от центрального генератора...

Они бормотали и бормотали, они обступали меня все плотнее. Когда они подошли совсем близко, я вдруг заметил, что их лица стали меняться. Они словно бы обретали индивидуальность, разделялись на мужские и женские, молодые и старые, усталые, злые, грустные, сонные... Но глаза оставались белыми. Белыми, как у чуди из легенды нойда Данилова.

Лицо женщины, бубнившей мне прямо в ухо насчет черепов евреев, казалось смутно знакомым. Я вгляделся в ее черты... и они вдруг сложились так легко, так привычно, так точно, тем единственно возможным образом, каким я уже много лет безуспешно пытался сложить их в своей неподатливой памяти. Меня не было с ней, когда она уходила. Возможно, мое подсознание за это меня наказало — с тех пор, как ее не стало, мне никак не удавалось вспомнить в деталях ее лицо...

Я спросил:

— Ты узнаешь меня, мама?

Она перестала бубнить и сказала чужим монотонным голосом:

— Ты не дошел до Сумеречной долины. Не пересек границу. Твоя душа несвободна. Мы здесь работаем от центрального генератора. Мы имитации. Мы не умеем никого узнавать. Получив черепа еврейско-большевистских комиссаров, которые представляют собой прототипы отвратительных, но типичных недочеловеков, мы сможем сделать ряд существенных научных выводов...

Как вы можете убедиться, данная галлюцинация не представляет никакой научной или политической ценности сама по себе. Именно по этой, повторюсь, причине я не описывал ее ни в одном из своих отчетов. Однако же да, товарищи из Спецотдела совершенно правы в своих предположениях касательно того, что этот удивительный опыт оказался мне в некотором роде полезен в моей последующей научной деятельности, направил мою мысль в определенное русло и послужил своеобразным толчком к началу работы над интересующим Спецотдел изобретением.

Химическую формулу состава, необходимого для внутривенной инъекции «путешественнику», и способ приготовления инъекции я, как мне и было велено, написал от руки и передал товарищу Белову Н.А. лично в запечатанном плотном конверте. Мой арест, последовавший в тот же день, представляется мне чудовищным недоразумением. Обвинения, выдвигаемые в мой адрес,—нелепыми и необоснованными. В частности, мне инкриминируется сокрытие информации государственной важности, якобы собранной мной во время экспедиции по пещерам Крыма в 1928 году. Так вот, я со всей ответственностью заявляю, что единственной целью экспедиции являлось изучение возможности наличия в этом регионе следов древнейших культур. Таковых следов обнаружено не было.

Вообще, совершенно очевидно: произошла какая-то ошибка. Чем еще, кроме нее, можно объяснить, что за мое многолетнее плодотворное сотрудничество со Спецотделом я «вознагражден» подобным образом?

Впрочем, к работе НКВД в целом и Спецотдела в частности я никаких претензий не имею и, когда данное недоразумение разрешится, не намерен задействовать свои связи и предъявлять сотрудникам НКВД какие бы то ни было претензии. Я понимаю, что время сейчас в стране сложное, наш враг не дремлет, предатели и враги народа раскинули по всей стране свои коварные сети. Оттого загруженность сотрудников государственных органов чрезвычайно высокая и иногда может случиться небольшая путаница — как, например, в моем случае. Это все нормальный рабочий процесс, и никаких претензий здесь быть не может.

Хотелось бы, Впрочем, напомнить, что научная деятельность, которой я сейчас занимаюсь и от которой меня, увы, весьма отвлекает пребывание в этих гостеприимных стенах, представ-

лялась и, смею надеяться, по-прежнему представляется весьма важной и даже приоритетной товарищу Белову Н.А., который неоднократно говорил мне о ценности моего будущего изобретения для СССР.

Теперь же, когда основная часть работы закончена и «Аниматор-і» оказался, наконец, в нашем распоряжении, необходим длительный период его, так скажем, «обкатки» — и этот этап работы не менее важен, чем все предыдущие. Изобретение не может по-прежнему оставаться полностью засекреченным. С результатами моей деятельности необходимо ознакомить ряд лиц из руководства Института Мозга — с тем чтобы в ближайшие месяцы я мог приступить к проведению экспериментальных «путешествий» в лаборатории Института с участием комсомольских добровольцев.

В последний раз хочу подчеркнуть, что содержание под арестом очень тормозит финальный этап работы над изобретением — а это работа государственной важности.

К написанному выше добавить мне, пожалуй, нечего.

Разве что следующее: на все вопросы, касающиеся изобретения, я готов отвечать лишь в присутствии товарища Белова Н.А.».

ОБОРОТЕНЬ

Обоим своим хозяевам Варченко готов был лизать ноги.

Оба хозяина ценили своего верного пса.

Оба хозяина отправили его искать Шамбалу. Искать Гиперборею. Искать Беловодье. Искать Сумеречную Долину. Ни он, ни его хозяева не в состоянии были понять, что все эти названия обозначают одно и то же. Полую Землю. Он должен был найти Полую Землю. Профессор Варченко — недостойный, непосвященный... Профессор Варченко — со своим звериным чутьем.

Он быстро взял след, хотя сам этого так и не понял. Он думал, что вход в Тибете, а в Тибет его не пустили. Он так и не понял, что входов может быть несколько. Он так и не понял, что сам нашел целых два.

Один в русской Лапландии, а другой в горах Крыма.

Он так и не понял, что видел Полую Землю.

За глупость или неведение, или за неспособность постигнуть, за чистый инстинкт или за пустоту на месте души, за что-то — мы не знаем за что, — но Полая Земля его пощадила.

Он не ослеп, не сошел с ума, не разучился управлять своим телом. Та же Земля, что погрузила во тьму Старуху, одну из лучших, — та же Земля дала этому ничтожеству свою благодать.

Профессор Варченко — недостойный, непосвященный... Профессор Варченко создал то, что не смогли создать мы. Он нашел способ открывать дверь в Полую Землю. Он сотворил чудо и назвал его чудовищным словом «Аниматор», позднее название заменили на не менее чудовищное «Некропортал».

Нам объясняли, что вожаки человеко-зверей не способны объединяться. Инстинкт заставляет их перегрызать глотки товарищам. Истреблять самых талантливых в своих рядах.

Профессор Варченко — недостойный, непосвященный-
Полая Земля его пощадила, но братья по оружию — нет.
Они убили его в 38-м.

Перед тем как перегрызть ему глотку, они дали ему стопку
бумаги и ручку. Они приказали ему написать исповедь. Он написал,
он очень старался, ведь он считал себя еще и писателем... Им не
хватило каких-то подробностей — так что Варченко пришлось
исповедаться еще и устно.

Рукопись и стенограмму допроса они якобы уничтожили в
сорок первом — когда наши воины подошли к Москве и они
судорожно и трусливо сжигали свои архивные документы... Сжи-
гали и разворовывали. И прятали в укромных местах.

Дело Варченко поделили между собой генерал Белов и его
ассистентка Лиза Рауле.

Белов был занозой в заднице.

Его ассистентка работала на нас.

Лиза Рауле, юная белокурая латышка с нежным прибалтий-
ским акцентом. На самом деле ее звали Эльза Раух, и в ее жилах
текла кровь истинных ариев. Она была одной из лучших. Она и ее
сестра.

8

НИКА

...Луна, огромная и червивая, как шляпа гигантского гриба.
Она слишком близко, она притягивает всю кровь к голове, это из-за
нее так болит голова, из-за этой луны, гнойно-желтой, заслоняющей
небо... И лед — непрозрачный и желтоватый, это из-за него так
тошнит, из-за этого льда, похожего на слипшийся сахар. И круг —
пустой черный круг, который очерчен на льду... И шепот:

— У тебя на спине звездное небо...

Холодные пальцы вытягивают меня из моего сна. Холодные
пальцы скользят по моей голой спине, и сквозь тошноту, сквозь
наполняющую меня липкую муть, я слышу, как он говорит:

— У тебя здесь звезды.

Я голая. Совершенно голая. С ним.
Чужая постель, чужие белые стены.
Не помню.

— Вот это — большая медведица. — Он изучает родинки у меня на спине.

Их много, и при желании в них действительно можно разгля-
деть пару созвездий.

Он трогает меня рассеянно, по-хозяйски. Он водит холодным
пальцем по моей коже. Кожа болит.

Не помню, откуда у него взялось право так делать.

Последнее, что я помню, — зеленая горькая дрянь с большим
количеством льда. И совсем другая квартира.

Я морщусь и зажимаю руками рот, а он говорит мне:

— Вставай. Я спешу. Если тебя тошнит, ванная комната там.

Первый раз — он, говорят, самый важный. Решающий. Первый раз — это как инициация. Ритуал с кровью. Первый раз — он, говорят, запоминается на всю жизнь.

Хорошо, что я его вообще не запомнила.

Я смогу теперь воображать все, что угодно...

Я принимаю душ и вытираюсь одним из четырех полотенец. Полотенца все одинаковые, махровые, чистые, свернуты и аккуратно разложены в ряд на специальной железной решетке. Как в гостинице.

Ванна и раковина белоснежны. Пол блестит, коврик для ног не использовался явно ни разу.

Говорят, если твой первый мужчина был с тобой нежен и ласков, ты будешь счастлива в любви всю жизнь.

Я выхожу из душа и иду в комнату по пустому белому коридору.

Я понятия не имею, был ли он со мной нежен и ласков. Зато я вижу, что мой первый мужчина обитает в стерильном жилище... Это как минимум дает мне надежду на то, что он был осторожен.

Он сидит на идеально чистом полу, в позе лотоса, обнаженный. Он не двигается, не моргает, не дышит. Сфинкс. Используют ли сфинксы презерватив?

— Если у нас... насколько я поняла, что-то было... как это случилось?

Мой первый мужчина смотрит на меня так... Так смотрят из окна отъезжающего поезда на перрон: рассеянно и нетерпеливо ожидая смены надоевшей картинки.

— Все было отлично, — говорит он по-немецки и встает с пола. — Странно, что ты не запомнила, цукершнеке.

Я смотрю вниз. Смотрю на его голые ноги. Трогательные щиколотки. Изящные, как у цапли.

— Но ты... ты был осторожен?

— Я всегда осторожен. — Он натягивает штаны. — Но если ты имеешь в виду презерватив, то я им не пользовался.

— Ты что, псих? А если я залечу?

— Это решительно невозможно, — говорит он по-русски.

— Значит, ничего не было?

— Значит, я тебе ничего не отдал. Мой учитель йоги считает, что не нужно отдавать свои семечки.

— Семечки?!

— То есть я хотел сказать — семена.

Мне нравится его русский — идеальный, но с очаровательными ошибками слабоумного.

— Ты имеешь в виду, не нужно отдавать свое «семя»?

— Точно! Семя. Учитель говорит, это ослабляет мужчину. Лишает его энергии. На кухне есть апельсиновый сок...

Первый раз — самый важный, если ты, конечно, не выступишь в роли подстилки для йоговских упражнений.

— ...Ветчина и сыр в холодильнике. Я утром не ем, но ты можешь брать все, что захочешь.

— А что мы потом будем делать? — спрашиваю и тут же жалею.

— Мы?.. — Красивая бровь ползет вверх.

Мы во всем разберемся. Я тебя не оставлю...

— ...потом?.. — Он улыбается; какие все-таки злые у него губы.

Ты можешь рассчитывать...

— ...Полагаю, что каждый из нас займется своими делами...

Я буду рядом...

— ...Ты вроде бы должна заняться этим своим Первым отрядом. Разве нет? «Суть задания «Первый отряд»: расшифровка послания; выяснение целей, диспозиции, численности и состава вражеской стороны. В случае необходимости — предотвращение агрессии с вражеской стороны.....

— Ты читал мои документы?!

— Ты мне дала. — Он разводит руками в издевательском недоумении. — Ты мне сама дала. Странно, что ты не помнишь.

Он врет. Дрожащая когтистая лапа царапает меня изнутри. Я голая. Я вдруг остро чувствую, какая я голая. А он одет. Он уже стоит на пороге. Его ботинки блестят.

— Хочу домой, — говорю я прежде, чем понимаю, насколько жалко это звучит.

Мой первый мужчина смотрит на меня без всякого выражения.

— Уеду сегодня же! В Севастополь! Как будто он станет меня удерживать...

— Тебя там никто не ждет, — говорит Эрвин. — Извини, у меня важное дело. Когда будешь...

— Меня ждет Амиго.

— Амиго умер. Amigo ist tot.

— Неправда!

— Правда. Будешь уходить, захлопни, пожалуйста, дверь. Если бы я врал, ты бы знала.

Я жду боль. Впервые в жизни я так ее жду.

9

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

«Агенту N Документ № 3

(1938 г ., из протокола допроса Варченко А.П., допрашивает лично генерал Э.В. Никифоров).

Э.Никифоров: Почему вы избегаете называть свое изобретение «Некропорталом»?

А.Варченко: Данное название представляется мне не вполне корректным. То, что вы именуете «Некропорталом», никоим образом не является средством перемещения в прямом смысле этого слова.

Э.Никифоров: Чем же оно является?

А.Варченко: Видите ли, речь ведь идет не о физическом перемещении человека в мир мертвых, а о погружении его в определенное состояние... О путешествии, так скажем, души. Поэтому я называю свое изобретение «Аниматор-1». Анима в переводе с латыни значит «душа»...

Э.Никифоров: Товарищ Варченко, вы христианин?

А.Варченко: Ну что вы. Я атеист. Я же ученый. Э.Никифоров: И все же вы религиозны?

А.Варченко: Ни в коем случае.

Э.Никифоров: «Душа», как мне представлялось, является одним из религиозных понятий.

А.Варченко: Вы правы. Однако же я не располагаю ни одним научным понятием, которое лучше бы соответствовало той бес-телесной материи, с которой работает «Аниматор-1».

Э.Никифоров: Уважаемый Александр Васильевич, в Советском Союзе одна религия — коммунизм. В нашей стране невозможно использование аппарата с предлагаемым вами названием. Мы будем называть его «Некропоралом», здесь и далее. Это больше не обсуждается, и я попросил бы вас не засорять текст протокола словами из лексикона деревенских бабулек.

А.Варченко: Полагаю, деревенские бабульки редко используют в своей речи слово «анима»... Впрочем, как вам будет угодно.

Э.Никифоров: Мы хотим, чтобы вы поподробнее описали механизм действия «Некропорала».

А.Варченко: Я уже много раз... Ладно. «Путешественнику» вводится внутривенно препарат, который я именую «анимусом», а вы, вероятно, как-то иначе. Информацию о химической формуле, способе приготовления и дозировке я уже предоставил товарищу Белову Никите Александровичу...

Э.Никифоров: Товарищ Белов, вы подтверждаете, что вся эта информация действительно была предоставлена вам в срок и в полном объеме?

Белов Н.А.: Да, подтверждаю.

Э.Никифоров: Хорошо. Продолжайте, товарищ Варченко.

А.Варченко: После этого «путешественника» желательно поместить в полностью изолированное от внешних воздействий пространство.

Э.Никифоров: Что значит «полностью изолированное»?

А.Варченко: Это может быть звукоизолированная комната без освещения, мебели и так далее. Или нечто вроде большого аквариума — но тогда «путешественника» следует снабдить водолазным костюмом... На худой конец сойдет и что-то вроде... Что-то вроде тюремной камеры. Мне продолжать?

Э.Никифоров: Продолжайте.

А.Варченко: Во время сеанса ани... некропортации необходимо следить за физическим состоянием «путешественника». Все изменения его состояния должны фиксироваться медицинскими приборами. Его тело должно находиться под постоянным контролем, так как возможны осложнения и перегрузки. Вплоть до летального исхода.

Э.Никифоров: Возможен ли устный контакт с «путешест-

венником»)?

А.Варченко: Да, возможен. «Путешественник» может принимать голосовой сигнал ассистента через специальный наушник и способен ему отвечать... Правда, в этом случае «путешественнику»

весьма сложно будет продвинуться далеко и полностью перейти границу, так скажем, миров.

Э.Никифоров: Почему?

А.Варченко: Контакт с реальным миром будет сдерживать «путешественника». Его душа не сможет в достаточной степени освободиться. Э.Никифоров: Душа?

А.Варченко: Извините... Одним словом, продвигаться ему будет куда тяжелее.

Э.Никифоров: А не поможет ли в этом случае увеличение дозы препарата?

А.Варченко: До некоторой степени. Однако увеличение дозы строго не рекомендуется, это опасно для жизни «путешественника». Он может... Он может попросту не вернуться.

Э.Никифоров: Какую дозу препарата вы считаете однозначно смертельной?

А.Варченко: Двойную или тройную — в зависимости от веса тела и возраста «путешественника».

Э.Никифоров: Любопытно... Предположим, «путешественнику» немного за пятьдесят, среднего роста, плотного телосложения... Сколько вы весите? А.Варченко: Простите?

Э.Никифоров: Я спрашиваю, каков вес вашего тела.

А.Варченко: Восемьдесят три килограмма.

Э.Никифоров: Ну так вот, предположим, «путешественнику» немного за пятьдесят и он весит восемьдесят три килограмма. Как вы. Какая доза препарата явилась бы для него смертельной?

А.Варченко: Полагаю... Я полагаю... полагаю, две, две с половиной дозы убили бы такого «путешественника».

Э.Никифоров: Хорошо, следующий вопрос... Александр Васильевич,

вы, кажется, нервничаете? Не стоит нервничать, мы все же представители органов правопорядка, а не палачи. Вы что, нас боитесь? Вы полагаете, мы способны причинить вред невинному человеку?

А.Варченко: Нет... Нет, я не... Мне просто немного нехорошо. Я могу попросить стакан воды?

Э.Никифоров: Безусловно. Мы тут не мучаем заключенных, товарищ Варченко... Принесите товарищу Варченко стакан воды... Итак, следующий вопрос. Когда «путешественник» прибывает на место назначения, как ему удастся найти именно интересующих его людей, а не, к примеру, Александра Сергеевича Пушкина?

А.Варченко: Дело в том, что... Еще раз хочу пояснить, что речь идет не о путешествии в прямом смысле, а о путешествии в некотором роде в голове путешественника. По прибытии на место, он встречается с теми, с кем был связан тесными ментальными узами.

Э.Никифоров: Значит ли это, что «путешественник» никогда не сможет встретиться во время своего путешествия с

незнакомцем?

А.Варченко: Мои предварительные опыты показали, что встреча с незнакомцами также возможна.

Э.Никифоров: Вы себе противоречите.

А.Варченко: Я знаю. Это... это феномен, которому я пока еще не нашел научного объяснения.

Э.Никифоров: Думаю, вы понимаете, товарищ Варченко, что все, что вы нам сейчас здесь рассказывали, сильно отдает шарлатанством — или, в лучшем случае, сумасшествием. Насколько нам известно, ваша работа финансировалась Спецотделом. Мы потратили немалые деньги, и нам очень не хотелось бы думать, что впустую. Готовы ли вы доказать свои слова делом?

А.Варченко: Делом?

Э.Никифоров: Товарищ Белов, все ли у нас готово для сеанса некропортации товарища Варченко?

А.Варченко: Но...

Белов Н.А.: Да, все готово.

Э.Никифоров: Товарищ Белов, пригласите свою ассистентку... Товарищ Варченко, у вас ведь тоже раньше был ассистент... Вместе с вами в научной группе долгое время работал Капелевич Матвей Михайлович. Говорят, вы были друзьями.

А.Варченко: Мы просто работали вместе. Мотя... Товарищ Капелевич ни разу не вел со мной антигосударственных разговоров и в моем присутствии не позволял себе никаких критических высказываний в адрес правительства СССР, поэтому я не знал, что он...

Э.Никифоров: Не стоит оправдываться, товарищ Варченко. И отречься от друзей тоже не стоит. Не волнуйтесь, никто сейчас не собирается обвинять вас в пособничестве врагу народа. Сам преступник уже получил свое — высшую меру наказания... А вам мы верим. Верим, Александр Васильевич. Вы ученый, ученые часто бывают рассеянными, они могут и не заметить, что под овечьей шкурой друга скрывается волк... так ведь? А.Варченко: Да... вероятно. Э.Никифоров: Так вы были дружны?

А.Варченко: Мы... да, я считал этого человека своим другом. Но я действительно не подозревал, что он...

Э.Никифоров: Значит, у вас с Капелевичем имела место тесная ментальная связь?

А.Варченко: Полагаю, что... Наверное, да. Можно сказать и так.

Э.Никифоров: В таком случае, непосредственно сейчас мы проведем сеанс некропортации, в ходе которого вы должны будете встретиться с вашим бывшим другом. Вы зададите ему вопрос...

А.Варченко: Но...

Э.Никифоров: Я не закончил. Непосредственно перед расстрелом ваш друг произнес одну фразу. Смысл ее остался нам непонятен... Спросите его, что он сказал перед смертью. Попросите его повторить. Если ваш сеанс некропортации действительно даст результат, если вы действительно вступите в контакт с Капелевичем и он повторит свои слова, — в этом случае вы полностью себя реабилитируете в наших глазах и заслужите наше полнейшее доверие.

А.Варченко: Это невозможное не готов... Товарищ Белов! Что происходит? Скажите им, сделайте что-нибудь!

Э.Никифоров: Не волнуйтесь, товарищ Белов будет постоянно находиться с вами на связи, его ассистентка будет следить, чтобы вы хорошо себя чувствовали... Через вот этот наушник вы будете слышать голос Белова. А мы будем слышать вас через этот вот микрофончик... Лизанька, введите товарищу Варченко одну дозу препарата внутривенно... Спокойно, Александр Васильевич, спокойно, не стоит так нервничать, ваше психологическое состояние может плохо сказаться на вашем самочувствии во время путешествия... Ну, вот видите, как хорошо. Все, все, расслабьтесь, препарат скоро начнет действовать. Товарищ Белов, вы готовы? Попрошу техперсонал проверить всю технику... Хорошо. Так, Варченко уже без сознания. Товарищ ассистентка, что с физическими показателями?

Елизавета Рауле: Пульс несколько замедлен, давление упало, но ничего критичного.

Э.Никифоров: Товарищ Белов... Желаю вам успешно провести этот сеанс. И не сомневайтесь — в случае удачи я позабочусь о том, чтобы интернат открыли и передали в ваше распоряжение в самое ближайшее время. В добрый путь! Приступайте. Белов Н.А.: Товарищ Варченко! Александр Васильевич! Вы меня слышите? Вы можете мне отвечать? Александр Васильевич, постарайтесь мне ответить. Я здесь для того, чтобы с вами ничего не случилось. Доверьтесь мне. Я гарантирую вам безопасность. Попробуйте рассказать, где вы...

Э.Никифоров: Не похоже, чтобы он был способен вам отвечать...

Белов Н.А.: Александр Васильевич, и мне, и вам крайне важно, чтобы этот эксперимент прошел успешно. Тогда вы сможете вернуться к своей работе... Александр Васильевич! Где вы сейчас? Что вы видите?...

Э.Никифоров: Товарищ Белов, кажется, мы просто теряем время.

Белов Н.А.: Товарищ Варченко! Говорите мной! Или ваше изобретение выкинут в мусор, сегодня же!

А.Варченко: Я вижу средневековый замок. Он уже почти достроен. Черепа... везде черепа... Но это еще не Сумеречная Долина... Я не могу продвинуться дальше... Я не вижу границу...

Э.Никифоров: Лиза, введите товарищу Варченко еще половину дозы... Спасибо.

Елизавета Рауле: Давление сильно упало...

А.Варченко: Луна. Очень большая луна. Лед. Я вижу границу. Мне холодно. Мне очень холодно. Я не хочу идти. Позвольте мне вернуться. Стимуляторы... Введите мне стимуляторы. Я хочу вернуться назад.

Белов Н.А.: Александр Васильевич, дорогой, потерпите! Все скоро кончится. Но нам нужно довести эксперимент до конца. От этого зависит ваша судьба — и судьба вашего изобретения.

А.Варченко: Мне очень холодно. Тут везде лед. Я не хочу идти дальше.

Белов Н.А.: Товарищ Варченко! Я прошу вас перейти границу.

Ради науки. Ради прогресса. Ради СССР! А.Варченко: Хорошо.

Белов Н.А.: Александр Васильевич!.. Товарищ Варченко!..

Елизавета Рауле: Пульс тридцать ударов в минуту...

Белов Н.А. Товарищ Варченко, вы меня слышите? Говорите со мной!

А.Варченко: Я... Он... Он уже на той стороне.

Э.Никифоров: Кто «он»? О ком он говорит?

Белов Н.А.: Варченко упоминал, что после окончательного перехода через границу «путешественник», как правило, переживает деперсонификацию. Он смотрит на себя как бы со стороны... Смотрит на путешествие своей души...

Э.Никифоров: Души? Товарищ Белов, я попросил бы вас воздержаться от подобных терминов. Процедура протоколируется.

Белов Н.А.: Извините. Э.Никифоров: Так что у нас там?

Белов Н.А.: Александр Васильевич, что вы видите?

А.Варченко: Он видит равнину... Пустынную равнину, поросшую жухлой травой... На траве иней... какие-то промышленные строения, больничные корпуса в отдалении... Теперь он видит женщину... У нее... У нее из живота торчит нож... Она пытается его вытащить... Падает. Снова встает... Снова тянет за рукоятку... Все, она ушла... Он идет по направлению к больничным корпусам. Он чувствует, что его друг где-то там... Он видит! Он видит своего друга... Но что-то... нет, он больше не видит... Я больше не вижу Матвея, все становится каким-то расплывчатым...

Э.Никифоров: Ассистент, введите товарищу Варченко ему еще половину дозы!.. Спасибо.

Елизавета Рауле: Пульс двадцать ударов в минуту...

А.Варченко: Он снова видит Матвея... Сейчас он задаст ему вопрос... Он задал ему вопрос... Матвей отвечает... Матвей говорит: «Перед смертью я сказал, что девочка из цирка была права»...

Э.Никифоров: Гениально! Потрясающе! Поверить не могу! Нет, ну ей-богу! Капелевич действительно сказал именно это! Поздравляю, товарищ Белов! Считайте, что интернат при Спецотделе уже открыт.

Елизавета Рауле: Давление падает.

Белов Н.А.: Нам нужно его возвращать. Пора вводить стимуляторы.

Э.Никифоров: Нет, рано. Спросите его, что значили слова эти слова. «Девочка из цирка была права»...

Белов Н.А.: Мы можем его потерять!

Э.Никифоров: Несомненно, это была бы большая потеря. И все же спросите товарища Варченко, что имел в виду Капелевич.

Белов Н.А.: Александр Васильевич... Спросите, пожалуйста, вашего друга, что он имел в виду.

А.Варченко: Он не будет спрашивать своего друга. Он и сам знает ответ. За неделю до ареста Матвея он водил его в цирк на Цветном бульваре, чтобы показать, какой самородок он там нашел. Девочка лет десяти... Она просто Кассандра! Она выступала с завязанными глазами. Отвечала на вопросы из зала. Она видела всех насквозь. Она знала их прошлое — и предвидела будущее. Он и Матвей... Когда пришел их черед, они спросили ее, сколько

важных научных открытий совершат еще в своей жизни... Она ответила: «Не надейтесь. Самых талантливых в своих рядах они истребляют».

Э.Никифоров: Лиза, введите товарищу Варченко еще половину дозы. По-моему, он стал говорить как-то путано. Белов Н.А.: Это смертельная доза!

Э.Никифоров: Товарищ Белов. Мне казалось, это вы настаивали на эксперименте. Тогда вы должны были знать, что наука порой требует жертв... Но я надеюсь, что в этом случае все обойдется. Ассистент, вводите препарат в вену... Спасибо.

Елизавета Рауле: Остановка сердца. Он умер.

Э.Никифоров: Нелепая смерть. Какая потеря для советской науки! Товарищ Варченко внес неоценимый вклад... Я просто не могу найти слов. Объявляю минуту молчания, товарищи...».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*«Это не я хитрец. Вот вы так действительно хитрец».
Гипнотизер Вольф Мессинг Иосифу Сталину
«Теорию «полой Земли» Серрано понимает буквально и
считает, что внутри земли существует пространство,
позволяющее протекать полноценной органической жизни. Там
есть свое светило, свои подземные реки, деревья и т.д.*

*Полая Земля — это обитель грядущей расы, которая
представляет собой наиболее чистых в маго— генетическом
смысле «люциферитов», «подземных арийцев».*

Александр Дугин, «Тревожная Вселенная Мигеля Серрано»

1

НИКА

Если от остановки трамвая идти к улице Штайнплаттенвег через парк Платнерсберг по асфальтированной ровной дорожке, то над головой будет большое баварское небо, покрытое фиолетовыми гематомами туч, по левую руку — целый луг одуванчиков, а по правую — несколько очень старых дубов. На установленном на обочине стенде можно прочесть, что три образчика *quercus gobug*, или дуба черешчатого, Произрастают на этом вот месте уже четыреста лет.

У них нет сердцевин — вдоль стволов от корней к кронам тянутся широкие черные щели. А внутри пустота, лишь на самом дне — груды старых подгнивших листьев, улитки и беличьи гнезда. Словно кто-то — патологоанатом-безумец или уставший ведать своей доли в сделке Нечистый — расковырял их тела и выгрыз бессмертную душу. А тела продолжили жить, гонять сок, ткнуть к небу зеленые сочные листья...

видели войны, последняя из которых сожгла их город дотла, они видели всадников с факелами и солдат с автоматами. Они слышали рев самолетов, видели бомбы и хвосты черного дыма, они

слышали гром, они видели сотни сияющих молний... Последнюю из них — только что.

Набухшее небо лопается дождем, как гнойник.

Вероятность того, что за четыре столетия дуб черешчатый так или иначе погибнет в огне, высока. У дуба в тысячу раз больше шансов сгореть, чем, например, у дельфина.

Черноморская афалина — мужская особь — живет всего двадцать пять лет, причем все эти годы проводит в воде, какое у ж тут может быть пламя...

Тем не менее, черешчатые дубы до сих пор стоят в Нюрнбергском парке. А Амиго погиб в севастопольском дельфинарии при пожаре. Из положенных ему двадцати пяти лет он прожил только пять. В восемьдесят раз меньше, чем выпотрошенный *quecus gobur*.

В дельфинариях бывают пожары. Очень редко — но все же. Афалины задыхаются в дыме, и выпрыгивают из воды, и сгорают живьем... И никто в этом не виноват, я готова поверить. Так бывает — как говорится, *shit happens*.

В экспериментальных интернатах для детей-сирот бывают несчастия. Дети-сироты умирают, бывает, все в один день. Умирают естественной смертью — и винить в этом, в сущности, некого. Так бывает, наверное.

Но не бывает и того, и другого.

Закон парных случаев предполагает виновного, если это случаи смерти.

— *Хочу маленький красный мяч. Там, куда хочешь уехать, есть этот мяч?*

— *Да, конечно.*

— *Ты мне его хочешь забрать?*

— *Не забрать, а купить, Амиго.*

— *Ты мне его хочешь купить?*

— *Обязательно. Я куплю тебе такой мяч.*

— *Спасибо, Ника! Спасибо тебя. И спасибо меня.*

Маленький красный мяч я уже купила. Но мне некому его подарить, и я кидаю его прямо в полое дубовое тело — как в тайник. Как в пустую могилу, ждущую своего мертвеца.

Мой красный мяч наверняка найдет какой-нибудь радостный пес. Или ребенок, притаившийся в стволе старого дуба во время игры в прятки...

Черешчатый дуб очень стар. Но если в него не попадет мол-

ниями вполне способен пережить и пса, и ребенка. У него в запасе еще лет пятьдесят—сто.

Как говорится в одном посредственном фильме, «когда ты встречаешь старика, думай не о том, что он скоро умрет, а о том, что он выжил».

Она тоже выжила. Одна из всего отряда. И жива до сих пор. Ей восемьдесят один. Мне повезло: она не сменила фамилию. В телефонном справочнике Нюрнберга есть только одна Nadejda Ruslanova.

Она живет сразу за парком, на улице Штайнплаттенвег. Улица особняков и коттеджей — не похоже, что здесь сможет существовать на государственное пособие даже самая невинная из жертв нацизма...

Ее дом — пряничный домик из сказки, но в сотню раз больше. Черепичная крыша цвета горького шоколада, с карамельными башенками. Стены цвета заварного ванильного крема, резные сахарные окошки, балюстрады, балкончики. Три этажа, молодые елочки и розовый сад, увитая плющом ограда и чугунные решетчатые ворота с львиной мордой и дверным переговорным устройством. Глазок камеры наблюдения выглядывает из плюща самую малость — так, чтобы подошедшему достаточно близко было заметно, что камера все-таки есть, но и так, чтобы он понимал, что хозяева достаточно либеральны и не выставляют ее напоказ.

Нажимаю на домофонную кнопку и жду, глядя в плющ с выражением глубочайшего уважения. Ждать приходится долго.

— Йа-а? Вер ист да? Ви кан ихь хельфен? — Голос из переговорного устройства звучит чуть надтреснуто, но дружелюбно, с явственным восточноевропейским акцентом.

— Надежда Олеговна? — Я приветливо улыбаюсь плющу.

— Кто это? — дружелюбие улетучивается. — Если снова из магазина матрешек, я уже говорила, что мне совершенно не интересен этот проект.

— Дело в том, что...

— Изделия из березовой коры и мукосолы меня также не интересуют.

— Меня зовут Вероника Данилова...

— Вероника, милая. Я не собираюсь инвестировать ни одного евроцента.

Вот эта?! Эта Надежда Русланова прошла войну, была специальным агентом, получила ранения, награждена орденами?..

— ...Ни евроцента, понятно? Так и передайте вашим хозяевам.

— У меня нет хозяев. И я не из магазина матрешек.

— А... Киндер кирхе кюхе? Православное агентство по домашнему персоналу? — Ее голос снова теплеет.

— Нет. Я не собираюсь мыть у вас пол. Меня зовут Вероника Данилова. Я корреспондент студенческой газеты «Русская дружба», — я говорю очень быстро. — Дело в том, что наша газета готовит большой материал, посвященный Второй мировой войне, — чем быстрее я скажу свою ложь, тем быстрее отпустит. — Мы хотели бы сделать с вами небольшое интервью... — если дышать животом, тогда боль терпеть легче, — как с ветераном войны и героиней... героиней пионерской организации...

— Да-да, — отвечает она почти ласково. — Да-да, понимаю. Это очень важная тема. Хорошо, что молодежь до сих пор интересуется историей...

— Может быть, вы откроете? Чтобы не разговаривать через дверь? На улице дождь.

— ...своей великой страны. Но это еще и очень тяжелая тема. Больная тема. Особенно для меня. Для таких, как я. Мы через многое прошли и... Одним словом, я никогда не даю интервью на эти тяжелые темы. Это слишком личное — вы меня понимаете? Уверена, понимаете. Это личное, это не повод для спекуляций и — как это сейчас говорят? — пиара... Извините, что вам пришлось зря потратить на меня свое время.

— Возможно, вас все же заинтересует наш информационный повод...

— Вероника, милая, вы слишком навязчивы. Это ценное качество для журналиста, но извините. Никаких интервью.

— Я хотела сказать, что...

— Вам лучше уйти, милочка...

Мне нравится, когда говорят «милочка». Уютное стародачное слово; яблоневый сад, чай с вареньем и подсохшими сушками...

— ...Иначе я вызову полицай, ясно?

— Ясно. Премьера мультфильма «Первый отряд», — говорю я. — Слышали про

него что-нибудь?

— Нет.

Она врёт, но даже острее, чем ложь, я чувствую ее страх. Он буквально сочится из переговорного устройства вместе с ее надтреснутым голосом.

— ...Тогда поясню. Время действия — 1942-й. Первый отряд, состоящий из специально обученных подростков, участвует в оккультной борьбе с нацистами из общества «Аненербе». Главная героиня — девочка по имени Надя Русланова. Даже если это простое совпадение, нам все равно было бы безумно интересно поговорить о реалиях того...

— Заходите в дом.

В чугунной двери что-то щелкает, она гудит, дрожит и стрекочет, как будто собирается сорваться с петель и принять участие в гонках.

Я дергаю за кольцо, торчащее в носу льва, и дверь умолкает и сама отворяется. Точно в сказке.

Ее цвета тоже кондитерские. Печеное яблоко и вчерашняя сдоба — кожа лица и рук восьмидесятилетней женщины, знающей толк в соляриях или морских курортах. Кофе-латте и розочки «заварной крем» — ее льняное длинное платье с вышивкой на подоле.

Ее волосы — белоснежный пломбир. Высокая прическа а-ля директриса языковой школы, без всякой там малодушной мимики под рыжий, бурый, сиреневый... Дстойная седина.

Ее глаза — сияющая глазурь. Большие, оленьи, таких не может быть у старухи, к которой приходят продавцы мукосолов и православные горничные. Такие могут быть только у невинной жертвы фашизма.

— Меня можно называть просто Ника, — говорю я невинной жертве.

— А меня можно называть просто Надежда. Надежда Русланова, — она протягивает мне руку. — Не люблю церемоний.

Я жму ее сдобную руку. Мне больно. Что-то не так.

Эмпирическим путем установлено, что при личной встрече люди врут реже, чем при телефонной беседе, если же встреча происходит в их собственном доме, люди врут менее охотно, чем, например, в парке или на остановке трамвая. Таким образом, теплая домашняя обстановка — самая комфортная для меня среда. Как правило. Но не в этот раз.

Она еще толком ничего не сказала, а уже врёт. Весь дом, весь ее пряничный домик пропитан враньем, как ядовитым усилителем вкуса. Врет табличка с фамилией и инициалами возле входа, врут лампы дневного света, притаившиеся за деревянными

перекрытиями потолка, врут фотографии, развешанные вдоль стен, врет камин, притворяющийся, что ему на двести лет больше, чем есть, врет орден Отечественной войны первой степени, насаженный под стеклом на булавку, как сушеная коллекционная бабочка.

— Чаю?

— Спасибо, да.

Она укоризненно удаляется вглубь своего сказочного жилища, наполненного естественным дневным светом даже в грозу. По дому она расхаживает босиком: дощатый пол выстлан мохнатыми цветными циновками.

Чай сближает. Как ни странно, чай в этом смысле — родной брат водки. За чаем врать не пристало — но это только если имеется в виду чай в его кухонно-интеллигентском, или хотя бы чеховском, смысле.

Чай как ритуал обычно предполагает наличие не менее чем двух компонентов. Для чая нужен собственно чай, то есть высушенные листья чайного куста, и «что-то к чаю» — на худой конец, просто сахар.

На подносе, с которым возвращается Надежда Русланова, оба необходимых компонента отсутствуют. Есть только кипяток в чашках и два чайных пакетика, наполненных буровой, лишенной запаха взвесью.

— Сахара в доме нет, — сообщает она с гордостью человека, который предусмотрительно уничтожил все пищевые припасы, зная, что оккупанты вот-вот войдут в родное село.

Наверное, она перехватывает мой разочарованный взгляд.

— А может, вы голодны?

Не дожидаясь ответа, она снова бесшумно исчезает в недрах своего высокоэкологичного дома.

Есть не хочется, и все же ее угощение может дать хорошую фору. Проверено: человек, который кормит тебя, старается тебя не обманывать, пока ты не дожнешь до конца. Это что-то интуитивно-аграрное; подсознательная брезгливость работника свинофермы, кодекс чести Бабы Яги — сначала накорми и помой, потом усыпи и зарежь.

...То, что приносит хозяйка и ставит передо мной на прозрачный, со стеклянной столешницей, стол, больше напоминает снотворное, чем еду. Пузырек с большими красными капсулами. На этикетке изображен рыцарь в доспехах.

— Риттер-ягд, — говорит она, вытряхивая на ладонь капсулу. — Одна капсула заменяет завтрак, обед и ужин.

— Спасибо, но в этом смысле мне больше нравятся чипсы.

— Вы меня обижаете, — говорит она таким тоном, будто запекла целого поросенка специально в мою честь, а я теперь заявляю, что решила стать вегетарианкой. — Вы обязательно должны это попробовать.

Красная капсула выглядит как пластмассовая пулька для игрушечного пистолета. Мне не хочется, чтобы она оказалась в моем животе. Но еще мне не хочется отвлекаться, и я говорю:

— Ладно, давайте.

Я говорю:

— Кажется, я не дорассказала вам про «Первый отряд». Так вот, девочка по имени Надя Русланова должна помочь Шестому отделу победить барона фон Вольфа. Он, понимаете, давно умер, но «Аненербе» нашло способ использовать его в борьбе против русских. Поэтому Надя отправляется в царство мертвых, чтобы попросить о помощи своих погибших друзей, которых зовут...

— Я смотрела этот мультфильм.

Вот теперь она говорит правду.

— Правда? И как он вам?

— Красиво сделан. Но слабо придуман. Хромает в драматургическом плане. Сюжетная конструкция не доработана. Персонажи плохо раскрыты.

А она придирчивый зритель...

— ...В хорошем искусстве не должно быть героев и негодяев, в нем, как и в жизни, все гораздо сложнее. А в этом «Первом отряде» персонажи все плоские, однозначные. Я бы сказала — нежизненные. Отсюда фальшь. А я не терплю фальши...

Она не терпит фальши. Пчелы против мед а, как любил шутить Рыжий. Забавный факт: она говорит искренне.

— ...Но главный минус... Главный минус этой картины в другом. Она непочтительна. Такой легкий жанр недопустим, когда дело касается Второй мировой. Какие-то оккультные бредни... Какие-то воскресшие пионеры... Какая может быть мистика, если мы говорим о реальной войне, с ее реальной кровью и болью?! Священная война — не повод для спекуляций и шуток. И кроме того — все это рисовали японцы. Да вы хоть знаете, милочка, на чьей стороне воевали японцы?.. Непочтительность. Чудовищная непочтительность к нам, ветеранам.

— Но... лично к вам непочтительности вроде бы нет? Вас вывели в весьма положительной роли...

— Меня? Милочка моя, я здесь ни при чем. Случайное совпадение имен, не стоит обманываться на этот счет.

Обманываться не стоит. Да я и не умею обманываться. Зато я умею терпеть. Терпеть и не подавать виду...

— Ника, милая! С вами все хорошо?

Обожаю этот вопрос. В американских фильмах его задают неподвижно сидящим спиной к камере трупам, полицейским с шестью пулями в животе или безнадежным больным с покрытым испариной лбом.

В рамках этой классификации я отношусь скорее к последним. За восемнадцать лет я научилась терпеть свою боль. Если за миг до удара расслабить мышцы, тогда не так больно. Я научилась предчувствовать боль. Я знаю, когда ее ждать. Я знаю правила боя.

Но ее вранье — это бои без правил. Каждый удар каким-то образом наносится с удвоенной силой. И как после сильного удара в живот чувствуешь вкус железа во рту — так я чувствую вкус ее лжи. Ее ложь — точно азиатский деликатес. Перегнившая, скользкая, вязкая, с запахом щелочи. Как утиные «черные яйца», пролежавшие в соли и извести шестьдесят дней.

— ...С вами все хорошо, милочка?

— Я в порядке, — так, кажется, принято отвечать на это вопрос, если ты еще можешь ответить.

— Вы неважно выглядите.

— У меня критические дни. А вы врете. Совпадение имен не случайно. Я читала ваше личное дело.

— Мое?..

— Ваше. Вы же Надежда Русланова?

— Да... — отвечает она как-то рассеянно. И опять врет.

И тогда я понимаю, в чем дело. Откуда эта черная гниль. Двойная неправда во всем, что она говорит.

Она фальшивка, подменыш.

И ей очень страшно.

— Кто ты? — спрашивает она меня. — Где ты взяла мое дело?

— А вы кто?

Невежливо отвечать вопросом на вопрос, но иногда вежливый вариант просто не приходит на ум.

— В каком смысле? — ее удивление почти искренне.

— Вы не Надежда Русланова.

На какие-то пару секунд на ее лице появляется выражение... облегчения, что ли. Выражение человека, которому снился кошмар и которого разбудили. Потом оно пропадает, снова сменившись страхом. Как будто она поняла, что будивший — персонаж все того же сна.

— И кто я, по-твоему?

— Я не знаю.

И вновь облегчение. Она прощупала почву, и ей понравился результат. Свежайшая глина. Такая мягкая — лепи все, что хочешь. Она тут же лепит:

— С чего ты взяла, что я не Надежда Русланова? А-а, кажется, я понимаю! Ты думаешь, что я — не она, потому что мне вроде бы не известны события, происходящие в этом дурацком мультфильме...

В вопросах этикета я бываю порой весьма щепетильна. Возможно, это связано с тем, что я провела детство пусть и в хорошем, но все же в казенном доме. От тех, кто растит тебя в этом доме, ты никогда не добьешься любви. И потому каждая кроха их уважения — ценность. Мне восемнадцать. Теоретически это дает пожилым людям право обращаться ко мне на «ты». Практически же я не люблю, когда мне тыкают незнакомые люди. И мне не важно, сколько лет они до этого прожили.

При иных обстоятельствах я бы попросила ее незамедлительно заменить «ты» на «вы». Но сейчас меня куда больше волнуют другие местоимения.

Как следователю-криминалисту, опирающемуся в запутанном деле исключительно на интуицию и идущему по следу вслепую, приятно обнаружить реальные отпечатки пальцев убийцы в квартире убитого, так и мне всегда чертовски приятно обнаруживать в речи лжеца формальные индикаторы лжи. Основывать свое мнение не на спазмах в районе желудка, а на зримых уликах, как это делают все остальные.

— ...что я — это не она.

— Прости, милочка?

— Вы сказали: «ты думаешь, что я — не она».

— Ну да, ты решила так, потому что...

— Если бы вы приняли меня за другую, я бы сказала: «Вы думаете, что я — это не я». В моей речи не было бы дистанции между той, кем вы меня не считаете, и той, кем я на самом деле являюсь. А вы говорите так, будто вы и она — два разных человека...

— Шестьдесят три, — говорит она.

-Что?

— Шестьдесят три года я живу в этой стране. Здесь говорят по-немецки. Мой муж говорит по-немецки. Не кажется ли вам закономерным, уважаемая корреспондент, что я делаю в моем русском некоторые небольшие ошибки?

Она невозмутима. Она немного утомлена. Но в этот момент я вижу, как напряжены ее руки. Наверняка она когда-то неплохо играла в теннис. Отбив мой мяч, она рефлекторно сжимает невидимую ракетку.

Улика недействительна, господин следователь. У подозреваемого есть железное алиби.

Но от следователя с развитой интуицией я выгодно отличаюсь тем, что не нуждаюсь в стопроцентных уликах. Завести дело и выдвинуть обвинение я могу и без них. Это дается мне дорого. Но этого у меня не отнять.

Она говорит, а я слушаю.

Слушаю, как она месит правду и ложь.

— Хорошо, — говорит она. — В мультфильме многое — правда.

— Был Первый отряд, — говорит она, — и был этот чертов отдел. Он назывался Специальным. Мои товарищи... Леня, Зина, Марат и Валя... да, их убили. А я осталась одна.

— Некропортал, — говорит она. — У Спецотдела была эта штука. Они отправили меня на ту сторону. Туда, где мертвые. Да, я там была.

— Эти шпионы, — почти шепчет она. — Кто они такие, Миша Шприц, Леша Климов? Они не сценаристы, они шпионы, иначе как бы они узнали военную тайну...

Она говорит:

— Военная тайна. Поэтому я все отрицаю.

Она говорит:

— Все совершенно секретно. Поэтому я не в праве давать интервью.

Она говорит:

— Эта такая тяжелая тема. Не бреди мои раны.

Она говорит:

— Лучше скажи, кто тебе дал мое дело?..

...Она говорит, говорит. Она врет, и это дается мне дорого.
Слишком много вранья. Так много, что я перестаю его слышать.
Так много, что мне трудно дышать. Так много, что я уже не
чувствую боли.

Я в невесомости. Я ничего не слышу, не вижу, не обоняю.

Я исчезаю.

Но перед этим успеваю сказать ей:

— Вы — не она.

2

ОБОРОТЕНЬ — ОХОТНИКУ

Очередной отчет

Произведена серия контактов со следующими объектами:
Михаил Шприц и Алексей Климов — авторы сценария и
продюсеры м/ф «Первый отряд» (предположительно: послания).
Контакты производились в Москве и Мюнхене.

— Михаил Шприц: 1972 г .р., рост 174 см , вес 65 кг , проживает в Москве.
Волосы короткие, темные; цвет глаз — темно-карий; носогубный треугольник ярко выражен;
форма черепа — долихоцефал. Тип внешности: ярко выраженный семитский (сефард).

— Алексей Климов: 1973 г .р., рост 183 см , вес 80 кг, проживает в Мюнхене.
Волосистой покров на голове отсутствует; цвет глаз — синий; форма черепа — долихоцефал.
Тип внешности — сглаженный семитский с некоторой долей славянских черт.

Оба объекта социализированы, адекватны,
экстравертированы, уровень интеллекта в норме. Легенда
«журналист берет интервью» сомнений не вызвала. Уровень
доверия к интервьюеру в обоих случаях средний.

Первоначальный скрытый устный тест не показал признаков
осведомленности ни одного из объектов в интересующих нас

областях. Оба объекта утверждают, что сюжет «Первого отряда» придуман ими самостоятельно, без участия третьих лиц, авторские права защищены.

Выбор формы — мультфильм анимэ — оба объекта объясняют культурными и эстетическими параллелями между советской мифологией (пионер-герой как тоталитарный канон) и политеизмом, свойственным японской синтоистской культуре (пинер-герой как тотемный божок).

Просьбу назвать имена инвесторов оба объекта решительно отклонили (Алексей Климов — без объяснения причин, Михаил Шприц объяснил отказ нежеланием инвесторов демонстрировать свою причастность к проекту).

На ближайшие дни с целью выяснения истинной степени осведомленности объектов, а также с целью установления личности инвестора/инвесторов запланирован открытый устный тест с применением психоактивных веществ.

Для теста будет применен тиопентал натрия (смесь натриевой соли 5-(1-метилбутил)-5-этил-2-тиобарбитуровой кислоты с безводным натрием карбонатом) в сочетании с N, N-диэтиламидом лизергиновой кислоты внутривенно.

3

НИКА

...Наволочка и простыни пахнут лавандой. Из окна запах роз и хвои. Рай на земле.

Но очень тонкие стены.

Из соседней комнаты до меня доносится ее голос. Ее немецкий. С восточноевропейским акцентом.

— Она проспит еще часа три-четыре, не меньше. Я дала ей снотворное. У нас есть время все обсудить.

Родители всегда объясняют ребенку, что нельзя брать у посторонних людей шоколадки, сосалки, жвачки, витаминки, таблетки... Родителей у меня не было, но в интернате работали толковые учителя. Они тоже нам все объясняли. Так что я знаю: не стоит класть в рот продолговатые красные капсулы, похожие на пульки для игрушечного пистолета. А если все же пришлось — есть масса способов незаметно от них избавиться. Самый простой — аккуратно выплюнуть в бумажную салфетку, сморкаясь.

— Кто она? — сварливый мужской тенор. Без акцента.

Сильная боль может привести к потере сознания.

— Говорит, журналистка из молодежной газеты.

Я раньше не падала в обморок, но у нас в интернате был углубленный курс ОБЖ. Так что я знаю, что такой обморок редко длится дольше минуты. За эту минуту она успела сделать телефонный звонок. И звонила она явно не в «скорую».

— Ты звонила, чтобы я приехал взглянуть на журналистку из молодежной газеты?! Принявшую здесь снотворное? Это что, начало старческого маразма?

Когда она волокла меня в спальню, я уже была в полном сознании. Но порой так приятно расслабиться и не открывать глаз. Особенно когда рядом с тобой очень добрая женщина. Особенно когда эта женщина думает, что ты крепко спишь.

Особенно когда это дает тебе преимущество.

— Клаус...

Это дает тебе возможность с толком провести время в ее скромной, почти девичьей спальне. Слушая разговор за стеной и любуясь фотографиями на стене.

— Клаус, она что-то знает.

Фотографий две. Черно-белая и цветная. На цветной она в саду среди роз. Рядом с ней — мужчина с очень прямой спиной и волосами цвета въевшейся ржавчины. Он обнимает ее за плечи — нежно, достойно. Он годится ей если не в сыновья, то в племянники. Это ее муж Клаус Йегер, депутат парламента Баварии, президент компании «Риттер Ягд». Я уже видела его фото в Интернете и на рекламных билбордах. На них он либо в дорогом пиджаке, либо в рыцарских латах. «Одна капсула в день заменит тебе завтрак, обед и ужин!». «Освободи себе время для подвигов!»...

— Что она знает?

...Риттер-ягд. Рыцарская охота.

— Она знает, что я — не Надежда.

...Надьежда нихт. Она услужливо коверкает имя на немецкий манер.

— Она знает, кто ты?

— Кажется, нет.

— Когда кажется, пора креститься. У русских много смешных поговорок, не правда ли, дорогая?

...Черно-белая фотография очень старая. Групповой портрет — пять подростков в выцветших пионерских галстуках. Фотографию явно сложили когда-то вдвое, потом снова разгладили. Вертикальный шрам сгиба перечеркивает лицо девочки в центре кривой серой линией.

Внизу подпись:

«Исправительный интернат им.Сванидзе, 21 марта 1941 года.

Марат Козлов, Леня Голышев (слева), Надя Русланова (в центре), Зина Ткачева, Валя Котин (справа). В день приема Нади Руслановой в военно-разведывательный пионерский отряд №1».

— ...Откуда у девчонки информация о том, что ты — не она?

— Не знаю, но... Мне кажется, она просто чувствует.

В ее спальне минимум мебели: кровать, комод, тумбочка. Я отнюдь не любитель копаться в нижнем белье восьмидесятилетних старух — но порой приходится плюнуть на брезгливость и этику.

У каждого человека, за исключением разве что новорожденных, бомжей и представителей диких африканских племен, всегда имеется хотя бы одно письменное доказательство того, что он действительно существует. Шансы на то, что хозяйка дома хранит свои доказательства именно в спальне, а не, скажем, в ящике какого-нибудь письменного стола, невелики. Но, коль скоро эта спальня — единственное «вверенное» мне помещение, в ней я по возможности тихо и тщательно обследую все.

— Похоже, у тебя и вправду маразм. Или, может, Альцгеймер, — говорит Клаус Йегер своей нежно любимой супруге там, за стеной. — Информацию нельзя «просто чувствовать». Информацию можно только добыть.

Я нахожу папку под грудой застиранных хлопчатобумажных трусов. В ней сразу несколько доказательств существования их обладательницы, одно убедительнее другого...

— Я знала одного человека, — говорит она по ту сторону стены, — умевшего чувствовать истину.

...Свидетельство о рождении (Русланова Н.О., 1928 г.р., Мурманск).

...Свидетельство о браке с господином Клаусом Йегером (1954 г.). Пятьдесят пять лет вместе, это так трогательно.

— Да-да, я слышал эту легенду. Моменты истины. Помню. А знаешь, милая, я вот подумал: возможно, у тебя не болезнь Альцгеймера, а просто депрессия? На фоне возраста и одиночества. К тебе ведь редко кто-то заходит... Одна в таком большом доме, бедняжка. Это для тебя испытание...

...Страховой медицинский полис; свое здоровье она ценит дорого, страховая сумма — пятьсот тысяч евро.

...Ксерокопия заявления в Социаламт о добровольном отказе от получения социальной пенсии в рамках Программы Содействия жертвам фашизма («...в связи с достаточным уровнем материального обеспечения... причитающуюся мне сумму прошу перечислять на счета детских домов или любых других нуждающихся на ваше усмотрение»). Совесть?..

— Чего хочет девчонка?

— Я думаю... Она хочет истины.

...Подлинник отказа из Социаламта («...Уважаемая фрау... Ваш вклад в дело мира... благородство и щедрость... вне нашей компетенции... мы не вправе... вы вправе... причитающейся вам суммой на ваше усмотрение...»).

— Ты слишком много думаешь, дорогая. Большая нагрузка на мозг. Ты не думай. Ты просто возьми и выясни, чего она хочет, что знает и кто ее к тебе подослал. Задача ясна?

...Квитанция двухлетней давности о благотворительном денежном переводе на счет интерната для детей-сирот. Круглая сумма. Доброе дело. Но мне не нравится эта квитанция.

— Да, Клаус.

...Я уважаю благотворительность почти во всех ее проявлениях. Но с некоторых пор я не люблю совпадения. Интернат, на счет которого были переведены ее деньги, называется «Надежда» и находится в Севастополе, Украина.

Вернее — находился.

— Это хорошо, что ты до сих пор такая понятливая, дорогая. Потому что иначе тебе, вероятно, придется переехать в дом напротив. Ты ведь не хочешь туда переехать, да, милая?

— Пожалуй, для меня это уже не имеет большого значения.

...Дом напротив? Я что-то теряю нить их беседы. Зато нахожу еще кое-что интересное здесь, в папке, под всеми бумагами.

— Ты даже представить себе не можешь, — говорит Клаус Йегер там, за стеной, — насколько интересны некоторые из экспериментальных программ, запущенных нашей компанией. Я могу позаботиться о том, чтобы моя жена удостоилась чести стать волонтером. Однажды...

...Это тетрадь. Очень старая школьная тетрадь, основательно обгоревшая по краям и внутри, но несколько записей, вроде бы, сохранилось. На обложке круглым красивым почерком написано: «Надя Русланова». И в следующей строчке: «дневник».

Хороший повар пробует пищу на вкус в процессе приготовления. Иначе можно пересолить или испортить блюдо едкой приправой.

Я пробую правду на вкус. Иначе можно упустить что-то важное.

— Это дневник, написанный Надей Руслановой, — говорю я тихо и вслушиваюсь в себя. Ничего. Я не чувствую ничего — а значит, в моих словах нет вранья.

Я прячу тетрадь за пазуху и вылезаю в окно.
Я слышу, как там, в соседнем окне, она говорит ему:

— Однажды я могу почувствовать счастье.

Чтобы выйти обратно на Штайнплаттенвег, нужно нажать на кнопку с внутренней стороны чугунных ворот — дверь и откроется. В этот момент они услышат, что я выхожу, — но будет уже слишком поздно.

По ту сторону ворот я теряю несколько секунд на том, чтобы остановиться, развернуться лицом к дому и показать маленькому круглому глазу, выглядывающему из плюща, средний палец правой руки.

После этого я бегу мимо увитой плющом ограды, я бегу по Штайнплаттенвег, я сворачиваю на асфальтированную дорожку, ведущую через парк Платнерсберг. Я пробегаю дубы черешчатые и целый луг одуванчиков, я бегу так быстро, как только могу, но на противоположной стороне парка я трачу еще несколько минут на то, чтобы рассмотреть скрытое за деревьями длинное двухэтажное здание. Его первый этаж — темно-коричневый, а второй белый, и с белыми занавесками на многочисленных окнах. Это здание невозможно увидеть из окон пряничного домика «Надежды Руслановой», но если протянуть от окон пряничного домика к окнам с белыми занавесками через целый луг одуванчиков невидимые бельевые веревки, то получится, что эти здания находятся аккурат напротив друг друга.

Так что я подбегаю к центральному входу загадочного «дома напротив» и читаю то, что написано на прибитой к стене табличке. Разгадка разочаровывает: это частный дом престарелых.

На улице никого. Все белые занавески задернуты. Дом кажется необитаемым — впрочем, на первом этаже открыто одно окно. У окна неподвижно стоит старуха в черном вязаном платье. Длинная седая коса кокетливо свисает с плеча. У старухи слепые глаза — неподвижные, цвета плесени. Она смотрит на меня, сквозь меня — очень пристально, как умеют смотреть только мертвые. Или те, кто готовятся ими стать.

4

НИКА

Моя гостиница Deutscher Kaiser — помпезное здание с колоннами и барельефами. В каминном зале с канделябрами, дубовыми креслами и ангелами в позолоченных рамах три жидкокристаллических монитора смотрятся слегка по-плебейски. Мне, в сущности, некому писать — но сам факт наличия в этом средневековом интерьере белоснежного кабеля, стыдливо заправленного под бархатный красный ковер, на секунду почти заставляет поверить, что высокоскоростное соединение с чистилищем для местной сети — не проблема.

<http://community.livejournal.com/paparazzi>
«Сообщество журналистов и иже с ними» Post to this

Community

Тема : Нужен хелп

Друзья! Поделитесь, плиз, контактами Миши Шприца/Леши Климова, у кого есть. Заказали статью про мультфильм «Первый отряд» плюс просят сделать короткое интервью с авторами, никак не найду концов, дело срочное.

Спасибо заранее, N.

Я не успеваю даже дочитать новости («Правительство Украины обязано незамедлительно разобраться в причинах трагедии в севастопольском интернате «Надежда». Это просто вопрос чести», — заявил премьер-министр РФ на открытой пресс-конференции...). Комментарий с ответом появляется почти что мгновенно:

«Кинула контакты вам в почту. Но шансов мало. Они в последнее время всех посылают. Мария Г.».

Я пишу «спасибо огромное» доброй Марии Г. Больше писать мне некому.

Но очень уж хочется.

Поэтому в графе «кому» я вбиваю единственный адрес, который приходит на ум: rodbelsky33@gmail.com.

В графе «тема» вбиваю: Отчет о проделанном.

А в теле письма пишу:

«Привет! Как там тебе в аду, папа? У меня все отлично. За исключением нескольких мелочей. Твоя шутка с университетом в Берлине была не смешная. Твою карточку Visa принимают не все банкоматы. Я виделась со старухой, которая в твоих дурацких бумажках зовется Надеждой Руслановой. Это не она. В твоём спецотделе работали идиоты.

Еще одна новость — я теперь стала женщиной. Переспала с одним немцем. Красивый, почти как ангел. Но оказался полным дерьмом. Хотя в его квартире так чисто... Короче, он меня бросил.

Как и вы все.

Амиго умер. Теперь у меня никого больше нет, папа.

Передавай привет Цыганке, Рыжему, Клоуну, Жирной, Немому. Скажи им — я во всем разберусь. Я узнаю, кто виноват. Я сделаю все, что надо. Скажи им, что я скучаю, но пусть они оставят меня в покое. Я не хочу видеть их каждую ночь. Я не могу. Мне страшно, когда они приходят ко мне такие... И ты тоже не приходи.

А если ты встретишь Амиго, скажи ему... Впрочем, Амиго ты вряд ли встретишь. Амиго в раю. Людей туда, думаю, не пускают.

До свидания, папа. Пусть земля тебе будет пухом. Агент М».

Отправить. Отправлено. Выйти из почты. Выйти из каминного зала.

Взять ключи от номера и поспать хотя бы час-полтора. Без снов.

Вместе с ключами коренастый индус на ресепшене протягивает мне букет белых роз.

— Просили вам передать.

— Кто просил?

— Мужчина, — лицо индуса слегка лоснится.

— А как он выглядел?

— Высокий. Белый. Очень белые волосы. — Он выразительно проводит короткой лапкой по своим угольно-сальным прядям. В его глазах — тоска по снежным шапкам Тибета.

В букете записка. В записке слово «Прости».

5

НИКА

...Я ставлю розы в графин и наблюдаю, как вода постепенно темнеет. Она должна стать черной, эта вода. Только тогда почернеют цветки.

Я смотрю, как они падают со своих стеблей, один за другим, на дубовый стол, с мягким и влажным шмяком. Цыганка берет в руки нитку, на мой взгляд слишком тонкую. Но она не видит, она теперь плохо видит, а спорить с ней бесполезно.

— Сделай венок, — говорит она. — Мне нужен венок на волосы. Я вдену нитку в иголку, а ты нанизаешь цветы.

Она пытается вдеть нитку в ушко — но все время промахивается. Она теперь плохо видит. И я не могу ей помочь.

— Мне что-то попало в глаз, — ноет Цыганка, капризно, как трехлетняя девочка. Вытащи мне-е-е...

В ее глазу — птичье перо. Такое, какими набивают подушки. Я не могу его вытащить. Я боюсь сделать ей еще хуже.

Я вдеваю нитку в иголку и нанизываю цветки, один за другим. Цыганка идет на балкон, и я говорю ей:

— Лена, нельзя, там луна.

Луна слишком близко. До нее можно дотянуться рукой, стоя на нашем балконе. Она пористая и рыхлая, как шляпка гриба, и если ее тронуть умрешь.

Цыганка смеется. Она втыкает в луну иголку, и из дырочки сочится густая желтая влага.

— Нельзя прикасаться! — кричу я, но получается тихо, потому что луна не пропускает никаких земных звуков.

Цыганка поворачивается ко мне лицом. Это уже не она.

Это старуха. На ней черное длинное платье. Ее глаза не мигают, и они такого же цвета, как эта луна. Она смотрит на меня, сквозь меня — очень пристально, как умеют смотреть только мертвые.

Она идет на меня.

Она говорит:

— Помоги нам.

Ее голос похож на стон издыхающей птицы.

— Я стану ангелом, — говорит она.

У нее на пальцах длинные желтые когти.

Она идет на меня.

Она говорит:

— Ты должна войти в Полую Землю.

Она говорит:

— Почему же ты до сих пор не сплела венки?

Я пытаюсь нанизывать розы, но они рассыпаются. Они крошатся прямо в руках. А она подходит все ближе.

— У тебя внутри живет кое-кто, — говорит старуха. — Цып-цып-цып...Цып-цып-цып-цып-цып-цып...

Мои сны очень вязкие. Из них трудно выбраться. Даже когда я понимаю, что сплю, не могу сразу проснуться. Но у меня есть один способ. Если разглядеть что-то, что есть и здесь, и там, нащупать в текучей и мутной сонной взвеси острый край настоящего, найти какую-то знакомую, реальную мелочь, — тогда можно за нее уцепиться, как за конец свисающего в пустоту троса, взяться крепко и выбраться — из самого глубокого сна...

Я хватаю в руки записку. В ней написано слово «прости».

— Я прощаю, — говорю я и сжимаю записку. — Я прощаю! Правда прощаю!

Я прощаю. Я хватаюсь за трос...

...Гостиничная кровать огромная — при желании на ней бы могли уместиться человек шесть. Я почему-то лежу на самом краю. Как будто остальные пять мест кем-то заняты и я не хочу тревожить их сон.

В руке я сжимаю записку. Ту самую. Я с ней заснула.

Когда звонит телефон, я заранее знаю, кто это, хотя номер мне неизвестен.

— Я внизу, в кафе, — говорит Эрвин. — Столик под синим зонтиком, у самого выхода из гостиницы. Ты не хочешь ко мне спуститься?

— Не знаю.

— Прости меня.

— Хорошо.

— Правда?

— Правда.

...Чтобы тросы работали, обещания надо держать.

6

ОБОРОТЕНЬ

Старухе девяносто шесть лет. Она слепая. Она наказана Полой Землей. Она не может сомкнуть свои веки.

Она уже не вполне человек.

Или, может быть, она просто сходит с ума. Она говорит, что постепенно превращается в демона. В суккуба. Или в ведьму, в кого-то наподобие Мары.

Она больше не может ничего есть и пить. Только свежее молоко. «Мара тоже пьет молоко, — говорит Старуха. — Парное. Прямо из вымени. После этого вымя кровоточит несколько дней...» Старуха выпивает три или четыре стакана за день. Ее рот почти всегда в молоке, как у высохшего седого младенца.

Она все лучше умеет находить входы в чужие сны.

Она говорит, для этого нужно заснуть и отпустить свою душу. Душа должна найти спящего, прильнуть к его голове и уловить ритм сна. Сон — как пульсация. Как мельничный жернов. Как швейная машинка. Как оживленная трасса. Не вовремя сунешься — и тебя перемелет. Успеешь проскочить в пустоту между жерновами, между колесами, между острыми иглами, в мгновение тишины, в момент вечности — и душа войдет в чужой сон безнаказанно. И сможет натворить там все, что угодно. Например, убить спящего. Он вряд ли станет сопротивляться...

Она говорит, в первый раз им удалось это в марте сорок четвертого. Они сделали это вдвоем, Эльза и Грета. Их жертвой был какой-то монах. Они пробрались в его сон и задушили его.

Он не проснулся. Ночное апноэ. Обычно бывает у новорожденных, но у пожилых людей тоже случается.

7

НИКА

Дождь кончился, но небо все равно плотное и отечное, точно укушенное огромным заоблачным слепнем. Под этим небом трудно дышать, а кожа сразу же покрывается теплой испариной. На лбу

официантки, которая приносит мохито, блестят капельки пота. И апельсиновая блузка у нее под мышками темно-ржавая.

Я чувствую, что моя майка сейчас тоже намокнет.

Мы все, официанты и посетители, сочимся липкой пахучей влагой, как полопавшиеся на жаре фрукты.

Он один не потеет. Не знаю, как ему это удастся, но вид у него такой, будто ему слегка зябко.

Возможно, это потому, что он смотрит на лед. В его стакане много мелких кубиков льда — крошечные медузы, умирающие среди мятных водорослей. Они медленно тают и едва заметно подрагивают.

Он не пьет, он просто следит, как они исчезают.

И говорит как будто не мне, а им:

— Я соскучился по тебе.

Это правда. Хотя мне в нее сложно поверить.

— Что ты делаешь в Нюрнберге, Эрвин?

— Хотел найти тебя...

Он говорит осторожно. Тщательно подбирает слова, чтобы не врать.

— ...Хотел сказать, что ты мне нужна.

— Нужна для чего?

Мохито вот-вот начнет выливаться из его стакана на стол. Он отхлебывает глоток и снова смотрит на тающий лед.

— Просто нужна.

— Неправда.

— У нас общие цели.

— Вранье.

— Мы идем по одному и тому же следу.

— Это уже больше похоже на правду. И чей это след?

— Отправителя, — говорит Эрвин. — Если есть послание, значит, есть отправитель.

Он, наконец, отрывает взгляд от кубиков льда. Он смотрит на меня. И лицо у него на мгновение становится такое... будто он маленький мальчик и боится, что взрослые над ним засмеются.

— И еще я хотел сказать... Если я тебя снова обижу... Если буду вести себя странно или грубо... Не злись на меня. Это что-то вроде болезни. Иногда я себя не контролирую. Врожденное психическое расстройство...

Вранье. Мне очень надоело вранье.

— Я, кстати, люблю путешествовать — говорит он. — Но бывают проблемы с транспортом. Если ты решишь транспортные проблемы, если ты выяснишь, где продается билет, то позови меня. Я с удовольствием поеду с тобой.

С самого начала он плетет нить нашей беседы из какой-то воздушной, слюдянисто-прозрачной субстанции. Постепенно я просто перестаю ее видеть.

Он улыбается. Такой спокойный, такой загадочный. Сфинкс. Бывают ли сфинксы психами? Я беру грубую портновскую нитку и латаю вслепую:

— Куда поедешь? Какой билет?.. Какой транспорт?

— Ты правда не понимаешь?

— Нет.

Он смотрит на меня почти возмущенно. Наверное, примерно так смотрел бы паук вслед большой и тяжелой мухе. Я только что прорвала искусно натянутую им между словами ажурную паутинку намеков, полунамеков, подтекстов. И улетела, жужжа, в образовавшуюся на месте пробоины пустоту.

— Ты до сих пор ничего не можешь понять?!

...И если есть на свете настоящая «пропасть непонимания», то я сейчас в ней. Я физически ощущаю, как тут холодно и темно. И обидно.

— Кто ты, Эрвин? Что ты знаешь? Чего ты от меня хочешь?

— Поцелуй.

— Что?

— Ты спросила, чего я хочу.

— Это был не единственный вопрос.

— Единственный, на который я могу честно ответить.

...Он вытаскивает меня из пропасти и возвращает назад, в паутину. Его губы холодные, но внутри, во рту, горячо. И вкус мяты и рома. Он целуется старательно, как пятиклассник. Он отстраняется первым. И тут же присасывается к своему мохито со льдом. Точно хочет смыть с языка и губ чужой вкус...

— Тот же рот, что целует, ест. — Он задумчиво жует листок мяты. — Биологическое несовершенство. Цитата.

Второй раз за минуту у меня возникает ощущение, что я насекомое. Теперь я — насаженная на иглу божья коровка, а он молодой перспективный ученый, и он изучает в микроскоп мои пятнышки, мои усики и строение моих челюстей. Он смотрит на меня, а я на него, мы по разную сторону окуляра, и спустя секунду я замечаю, что его глаза наполняются страхом. Неужели я так безобразна?

Впрочем, смотрит он уже не в микроскоп. И не на меня, а чуть выше. На кого-то, кого я не вижу. На кого-то, кто стоит у меня за спиной.

— Осторожно, Ника, он говорит беззвучно, одними губами.— Постарайся не двигаться. Постарайся совсем не двигаться.

Я не двигаюсь. Но я чувствую, как что-то холодное, твердое, тонкое упирается мне в затылок, а потом спускается вниз, вдоль шеи, вдоль позвоночника... У животных в моменты страха встает дыбом шерсть, благодаря этому они кажутся больше. У меня шерсти нет. Биологическое несовершенство. Все, что я могу, это застыть и покрыться мурашками. И следить за его лицом, за выражением его глаз. На какое-то время его глаза становятся для меня единственным доступным органом чувств.

А потом у меня за спиной звучит голос. Резкий, похожий на стон издыхающей птицы:

— Подайте слепой старухе! Уже целую вечность я не пила и не ела! Вечность! Die Ewigkeit!

Я оборачиваюсь — нищая старуха в безразмерном рваном плаще, в темных очках с растрескавшимися пластмассовыми кругляшками в оправе, метит мне прямо в лицо своей длинной клюкой. Я уклоняюсь — и она попадает металлическим наконечником аккуратно в стакан Эрвина.

— ...Кто-нибудь из вас знает, что значит вечность? Ewigkeit — кто-нибудь в

курсе, как пишется это слово?...

Стакан Эрвина опрокидывается со стола, разлетается по асфальту осколками льда и стекла. Старуха размахивает в воздухе своей палкой и суетливо приплясывает.

— ...Allmchtiger Gott! Если б только мои глаза могли видеть! Я бы выложила из этих осколков у ваших ног слово «вечность»! Но я слепа! Подайте слепой старухе! Уже целую вечность я не ела и не пила!..

Эрвин дает старухе два евро, и она удаляется. Она бредет вниз по Кёнигштрассе, бормоча себе что-то под нос и тыча палкой в прохожих. Эрвин смотрит ей вслед. Потом проводит рукой по моим волосам. А потом просто встает и уходит. Не прощаясь. Не оборачиваясь. Ничего не сказав.

Я смотрю, как он уходит все дальше и дальше. У него длинные ноги, и он очень быстро идет. У него в руках невидимый поводок. Он идет, а поводок все больше натягивается. Один конец у него, а к другому пристегнута я.

Когда он сворачивает за угол, когда я перестаю его видеть, когда поводок вдруг рвется, это становится окончательно невыносимо. Я понимаю, почему собаки плюют на команду «ждать», когда теряют из вида хозяина. Я понимаю, почему они срываются с места и бегут, размахивая хвостом и свесив набок язык.

Я опускаюсь на корточки и провожу рукой по осколкам его стакана. На слово Ewigkeit здесь явно не хватит, но на первую букву — вполне.

Потные официантки и потные посетители наблюдают, как из маленьких острых стеклышек я выкладываю на асфальте первую букву вечности и его имени.

— Вы порезались! — говорит потная официантка. — У вас на руках кровь, принести пластырь?

— Ерунда.

Мне стоит таких усилий не побежать за ним следом, что остальное — не важно.

8

ОБОРОТЕНЬ

Нас много чему обучили. Например, как заставить людей говорить. Необязательно силой. Физическая грубая сила и пытки — это слишком топорно. Это метод гондванов. Наши методы давноновились. Вещества. Нужно лишь выбрать правильные, это как код к замку, здесь важен индивидуальный подход...

Нас много чему обучили. Но даже нас не обучили чувствовать правду и ложь. А эта девочка, она всегда чувствует. Такое редко бывает у ей подобных. Ведь Истина ускользает от них.

Она обычный человеко-объект. Она объект дрессировки. Она

блуждает во тьме, как и все.

Но она чувствует истину.

Ее ведет звериный инстинкт.

Она просто талантлива.

Она имитация.

Она уникальна.

Она недостойная. Непосвященная. Она просто средство. Ее дело — вывести нас на след отправителя. Потом она сгорит, как и все.

Она исключение. Она достойна особого отношения.

Она не достойна. Физическое влечение к такой, как она, — отклонение. Слабость.

Она достойна сочувствия.

Наши предки, люцифериты, тоже когда-то смешали свою кровь с человеко-зверьми из сочувствия. И утратили свою силу. И угодили в ловушку.

Поцелуй в губы — ни к чему не обязывающий контакт. Он вполне допустим.

Поцелуй в губы — отвратительная ласка человеко-зверей.

Тот же рот, что целует, ест.

Контакты, не одобренные старухой, недопустимы. Сочувствие недопустимо. Старухе пришлось вмешаться. Она не любит, когда ее дергают по пустякам.

Она не любит, когда ситуация выходит из-под контроля.

9

ОБОРОТЕНЬ — ОХОТНИКУ

Очередной отчет

Произведен открытый устный тест объектов Михаил Шприц и Алексей Климов с применением психоактивных веществ внутривенно.

В результате теста установлено следующее:

— оба объекта искренне убеждены, что сюжет «Первого отряда» придумали самостоятельно.

— с вероятностью в 90 процентов можно утверждать, что в прошлом у объектов имел место контакт с Посланником.

— установлены инвесторы.

Ниже приводятся фрагменты из стенограммы теста Михаила Шприца (NB: тест Климова, произведенный часом ранее, качественных отличий не показал).

Оборотень: От кого вы и ваш соавтор получили фактическую информацию, позволившую вам сформировать сюжет «Первого отряда»?

Шприц: Мы все придумали сами. Оборотень: Как же вам это удалось? Шприц: Мы очень умные. Мы очень талантливые.

Оборотень: Вы в курсе, что существует реальная Надежда Русланова? Действительно работавшая на специальный отдел? Шприц:

Да ладно? Оборотень: Именно так.

Шприц: Все совпадения случайны. Дайте мне телефон. Мне нужно позвонить моему юристу. Нам не нужны проблемы с авторскими правами.

Оборотень: Вам не нужен телефон. Вам не нужно звонить юристу. Проблем не будет. Это понятно.

Шприц: Да. Теперь все понятно. Не нужно звонить юристу. У нас не будет проблем.

Оборотень: Вы можете установить обстоятельства при которых родилась идея «Первого отряда»?

Шприц: Ночь. Женщина... Нет. Компьютер.

Оборотень: Вы работали за компьютером?

Шприц: Нет. Отдыхал. Играл.

Оборотень: Во что?

Шприц: Какой-то слэшер. Японский. Может, что-то из Resident Evil.

Оборотень: Конкретнее.

Шприц: Devil May Cry. Оборотень: В чем суть?

Шприц: Данте — получеловек, полудемон — сражается с силами зла. Например, с Мундусом. Это принц тьмы. И с еще с Нело Анджело, черным ангелом. Но Нело Анджел о — это на самом деле брат-близнец Данте. Оборотень: Ах вот оно что.

Шприц: Да. Его зовут Вергилий.

Оборотень: Значит, вы играли в эту игру, когда вас посетила идея

«Первого отряда»?

Шприц: Да. Озарение.

Оборотень: Алексей Климов тоже играл?

Шприц: Нет. Но он сидел рядом.

Оборотень: Что конкретно происходило на экране, когда пришло «озарение»?

Шприц: Я не помню. Это не важно.

Оборотень: Это важно. Мне придется слегка увеличить дозу. Чтобы вывести вас на более глубокий уровень. Вы можете почувствовать озноб. Или паническое состояние... Как вы себя чувствуете? Шприц: Холодно.

Оборотень: Хотите накрыться пледом? Он достаточно теплый.

Шприц: Он из шерсти? Такой же, как ваша? Он из такой же шерсти?

Оборотень: Вам кажется, что у меня есть шерсть? Объясните.

Шприц: Да, ты весь покрыт шерстью. Белой шерстью. Кто ты?

Оборотень: У меня нет шерсти. Я журналист. Я просто беру интервью. Не волнуйтесь. Теперь вы видите, что у меня нет никакой шерсти?

Шприц: Да, теперь я вижу, что никакой шерсти нет. Вы просто журналист. Вы берете у меня интервью.

Оборотень: Что конкретно происходило в даре, когда пришло «озарение»?

Шприц: Данте сражался с Вергилием. Оборотень: Со своим братом? Шприц: Да.

Оборотень: Кто побеждал?

Шприц: Данте. Но потом произошел сбой в программе. Наверное, компьютерный вирус. Оборотень: В чем это выражалось?

Шприц: Все повисло. Застыло на экране. Вергилий и Данте. Они больше не двигались. Ничего не двигалось. И в этот момент кто-то другой вышел на поле сражения. Другой персонаж. Он мог двигаться, пока все остальные подвисли. Оборотень: Что это был за персонаж?

Шприц: Я не знал его имени. Его никогда не было в Devil May Cry. Оборотень: Как он выглядел?

Шприц: Как японец. Азиатское лицо. Узкие глаза — не в той стилистике, что у остальных персонажей игры... Серый плащ. Оборотень: Что еще? Шприц: Он был недоделан. Оборотень: В каком смысле?

Шприц: Его программа была не дописана, или он был так задуман. Не знаю. У него на руках не было пальцев— Оборотень: Он что-то сказал вам? Шприц: Не помню.

Оборотень: Я введу еще намного препарата... Ничего не бойтесь. Я просто журналист. Он что-то сказал вам, это персонаж? Шприц: У вас из пасти плохой запах. Пожалуйста, отодвиньтесь. Я не люблю такой запах... Откуда это красные пятна на лапах? Оборотень: Что сказал вам тот персонаж без пальцев? Шприц: Я не помню. Не помню.

Оборотень: Но когда сбой закончился, вам пришла в голову мысль насчет «Первого отряда», так? Шприц: Так. Отодвинься. Оборотень: Кто инвестор проекта?

Шприц: Это корпоративная тайна. Тут все в шерсти... Все засыпано белой шерстью...

Оборотень: Все в порядке, это больше не тайна. Они согласны открыться. Вы можете спокойно мне все сказать. И здесь нет никакой шерсти. Это ясно?

Шприц: Все ясно. Здесь нету шерсти. И тайны больше нет. Я могу их назвать.

Оборотень: Кто инвестор? Шприц: Герда. Оборотень: Что?!

Шприц: Их компания называется «Герда». И есть еще дочернее предприятие. «Кай».

ОБОРОТЕНЬ

Сказка про Герду — еще одна любимая сказка Старухи. Нет, не та сказка, где девочка Герда спасает мальчика Кая от владычицы льдов. Та сказка всегда раздражала Старуху. Приводила ее в настоящую ярость.

Ее сказка про Герду звучала совершенно иначе. ...Когда-то наша земля, Герда, была свободна. Свободна от плоти, от грязи, от материи, от происков злого духа. Когда-то наша земля Герда была просто холод и свет, и дети ангела, бестелесные андрогинные люцифериты, незримо населяли ее. Когда-то наша земля Герда была воплощением совершенства.

Но этому совершенству позавидовал злой дух, Демиург.

Он захватил незримо-воздушную Герду в плен — в плен мате-

рии, в плен осязаемости и формы. Он вырвал ее из вечности совершенного холода и сделал тяжелой, тошнотворно вращающейся теплой звездой.

Этому теплу, примитивному, животному теплу постоянно воспроизводящейся из праха, растущей, умирающей и разлагающейся в прах плоти плененная Герда сопротивлялась сколько могла. Она была уже тяжела и тверда, но внутри нее все еще было достаточно пустоты, она была все еще достаточно полая, и она была все еще достаточно холодна, чтобы заковать себя изнутри в толстый слой льда, пропитать льдом все свои впадины, все свои полости, щели... Она пыталась заморозить себя, уничтожить себя — лишь бы прервать эту плотскую цепочку Вечного Возвращения Одного и Того же, лишь бы избавиться от проклятия Демиурга, победить теплую, густую, пахучую смерть... И дети ангела, населявшие Герду люцифериты, — они тоже боролись со смертью, как только могли. Они уже были зримы, но все еще умели парить и проходить сквозь материю, созданную Демиургом. Они старательно впускали в себя весь холод земли, чтобы не стать теплокровными, не обрасти костями, мясом и кожей. Их волосы были все еще золотыми — сияющими, холодными и золотыми, как лучи зимнего солнца. Их кровь все еще была голубая, холодная и голубая, как дрожащий морозный воздух. Их кровь все еще несла в себе застывший ледяной свет. Их кровь все еще оставалась холодной и чистой. Они все еще могли победить Демиурга... Но Демиург был хитер. Он заставил детей Люцифера смешать свою кровь.

Имитатор и фальсификатор, он создал по образу и подобию Люцифера и Герды человеко-зверей. Роботы из теплой плоти и крови, они были лишь примитивными звеньями в цепочке Вечного Возвращения Одного и Того же... Они были небрежными имитациями, лишь отдаленно напоминавшими оригиналы. Их тела были еще без костей, но уже слишком твердыми, и они не могли подниматься в воздух и проходить сквозь материю. Их красная кровь делала кожу смуглой. Их волосы были густы и темны, как земной перегной... Но Демиург наделил их тела органами воспроизводства. Он сделал их жаждущими и полыми. Он сделал их женщинами.

Таковыми предстали они перед детьми Люцифера. Страдающими и полыми. Подобными Герде. Подобными плененной земле.

И дети ангела сжалились над человеко-зверьми. Они добровольно приняли ту телесную форму, которой жаждали творения Демиурга. Они отказались от андрогинности. Они отдали человеко-зверям свое семя, а вместе с ним свою силу. Они смешали с человеко-зверьми свою кровь.

Их потомство было грязным и теплым. Их потомство было совсем твердым — с костями. Их потомство стало частью цепочки Вечного Возвращения Одного и Того же. Демиург победил. А плененная Герда сдалась. Лед растаял, растекся по плененной земле потоками влаги и грязи, заполнил ее впадины океанами, морями и реками, кишачими плотью всевозможных размеров и форм.

В тоске и гневe погибли в плотской ловушке Демиурга люцифериты. В тоске и гневe удалились немногие выжившие —

обманутые, обессиленные, изменившие собственной сути — под землю. В ледяную полость земли.

С той поры их называют Властителями. Или Тайными Учителями.

Они ушли и закрыли за собой входы в Полую Землю. Скрыли их от звериных, скрыли их от человеческих глаз.

Лишь достойные, лишь посвященные, лишь несущие в своих жилах кровь Люцифера могут найти эти входы.

Лишь достойные, лишь посвященные освободят плененную Герду, прервут цепочку Вечного Возвращения Одного и Того же.

Лишь несущие в своих жилах частицу голубой крови арии, лишь златоволосые, голубоглазые, ангелоподобные арии очистят землю от грязи, уничтожат человеко-зверей и вернут себе совершенство.

Свобода и совершенство, — говорила Старуха. — Свобода и совершенство — вот в чем был смысл нашей войны и в чем будет смысл вашей. Победа — любой ценой и любыми средствами. Генетика и евгеника, алхимия и химия, меч и огонь, и газовые камеры, и ядерные боеголовки, и танки, и артиллерия, и заклинания и гипноз — любые средства годятся. Любые средства годятся, чтобы вернуться в священный холод Полой Земли... Чтобы снова стать ангелами. Мой муж и командир Мартин Линц употреблял слово «сверхчеловек». Но «ангел» мне нравится больше. — Старуха поднимала к потолку свои пустые, ледяные глаза. — Ничего человеческого. В слове «ангел» нет ничего человеческого.

11

НИКА

— Вы Михаил Шприц?

— Да-а?..

Его голос звучит вопросительно, как будто он и сам не вполне уверен, что он это он.

— Здравствуйте, меня зовут Ника, я корреспондент журнала «Пост Советский», у меня есть к вам несколько вопросов в связи с выходом мультфильма...

— Никаких интервью, — лениво перебивает меня голос из трубки. — На это совершенно нет времени.

За этой ленью, за этим враньем мне слышатся почему-то нотки неподдельного страха.

— Это не оторвет у вас много времени, просто несколько...

— Нет.

Он отключается с пронзительным электронным писком. Пару секунд я вслушиваюсь в хамское молчание трубки, затем набираю Климова. Он оказывается более вежливым.

— Извините, но сейчас я не даю интервью.

— Вы же живете в Мюнхене? ~Да.

— А я как раз сейчас в Нюрнберге. Я могла бы заехать к вам, когда скажете. В любое время. Когда вам...

— Не надо ко мне приезжать.

Этот даже не притворяется. Он действительно сильно испуган. Пока он не отключился, пока он застыл от страха там, у себя в Мюнхене, я жизнерадостно тараторю в трубку:

— Тогда давайте по телефону, всего один вопрос, ладно, прямо сейчас, всего один вопрос, мне просто нужно узнать... — Я делаю короткую паузу. — Сюжет мультфильма, вся эта история про Надю Русланову, откуда она вам известна?

— Не надо. Я ведь уже все рассказал. Я рассказал правду. Мы все придумали. Просто из головы. Мы ничего не знали, все совпадения случайны. Оставьте меня в покое!

Он вешает трубку.
Он напуган, но он не врет: они ничего не знали.
Это странно.
Но с другой стороны, это уже не так важно.
12
НИКА

— ...В 1933 году Нюрнберг был официально провозглашен городом съездов нацистской партии. В 1934 году Альберт Шпеер, любимый архитектор Гитлера, приступил к работе над проектом по оформлению территории съездов НСДАП. Эта территория заняла одиннадцать квадратных километров. Зал Конгрессов — самое большое из сохранившихся на территории монументальных зданий. Закладка состоялась в 1935 году, но здание осталось незаконченным. Оно должно было вмещать пятьдесят тысяч человек. Фасад облицован большими гранитными камнями, архитектура здания повторяет римский Колизей. Таким образом архитекторы стремились подчеркнуть связь между нацистским движением и великим имперским прошлым... В 1994 году в северном крыле здания была возведена пристройка — коридор из стекла и стали выстроен как архитектурная и идеологическая оппозиция нацистскому монументальному...

— Для меня это так тяжело.

Она отнимает от уха черную трубку, похожую на душевую, из

которой сочится полный задушевной суровости голос механического экскурсовода. Она смотрит на плакат «Nürnberg, die deutsche Stadt» — крошечные темные домики, тесно жмущиеся друг к другу, обнесенные кукольной крепостной стеной, золотая свастика, опирающаяся на кукольные крыши и шпили, золотой орел, сидящий сверху на свастике, простирающий свои блестящие крылья над темным кукольным городом.... Она переводит печальный взгляд на меня — оленьи глаза обманом загнанной жертвы, в час перемирия подло подкарауленной у водополя.

— Эта экспозиция. Так тяжело. Зачем мы сюда пришли?

Мы в Доку-центре, в северном крыле Зала Конгрессов. Мы в душевной хирургической трубке из стекла и стали, вспоровшей каменные стены недостроенного немецкого Колизея. За стеной — одиннадцать квадратных километров недосбывшегося темного сна об аренах, стадионах, трибунах, крепостях и казармах. На стене — фотографии того, что сбылось. Стройные колонны на марше. Фюрер, простирающий руку. Темный косяк бомбардировщиков в небе. Скрюченные черные трупы. Газовые камеры. Дети с паучьими ручками. Взятие Рейхстага. Зал суда. Три виселицы в спортзале.

Она отворачивается. Она прикрывает глаза. Но она ждет ответа. Зачем мы сюда пришли?

На этот раз она в черном. Строгий костюм, никаких украшений, косметики. Она высокая, но сильно сутулится — не как человек, которому восемьдесят, а как человек, который пережил горе. Прическа цвета сливочного пломбира — единственное, что нарушает ее стильный траур. Она не врет — ей действительно тут непросто. Что ж, значит, я угадала. Я правильно выбрала место.

Она позвонила сама. Сама набрала мой номер — я написала его на оборотной стороне квитанции о благотворительном денежном переводе. Она хотела, чтобы я снова пришла в ее дом. Или чтобы мы посидели в кафе. в уютном кафе в Старом городе, почему бы и нет?... Но она позвонила сама. Ей нужна была эта встреча. А значит, я диктовала условия.

Опытным путем установлено: люди куда охотнее говорят правду, когда им некомфортно, тяжело, больно, страшно. Когда они чувствуют угрозу. Когда они не владеют ситуацией. Когда они не могут откинуться в кресле, или заказать чашку кофе, или уткнуться взглядом в салат. Когда им остается лишь рассматривать изображения газовых камер... Поэтому я назначила ей встречу здесь.

И еще потому, что здесь я менее уязвима.

Этим последним соображением я готова с ней поделиться:

— Я должна думать о своей безопасности. В этом месте много туристов. И все они настроены очень серьезно. Их тревожит прошлое и будущее человечества. В таком месте вам сложно будет меня усыпить. Или выкинуть еще какой-нибудь фокус.

Она смотрит на фото газовой камеры, чтобы не смотреть на меня. Она говорит:

— Я не хотела причинить тебе вред. И сейчас не хочу. Я просто хочу знать, кто

ты. Откуда ты.

Собственно, у меня нет причин скрывать правду.

— Интернат для детей-сирот, — говорю я. — Севастополь. «Надежда». Вы должны знать, вы же переводили нам деньги. На ваши деньги нам покупали морскую форель. Спасибо. Не всем детям-сиротам так везет, в основном дети-сироты питаются очень плохо...

Она перестает меня слушать. Она вдруг хватается за горло рукой — как будто там застряла рыбная кость. Ее глаза становятся вдруг очень круглыми — действительно круглыми, как в мультике-анимэ... В принципе, это даже смешно. Но я не смеюсь: в таких местах не смеются.

Она все стоит неподвижно, держась рукой за горло и тараща глаза. На нее начинают оглядываться. Несчастная старушка... Ей стало нехорошо при виде газовых камер...

— Вы умерли,—говорит она очень тихо и делает шаг назад.—Вы все умерли там, в интернате «Надежда». Об этом писали газеты.

Она подносит средний и указательный пальцы ко лбу, как будто собирается перекреститься, но так и не решается. Вместо этого она отступает еще на шаг. Я все-таки начинаю смеяться. Я знаю, это выглядит неприлично, я стараюсь спрятать лицо, я стараюсь не производить громких звуков, но я не могу больше сдерживаться, кто-то очень веселый, очень глупый и злой хохочет внутри меня, заставляет меня трястись и повизгивать, я пытаюсь остановить его, пытаюсь остановиться — но не могу, я похрюкиваю в ладони, я фыркаю и трясусь, потому что это смешно, невероятно смешно: эта женщина, она боится меня, она думает, что я привидение, она думает, что я умерла...

На меня начинают оглядываться. Они думают, что я плачу. Несчастная девочка, заплакала при виде газовых камер...

Она вдруг хватается меня за запястья и сильно, неожиданно сильно дергает, отнимая мои руки от лица. Она больше меня не боится. Она смотрит. В ее глазах — любопытство. Восторженное любопытство козули, внезапно понявшей, что преследовавший ее хищник серьезно ранен и сам истекает кровью.

— Ты действительно из интерната... — говорит она шепотом. — Ты осталась жива?..Ты единственная осталась жива...

Она зачем-то обнимает меня. Прижимает меня к себе. От нее пахнет мятными леденцами для освежения рта, пахнет опрятной старостью и сушеной лавандой.

— Бедная, бедная девочка... — ее голос дрожит. — Мне никто не сказал...

На нас оборачиваются. Кто-то щелкает фотовспышкой. Мы действительно неплохой кадр: старуха вся в черном и девочка в

узких джинсах. Слившиеся в объятии. В слепящем серебристом сиянии. На фоне газовых камер.

Я отстраняюсь. Я не чувствую ничего, кроме легкой брезгливости.

— Я даже не знаю, кто вы, — говорю я ей шепотом.

— Нас было всего лишь пятеро, — шипит она мне прямо в ухо. — Пятеро в Первом отряде. Трое ребят и две девочки. Не так уж сложно вычислить, кто я.

— Зина Ткачева...

— Зинаида Ивановна. Все-таки я тебя вчетверо старше.

Она не врет. На этот раз она представилась честно.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«Большой недостаток демиургической «продукции» состоит в экономии, с которой созданы органы воспроизводства, беспорядочно смешанные с органами выделения... Тот же рот, что целует, ест. Изначальная кровь Дивъя была огненной, покрытой тем голубым отсветом, что распространяет пламя. Поэтому цвет тела и крови Гиперборейцев был голубым, как у Кришины и Шивы».

Мигель Серрано, «Герда» (глава «Расовый грех»)

«Джонс: Что же, свидетель, Вы заявляете, что в Дахау не проводились опыты по замораживанию? Зиверс: Рашер сказал мне, что он еще не может производить эти опыты и что их следует проводить в такой местности, в которой бы царила постоянная низкая температура воздуха. Эти опыты в дальнейшем не состоялись.

Джонс: Но ведь Вы сами лично видели, как проводились некоторые из этих опытов в Дахау, разве не так? Вы ведь время от времени бывали в Дахау? Зиверс: Я опасаясь, что здесь вкралась ошибка».

протокол допроса Вольфрама Зиверса на Нюрнбергском процессе

— ...Пушечное мясо, — говорит она, глядя в экран. — Мы были просто пушечным мясом. Тогда и теперь. Генералы Беловы — они будут всегда... Их методы не изменились. Дети врагов народа или дети— сироты из детских домов — не важно, главное, чтобы

ненужные дети. Которых не станут искать. По которым никто не заплачет...

Мы сидим рядом, в черных доуцентровских креслах. Я тоже смотрю на экран — там снова и снова повторяющийся фильм—ролик про Нюрнбергский суд. Обвиняемые под конвоем заходят в зал, садятся, встают и снова садятся, активно жестикулируют, беззвучно и, кажется, весело, раскрывают черно-белые рты. Как будто рассказывают анекдоты или смешные сценки из жизни.... Я понятия не имею, о чем они говорят. Другие зрители плотно прижимают свои пластмассовые липкие черные трубки к ушам, неодобрительно морщатся, слушая голоса давно умерших плохих людей, а через три минуты они встают и уходят, и на их место приходят новые зрители и прижимают свои пластмассовые черные трубки к ушам... Моя пластмассовая черная трубка лежит у меня на коленях. Я слушаю совсем другой голос.

Голос восьмидесятилетней старухи, которая шепчет мне на ухо, тихо, чтобы не беспокоить сидящих вокруг.

Голос старухи, которая шепчет мне на ухо правду, — точно я ее духовник, точно я ее душеприказчик.

Мятный старческий шепот проникает в меня без боли, как целебный травяной сбор.

Она шепчет:

— С нами можно было делать все, что угодно. Там, в исправительном интернате Сванидзе. Можно было пустить нас в расход — на благо отечеству. Можно было надевать на нас забавные шапочки из проводов и фольги. Можно было научить нас не дышать, не испытывать страха, читать мысли, стрелять по мишеням... сотрудничать.

Она шепчет:

— Можно было сковать нас одной невидимой цепью. Можно было сделать нас почти всемогущими. Можно было вложить в наши головы героический бред, а в руки — оружие. Повязать нам на шеи красные галстуки и отправить на смерть... Ничего не изменилось с тех пор. Впрочем, нет. Кое-что изменилось. Мы хоть знали, ради чего мы рискуем. Нам казалось — это наша война. А твои друзья — они умерли просто так. На чужой войне. Безоружными. Не как воины, а как жертвы...

Она шепчет:

— Я не знаю, куда они отправились, бедные дети из интерната «Надежда». Знаю точно — не в Сумеречную Долину. Не туда, куда отправляются павшие в битве.

— А откуда вы знаете, куда отправляются павшие в битве?

Ее мятное дыхание становится частым и душным. Словно мята сначала сгнила на жаре и смешалась с землей, и только потом ее добавили в леденцы.

Она шепчет:

— Просто я там была. Была и вернулась... Когда нас схватили эсэсовцы, нас было трое: Марат, Валя и я. Двадцать второго июня сорок первого года. Мы вернулись в

интернат с тренировки, и к тому времени в здании уже не было ни одного...

Она мне не врет — в той степени, в какой человек вообще способен не врать. Время от времени она слегка передергивает, слегка искажает и путает — но только по мелочам, и эти мелочи для меня не болезненнее, чем комариный укус или оторванный заусенец.

...Когда их схватили эсэсовцы, их было трое: Марат, Валя и Зина. Двадцать второго июня сорок первого года. Они вернулись в интернат с тренировки, и к тому времени в здании уже не было ни одного живого ребенка. Их дожидались пятеро — Мартин Линц, Эльза и Грета Раух и еще двое эсэсовцев, чьи имена остались ей неизвестны. И с ними были четыре овчарки — из их пастьей несло гнилью и непереваренной кровью.

Их били прикладами. Их повалили на пол и крепко связали. И Эльза спросила:

— Wo bleiben die ьbrigen zwei Personen? Где еще двое ваших?

А Грета сказала:

— Wir brauchen eure komplette Einheit! Нам требуется весь ваш отряд.

Их голоса были тихи и нежны, как молитва ребенка. Они не получили ответа, они печально переглянулись, а Эльза кротко отступила на шаг, когда Марат попытался плюнуть ей прямо в лицо. Они не стали применять пытки, сестрицы Раух, две белокурые ведьмы, им не нужны были острые металлические предметы, и гвоздодеры, и раскаленное масло... Они не собирались вырывать правду тисками, они не собирались опускаться до уровня мясников-палачей, они были милы и изящны, они умели слышать без слов, поэтому они просто подошли к Зине, и Эльза положила свои руки ей на виски, зажав уши, а Грета положила обе руки ей на лоб, так чтобы были прикрыты глаза, и так они простояли секунд, наверное, тридцать, потом отошли, и Эльза сказала Линцу:

— Остальные двое в лесу, в километре отсюда. У них там свидание... в шалаше.

А Грета сказала, с улыбкой глядя на Зину:

— Она так ревнует!.. Сестра, не бреди ее раны.

Они повели их в лес, связанными, под дулами автоматов. Они схватили Леню в лесу. Он шел им прямо навстречу, один. С ним не было Нади.

Его спросили, где она прячется, и он ответил:

— Не знаю.

Эльза и Грета Раух, две белокурые ведьмы, они повторили свой фокус. Они положили руки ему на виски и на лоб, они стояли

над ним очень долго. Они отошли, и Эльза молча посмотрела на Линца.

А Грета сказала:

— Он попросил ее спрятаться так, чтобы даже он не нашел.

Тогда Линц и двое его безымянных помощников привязали четверых пленников к стволам деревьев. А сестры Раух взяли каждая по овчарке и отправились прочесывать лес. И на прощание Линц поцеловал обеих сестер прямо в губы. Еще он сказал им:

— Возвращайтесь к полуночи. Мы должны провести обряд до того, как луна начнет убывать.

Луна была полной, мясистой и желтоватой, как шляпка поганки. Они стояли привязанные и разглядывали лунные океаны и континенты. Овчарки выли, хрипя и жмурясь, тянули мокрые пасти к луне, точно к заброшенной в небеса падали. За полчаса до полуночи люди Линца разложили костер в форме стрелы. А собаки притихли.

— Это руна Тир, — сказал Мартин Линц, глядя на небесную поганку с восторгом. — Победа и миропорядок. Тайна власти над злейшим врагом.

Эльза и Грета Раух вернулись за пятнадцать минут до полуночи. Они вернулись без Нади. Они ее не нашли. Мартин Линц посмотрел на них без всякого выражения и ничего не сказал. Но вид у них стал такой, точно он отвесил каждой из них по пощечине.

Линц молча шагнул из тени в пепельную лужицу лунного света. В его руках был меч. Он прикрыл глаза и поднял меч высоко над головой. Так он стоял, на фоне огня и полной луны, наверное^ минуту, и на его бледном, припорошенном лунным пеплом лице вспыхивали и гасли рыжие отблески костра. Он не двигался и не открывал глаз, и казалось, что это вовсе не отблески, казалось, что это он сам тлеет изнутри — как догорающая на ветру головешка, как испепеленный разгневанным божеством деревянный идол. Он не двигался — и только меч чуть покачивался в его воздетых руках. Словно он был слепой и пытался нащупать острием меча путь на небо. Словно он был безумен и пытался наколоть на острие меча гнилую шляпку луны. И швырнуть ее своим пускающим слюни собакам...

Потом Линц словно проснулся. Открыл глаза и посмотрел на белокурых сестер — с какой-то неожиданной, почти болезненной нежностью. Улыбнулся. Оглядел своих пленников — рассеянно расплескав часть переполнявшей его нежности и на них... В тот момент они поняли, что их конец придет скоро. Очень скоро. Потому что Линц уже смотрел на них как на мертвых.

Дальше все произошло очень быстро.

— О барон фон Вольфф!.. — провозгласил Линц металлическим голосом, и его люди эхом повторяли за ним слова; их голоса ритмично шипели и лязгали, точно по лесу шел, притормаживая, невидимый поезд. — Тебе, о бесстрашный норд, посвящаем мы смерть этих

убогих! Их головы будут отрублены твоим мечом и сожжены на ритуальном костре...

...Зина почувствовала, как кожа ее спины лопается тысячей крошечных твердых дырочек и как из дырочек высовываются наружу холодные тонкие иглы. Она услышала шум прибоя, настойчивый шепот волн, грохот прибрежной гальки. Она услышала море... Какое море в лесу под Минском? Она стряхнула с себя морок. Это не море, это ее кровь шумит в ушах, и грохочет сердце. Это не иглы, это мурашки, это липкий холодный пот, это позор, это трусость!.. Она закрыла глаза и постаралась подумать о том, чему учил их Белов. Проанализировать. Выместить из области чувств в область сознания... Страх — такой же полезный инстинкт, как любовь: и то, и другое нужно для того, чтобы жизнь продолжалась. Испуганное животное топорщит на спине шерсть, чтобы казаться противнику больше. Испуганное животное насыщает свою кровь адреналином, чтобы, спасаясь бегством, быстрее бежать. Бежать под дикую барабанную дробь своего сердца... Но к чему это все, если бежать невозможно? Если на теле нет шерсти, если тело примотано к стволу дерева грубой веревкой?..

Он учил их: не нужно испытывать страх, когда спасения нету. Не нужно бояться боли: боль — лишь сигнал опасности от тела к сознанию. Этот сигнал легко отключить. Как любую сигнализацию... Он учил их, как. И они научились.

Он учил их: не нужно бояться смерти. Просто нужно жить так, как будто вы уже умерли. Если каждое утро и каждый вечер вы будете готовить себя к смерти и сможете жить так, словно ваши тела уже мертвы, вы станете подлинными героями Родины. Тогда вся ваша жизнь будет безупречной, и Родина вас не забудет... Герой не боится смерти. Так он учил их.

Они думали, что научились.

Она стояла, связанная, с закрытыми глазами. От плотно стягивавших ее веревок онемела кожа — и ее тело уже действительно казалось ей почти мертвым... Она слышала, она чувствовала:

Мартин Линц, сжимающий в руках их холодную, длинную, острую смерть, уже приближается к ним. К кому-то из них...

А потом она почувствовала, как Марат и Леня одновременно взяли ее за руки, один слева, а другой справа. «Фантомное осязание» — явление, в общем-то, частое при создании ментальной цепи, но на этот раз ощущение было настолько реальным, что она чуть не поверила. Она открыла глаза и поглядела на них — с безумной, глупой надеждой: спасение?.. Нет. Она увидела, что они по-прежнему прикручены каждый к своему дереву. Она увидела, что Линц и двое его безымянных подручных уже направляются к Вале...

Спасения нет. Никто не брал ее за руки, это просто фантомное осязание... Это все цепь. Невидимая, но надежная, крепкая. Хорошая цепь. Пожалуй, лучшая из всех, что они когда-либо создавали... Они сковали себя этой цепью, чтобы не умирать в одиночестве. Чтобы быть всегда вместе. Даже там. Если там хоть что-нибудь будет...

Хорошая цепь.

И все же она не спасла их от страха.

Все началось с Вали. Этот страх пришел с его стороны. Когда он заметил, что к нему приближается Линц. Когда он вдруг понял, что умрет самым первым. Они все видели, что у Вали задрожал подбородок. Как у маленького, которого напугали злым букой. Они чувствовали — он хочет заплакать, закричать в голос, но сдерживается... Он сдержался. Он не заплакал, он даже растянул губы в улыбке, но страх... этот страх, родившийся в нем, комок холода, родившийся у него в животе, никуда не исчез. Он скользнул к ним, к остальным, пробежал по цепи, как заряд электричества.

Они видели Валину смерть.

Они слышали этот звук — как будто колют орехи.

Они видели густой красный сок, стекающий по белесой коре.

Они видели Валины пальцы. Корябавшие эту кору.

Они видели голову. Его голову, перекатывающуюся в траве. Словно он хотел уползти. Укатиться. Зарыться. Словно он еще на что-то надеялся.

Они чувствовали — он все еще был в цепи.

Потом его лицо сморщилось — там, в траве, оно сморщилось, как будто только теперь он все же надумал плакать. Но вместо слез его глаза налились красным, и он зажмурился — быстро, судорожно, одним глазом, точно решил подмигнуть напоследок, — и исчез из цепи.

На его месте в цепи возникла жуткая, болезненная, стылая пустота. Но его страх остался. Как блуждающий огонек. Как разряд. Как вспышка фантомной боли. И когда одна из овчарок жадно лизнула истекающий красным ствол, и когда Линц с мечом направился к Марату, этот страх завертелся по кругу, умножаясь, нарастая, дрожа, и в конце концов, когда снова послышался звук, будто колют орехи, когда Марат тоже исчез из цепи, этот страх перестал быть просто страхом. По крайней мере, для Зины он стал чем-то другим. Тем, что заставляет людей падать на колени, лизать руки, визжать, умолять, валяться в грязи... Возможно, уже тогда она была слабым звеном.

— Пожалуйста, — прошептала она белокурый ведьмам, стоявшим у нее за спиной. — Пожалуйста, не надо меня убивать. Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста. Я все сделаю...

Ведьмы ей не ответили. Вместо них отозвался Леня — молча, без слов. По цепи:

— Не смей унижаться.

— Мне страшно!

— Я тебе помогу. Закрой глаза... Так, хорошо. Мы в цепи. Я держу твою руку. Ты чувствуешь, как я держу твою руку? Хорошо...

Теперь я тебя обниму. Ты, главное, не смотри, не открывай глаза, ладно? Ты чувствуешь, как я тебя обнимаю?... Теперь тебе не

так страшно?.. Представь себе, что сейчас мы просто заснем... Главное — не смотри...

Она не смотрела. Она представляла. Она чувствовала, как он ее обнимал. В фантомном мире, который он напоследок для нее создал. Тогда, раньше, в реальном мире он не обнимал ее никогда. Он не любил ее. Но теперь это уже не имело значения. Она засыпала...

Уже сквозь сон она услышала звук — как будто раскололи орех. И шипение — точно орех теперь жарят в костре. И он пахнет жареным мясом... Она почувствовала, как Леня разжал объятья — тихо и бережно, словно боясь ее разбудить. Потом он исчез. И исчезла цепь. А к ее шее прикоснулся металл.

Удар меча показался ей укусом осы с ледяным тонким жалом. Умирать было трудно. И не было никакого туннеля.

2

ОБОРОТЕНЬ

Ее глаза никогда не мигали — с тех пор, как Полая Земля ослепила ее сестру, она тоже не могла сомкнуть глаз.

Они были не просто сестрами. Не просто сестрами-близнецами. Эльза и Грета Раух — они были неотличимы. Их тела умели повторять движения друг друга, их сердца бились в одинаковом ритме, они вдыхали и выдыхали воздух одновременно, они видели общие сны, они знали мысли друг друга, они не нуждались в словах, их светло-голубые глаза одинаково шурились, идя босиком по песку, они оставляли одинаковые следы...

Они умели говорить с духами и знали древние заклинания, они умели выведывать тайны и нападать стремительно и бесшумно. В «Аненербе» их звали оборотнями, и они были оборотнями — потому что появлялись внезапно и исчезали бесследно, потому что подменяли друг друга, превращались друг в друга, потому что у них было два тела, наполненных общей душой.

Для «Аненербе» они были бесценны. Потому что многие были столь же хитры и быстры, но только они умели быть одним человеком, находящимся в разных местах. И многие умели обращаться к невидимым духам, но только они могли выкликать духов так громко, сложив в один два своих одинаковых голоса. И многие знали древние заклинания, но, произнесенные двумя одинаковыми ртами, только их заклинания удваивали свою силу.

Уже в феврале сорок четвертого они поняли, что исход войны будет не в пользу Третьего Рейха. Они закрывали глаза и видели Крымские горы весной, видели, как их войска отдают Симферополь и Евпаторию, Феодосию и Судак, Алушту и Севастополь... Они закрывали глаза и видели Крымские горы весной, видели, как закрывались для них, один за другим, все входы. Все входы в Полую Землю... Они знали, что случится летом под Минском, знали все, что случится потом. Но они были бесстрашными воинами, они готовились пройти свою войну до конца и принять общую смерть.

Мартин Линц — их непосредственный командир в «Аненербе», их любовник и их наставник — обергруппенфюрер Линц рапортовался иначе. Эльзу Раух он отправил в Аргентину за год до

конца войны, вместе с другими посвященными. А Грета осталась.

Неизвестно, как он сделал свой выбор. Как выбрал между двумя одинаковыми телами, голосами, сердцами... Возможно, Эльзу он любил все-таки больше — и поэтому хотел сохранить ее жизнь. Или, напротив, он любил ее меньше — и поэтому оставил при себе ту, другую, без которой не мог.

Эльза и Грета — оборотни, лишённые своих полнолуний... Эльза и Грета не виделись с тех пор никогда. Они разделили роли. Та, что уехала, навеки превратилась в волчицу; та, что осталась, надела человеческую личину.

Но они сохранили связь. И когда Грета в муках рожала на свет свою дочь, Эльза кричала и выла там, на другом конце света, и мудрый аргентинский шаман подавал ей настой из трав. Обезболивающий, для рожениц.

...После войны Грета Раух и Мартин Линц готовились принять общую смерть. За месяц до начала Нюрнбергского процесса оба они получили текст обвинительного заключения. Внизу американцы оставили свободное место. Чтобы обвиняемые могли оставить там свой комментарий.

На том месте, где Рудольф Гесс написал «Я ни о чем не жалею», на том месте, где Геринг написал «Победитель — всегда судья, а побеждённый — обвиняемый», на том свободном, специально оставленном для комментария месте Мартин Линц приказал Грете написать «У меня был лишь один способ сражаться с нацистскими чудовищами — притворяться одним из них». Сам же он написал: «Вам не остановить детей Люцифера. В следующей войне победа будет за нами».

В сорок шестом, После Нюрнбергского процесса, Грета Раух готовилась принять общую смерть с Марином Линцем. Но Грета была оправдана. Мартин Линц — ее командир и возлюбленный, Мартин Линц — отец их голубоглазой малышки, Мартин Линц — отец матери, обергруппенфюрер Линц принял свою смерть в одиночестве.

Он умер не так, как предписали ему победители. Не в душном спортзале Нюрнбергской тюрьмы, пропахшем звериным потом американских тюремщиков, где в ночь на 16 октября детей Люцифера вели по тринадцати деревянным ступеням и вздергивали на трех черных виселицах... Он умер за сутки до этого в своей камере — спокойно и тихо. Тюремный врач так и не смог понять, что вызвало смерть.

Но мы понимаем. Мартин Линц сам вызвал к себе свою смерть — вызвал, как вызывают такси или веселую девочку на ночь, вызвал так, как хозяин вызывает слугу. Мы знаем: он лег на холодный пол, на спину, и плотно закрыл глаза, чтобы больше их никогда не открыть. Он выдохнул воздух из легких — весь без остатка, чтобы больше никогда не вдыхать, — и прислушался к биению сердца. Его наставник в обществе «Врил» умел исполнять двухчастное упражнение «Тишина и шумный поток»: полностью расслаблять сердечную мышцу и затем снова заставлять ее сокращаться, гоня кровь по венам, — а обергруппенфюрер Линц не зря был одним из лучших учеников. Он знал, что вторая часть

упражнения не всегда обязательна. Знал, что порой достаточно «тишины».

Он дождался, когда его сердце в последний раз толкнет к ногам густеющую горячую кровь, и еще три-четыре минуты оставался внутри, борясь с собственным телом, с собственным теплом и с собственной жизнью. Это была его последняя битва. Когда она завершилась, когда пришел окончательный холод, он оставил свое тело рычащим от злости тюремщикам и отправился в Сумеречную Долину.

Мы знаем, почему он выбрал такую смерть. Лишь павшие в битве воины обретут власть и силу. Извивающимся на виселице пленникам никогда не править Полной Землей.

Мы знаем, как принял свою смерть Мартин Линц.

Если нам не повезет в нашей войне, если нам не оставят выбора наши враги, если мы будем заперты и безоружны, мы должны будем поступить точно так же. Ведь не зря же нас обучили упражнению «Тишина и шумный поток».

Ведь не зря же мы были лучшими учениками.

3 ЗИНА

— ...Не было никакого туннеля. И не было никакого света в конце. Там было серо — так серо, как не бывает серо даже в самую пасмурную погоду, так серо, как бывает только в предрассветном, тяжелом и очень глубоком сне... Сначала мне показалось, что не было вообще ничего. Серая пустота — ав ней какое-то жужжание, наподобие шмелиного, что ли. И еще это чувство — такое знакомое чувство, как будто ты забыл что-то важное, что-то решающее, что-то, без чего ты не сможешь жить дальше... Потом желание вспомнить сменилось просто тоской — тоской по чему-то, что было мне дорого, дороже всего. Тоской по чему-то, что у меня отобрали и о чем я забыла. Потом прошла и тоска — осталась только жужжащая пустота, она убаюкивала, она разрешала не помнить и не чувствовать боль, она приглашала к себе, в себя, она позволяла с ней слиться, стать никем, стать вибрирующей пустотой и исчезнуть....

И вот тогда я впервые услышала голос. Голос ангела, как я его потом назвала. Как мы все его потом называли... Этот голос рождался словно внутри меня, но в то же время звучал и снаружи. Он доносился со всех сторон сразу и ниоткуда конкретно. Этот голос...Его обладатель казался спокойным и почти нежным — но равнодушным и безапелляционным, как опытный врач.

Первым делом он напомнил мне то, что я никак не могла вспомнить сама.

— Вы умерли, — сказал он. — Вас казнили, а после сожгли на ритуальном костре. Когда спадет пелена, я укажу вам путь в Сумеречную Долину.

Ни любви, ни сомнений, ни злости. Лишь участливое безразличие. Лишь готовность направить, поправить, выполнить долг.

В тот момент я решила, что ко мне обращается ангел... Всегда проще поклоняться тому, кто тобой управляет, а не анализировать его слова и поступки. Всегда проще подчиняться тому, кто умеет

летать, а не тому, кто копошится во тьме. Проще верить, что у него есть большие белые крылья. А темно тебе лишь потому, что они заслоняют солнечный свет...

Пелена — какое дьявольски точное слово. Когда спала пелена, я увидела их, остальных. Валю, Леню, Марата. Они сидели в пыли...

Мы все сидели в пыли среди каких-то полуразрушенных промышленных зданий, заброшенных больничных строений и грязно-белых обветшавших НИИ. Огромные насекомые — наподобие увеличенных в сотни раз комаров и жуков — хрустко ползали среди, щебенки и беспорядочных груд стекла и камней.

У ребят был какой-то потерянный, сонный вид.

— Это... что?.. — произнес Валя монотонно и тихо.

А потом поднес руку к шее и сказал еще:

— У меня болит горло. Мне жарко.

— Разве вы не слышали голос? — спросила я. — Этот голос... Он сказал, что мы умерли. И что он укажет нам путь.

Нет, они не слышали голос. Никто из них. Я единственная могла его слышать. И еще я единственная не чувствовала ни боли, ни жара. В тот момент я решила, что это мой дар. Благодать.

— Вы сейчас на границе, — сказал голос. — Вам пора отправляться в Сумеречную Долину. Передай мои слова остальным, моя девочка. Выполняй.

И я выполнила. Я все передала слово в слово.

— Слушай, Зина,— заныл в ответ Валя. — А мы что же, в аду? Почему нам так жарко? Почему нам так жарко и больно? Ты спроси у него... Пусть он скажет...

И я спросила.

— Это просто фантомные боли, — ответил голос. — Воспоминания тела. Очень скоро это пройдет. Скоро все пройдет. А теперь, моя девочка, надо сосредоточиться на поиске башни.

— Мы не видим никакой башни.

— Постарайтесь увидеть. Это может быть собственно башня или что-то... вроде того. Дворец. Или высотный дом. От него, возможно, исходит вибрация... Или какие-нибудь странные звуки. Или отсветы. Или что-то еще.

В тот момент мне впервые почудились в голосе ангела неуверенные и даже тревожные нотки. Слишком много «возможно», «или», «что-то» и «вроде». Но когда я повторила его слова вслух,

Марат вдруг воскликнул:

— Посмотрите! Смотрите туда! Там Спасская башня!

Там, куда он указывал, мы действительно увидели башню. Мы не замечали ее до сих пор, и, однако же, она была там. Она высилась позади больничных корпусов и промышленных зданий. Она очень напоминала кремлевскую Спасскую башню, разве что была какой-то выцветшей, блеклой, как и все в этом месте. Ее цвет не был цветом венозной крови. Ее цвет был цветом сукровицы, впитавшейся в марлю. Ее шпиль тонул в сером тумане — так что мы не могли видеть, была ли на верхушке звезда. Ржаво-черный циферблат часов был пустым, без делений и стрелок.

И оттуда, от циферблата, исходило жужжание. Оно больше не казалось шмелиным — скорее жужжание трансформаторной будки.

Мы направились к башне по песку, щебенке и пыли. Продвигаться приходилось с усилием, точно воздух был плотный и вязкий. Точно мы брели по дну океана. Точно все происходило во сне.

Мы дошли до ворот. Над воротами висела табличка. Она крепилась на ржавом гвозде и сама была изъедена ржавчиной.

Воздух был неподвижен, но она дребезжала, точно дул сильный ветер. Мы дотронулись до блеклой стены — башня мелко вибрировала.

Мне казалось, что надписи на табличке не разглядеть. Я не видела ни одной буквы, но Леня, щурясь, прочел:

— Министерство...

И тогда мы все тоже смогли разобрать это слово. Оно словно бы вдруг проступило поверх грязи и ржавчины.

— Министерство, — сказала я вслух. И ангел тут же ответил:

— Министерство? Там написано «Министерство»? Ну, конечно. Естественно.

В ангельском голосе мне вдруг почудилась суетливость. И еще что-то вроде насмешки. Но я прогнала эти мысли. Всегда проще поклоняться тому, кто тобой управляет, а не анализировать его слова и поступки.

4

ОБОРОТЕНЬ

Ее глаза никогда не мигали — с тех пор, как Полая Земля ослепила ее сестру, она тоже не могла сомкнуть глаз.

Эльза и Грета — оборотни, лишённые своих полнолуний... Эльза и Грета навсегда разделили роли. Та, что осталась, надела человеческую личину. Она пользовалась уважением в Бундестаге. Ей пожимали руку правители нового обесмыслившегося мира. Советские пионеры присылали ей благодарственные открытки. Грегу Раух провозгласили защитницей слабых. Ее-то, считавшую любое проявление слабости чем-то сродни симптому стыдной

болезни, навроде жесткого шанкра или зеленых слизистых выделений! Ее-то, ненавидевшую свою дочь за слабохарактерность!.. Осту пившемуся, упавшему на асфальт малышу-внуку она строго-настрого запрещала кричать и плакать. «Боль терпят молча, — говорила она. — Унижение заслоняют улыбкой». Если внук все-таки плакал, она давала ему подняться, а потом толкала обратно на землю. «Падающего толкни»...

5

ЗИНА

...В ангельском голосе ей вдруг почудилась суетливость. И еще что-то вроде насмешки. Но она прогнала эти мысли. Всегда проще поклоняться тому, кто тобой управляет, а не анализировать его слова и поступки.

А потом они четверо открыли ворота и зашли внутрь башни. И спускались, очень долго спускались вниз по крутой грязной лестнице. А потом они шли по тоннелю — очень темному, и в конце его не было света. Просто тьма превратилась в унылую серость, когда они вышли.

Там были поля и холмы с пожухлой травой, там были люди с оружием. Одни зажимали свои бескровные раны, другие громко стонали. Там кто-то бил в барабан, а кто-то командовал невидимым войском. Там кто-то кричал во всю глотку, а кто-то тихо покачивался из стороны в сторону, усевшись на корточки. Там кто-то стрелял, а кто-то пытался собрать в пригоршни свои внутренности. Там были духи павших в бою. Там было сумрачно и безветренно. Там были темные, прогнившие избы, облезлые особняки, помятые гаражи, кирпичные и бетонные строения на сваях. А вдалеке, на высоком холме, виднелась старая крепость...

И голос ангела велел им занять любой пустующий дом в этой огромной долине.

Они выбрали здание, похожее на их интернат. Блекло-желтое двухэтажное здание с портиком. Окна были разбиты, штукатурка местами осыпалась. Шесть коринфских колонн потемнели от влаги и копоты.

Там, внутри, были тумбочки и скрипучие раскладушки, стоявшие в ряд. На подоконнике — горшки с засохшей геранью и гипсовый бюст с растрескавшимся оплывшим лицом. Там были стулья на металлических ножках, а когда они подумали про столовую, нашлась и столовая.

Раскосый повар, не то китаец, не то узбек, в затертом белом халате, разлил им выцветший борщ по четырем нечистым тарелкам. На той руке, которой он сжимал ржавый половник, недоставало трех пальцев.

— Завод, — без выражения сказал повар. — Авария. Отрезало пальцы. Потом заражение. Умер.

А Зина ответила:

— Странно. Ведь ангел сказал, что здесь живут только павшие в битве.

— Здесь не живут. И здесь нету ангелов, — монотонно отозвался беспалый. — Что до меня — имею допуск во все округа. Я здесь работаю. Я работаю от генератора.

— Я не чувствую вкуса, — сказал Валя. — И мне больно глотать.

— Кому добавку, — вяло ответил беспалый. — Берите добавку. Скоро совсем забудете, как глотать. Разучитесь кушать. Пока получается, берите добавку... Здесь нету ангелов. — Повар уставился на Зину своими узкими щелками. — Здесь нету ангелов. Нету ангелов. Ты не получишь добавку.

— Нет, есть, — ответила Зина. — Один из них со мной говорит. Только со мной.

Ее ангел продолжал говорить только с ней.

6

ОБОРОТЕНЬ

...Та, что уехала, навеки превратилась в волчицу. Перон уважал нацистов, и вместе с другими нацистами Эльза Раух работала над ядерной программой Перона. А еще она искала Полую Землю. Мудрый аргентинский шаман, про которого говорили, что он умеет превращаться в белого ягуара, привел ее ко входу в пещеру. Он сказал, что никогда не привел бы туда белую женщину. Он сказал, что привел ее, потому что увидел в ней дух белой волчицы.

Он сказал, если духам пещеры понравятся голубые глаза белой волчицы, они разрешат ей смотреть, а потом отпустят, не тронув. Но если им не понравится ее взгляд, если она чем-то их разозлит, напугает, расстроит — в этом случае они придумают для нее наказание. Они могут забрать ее разум. Ее тело. Или ее душу. Они могут забрать все, что угодно...

Он сказал, она должна идти в пещеру одна. Он не пойдет с ней. Не пойдет, потому что ему слишком страшно.

— Но ты был там, — сказала Эльза шаману. — Ты уже был там однажды, и с тобой ничего не случилось. Почему ты боишься? У тебя ведь ничего не забрали!

— У меня нет, — ответил шаман спокойно. — Но у белого ягуара... У белого ягуара они отняли сердце и разум. Он не понравился подземным духам и они его покарали.

— Покажи мне белого ягуара, — попросила Эльза. — Я хочу видеть, что сделали с ним твои духи.

— Я больше не выпускаю его, — ответил шаман. — Раньше я выпускал его каждую девятую ночь, но теперь... Теперь никогда.

— Почему?

Шаман долго молчал, сидя на корточках у входа в пещеру.

— Три года назад, — наконец сказал он. — Три года назад я спустился в эту пещеру. Я провел тут весь день и увидел все, что хотел. На закате я возблагодарил подземных духов за их доброту и вышел наружу. Я вернулся домой, и моя жена танцевала от счастья, увидев, что духи отпустили меня целым и невредимым...

А потом пришла ночь, и я выпустил своего ягуара. Я выпустил его прямо в доме, потому что он никогда не причинял никому зла. Он всегда позволял моей жене гладить его по спине. Он всегда позволял нашему ребенку дергать его за хвост и усы. Но в тот раз... В тот раз он был другим, я чувствовал это. Он был голодным и злым, он хотел убивать, хотел крови. Я приказал ему вернуться назад, исчезнуть, снова стать мной, но он не хотел подчиняться. Он крался... Я крался по дому в поисках живой плоти, в поисках ребенка и женщины. И я был хитер — о, он был чертовски хитер! Он ластился к ним — и они гладили его, как обычно. Он еле слышно рычал, но они думали, что это просто игра. Они думали, что это игра. Они поняли все слишком поздно. Их кровь была теплой, густой и теплой, и он пил ее до рассвета. Потом он заснул — и я наконец смог запереть его, спящего... С тех пор у меня нет семьи, и с тех пор я ни разу не выпускал своего ягуара. Он просится на свободу, он рычит, царапается и бьется, но я не пускаю его... Подумай еще раз, хочешь ли ты идти внутрь. Теперь, когда ты знаешь, на что способны подземные духи.

— Я не боюсь твоих духов, — сказала белокурая Эльза. — И белая волчица, которую ты видишь внутри меня, не боится их тоже. К тому же мои родные далеко. Слишком далеко, чтобы это место могло повредить им.

— Боюсь, что ты ошибаешься, — ответил шаман.

Он был прав — она действительно ошибалась. Ее сестра Грета — она была недостаточно далеко. Эльза и Грета — оборотни, лишённые полнолуний.... Они разделились, они разделили роли, но их тела все равно повторяли движения друг друга, их сердца по-прежнему бились в одинаковом ритме, они вдыхали и выдыхали воздух одновременно, они видели общие сны, они знали мысли друг друга, они не нуждались в словах, их светло-голубые глаза одинаково щурились, идя босиком по песку, они оставляли одинаковые следы... У них по-прежнему было два тела, наполненных общей душой.

Поэтому, когда Грета в муках рожала на свет свою дочь, Эльза кричала и выла там, на другом конце света, и мудрый аргентинский шаман подавал ей настой из трав. Специальный, для рожениц.

Поэтому, когда Эльза спустилась в пещеру и ледяное сияние Полой Земли ослепило ее, превратило ее волчьи глаза в два мутных шарика льда, Грета молча закрыла лицо руками здесь, на другом конце света, и из-под ее пальцев на красный затертый ковер

закапала кровь.

Больше ее глаза никогда не мигали. С тех пор как Полая Земля ослепила ее сестру, она тоже не могла сомкнуть глаз.

С тех пор она вглядывается в пустоту — и иногда ей удается различить там Полуую Землю.

С тех пор она не может закрыть глаза даже во сне. С тех пор ей снится один и тот же сон каждую ночь. Цепляясь руками за камни, на четвереньках, на ощупь, она выбирается из пещеры. Ее волчьи глаза превратились в два мутных шарика льда, а по щекам течет кровь. Она не видит белого ягуара, сидящего у входа в пещеру.

Она не видит белого ягуара. А по ее щекам течет кровь.

7

ЗИНА

— ...Мой ангел продолжал говорить только со мной.

Он называл меня «своей девочкой». Он говорил, что мне делать, или задавал простые вопросы. Иногда я слышала его голос ежеминутно, иногда же он подолгу молчал. Я не знала, сколько длилось это «подолгу» — там, в долине, не сменялись ночи и дни, и о времени было трудно судить.

Поначалу мы пытались установить расписание. Мы ложились на скрипучие раскладушки и закрывали глаза. Мы старались уснуть, и мне казалось, что я действительно засыпаю. Мне казалось, я вижу сны — цветные сны из жизни, наполненной светом... Но они, остальные, говорили, что заснуть невозможно. Они жаловались, что даже через закрытые веки они видят сумрак. Они жаловались, что от этого сумрака нет спасенья... Все равно они ложились на раскладушки. Неподвижно лежали. Вставали. После «тихого часа» мы строились на линейку. Мы назначили Леню вожатым. Мы читали речевки, мы пели пионерские песни. Мы устраивали пробежки. Да, мы бегали в сумраке. Среди стонущих теней и лопающихся снарядов.

А еще мы завели «стенгазету»: рисовали на стене угольком горизонтальные черточки. Мы пытались вести отсчет времени. Это были наши зарубки.

Нам хотелось, чтоб в нашем существовании был какой-то порядок. Нам нужна была точка отсчета. Бесконечность пугала.

И изменчивость — изменчивость была даже страшнее. Гипсовое лицо на окне меняло свое выражение и черты, напоминая то вождей,TM ученых. Осыпалась бурой трухой и тут же снова цвела сухими цветами герань. Я сказала, что там пахло геранью? Что ее запах сводил нас с ума?... Изменялось количество трещин на потолке. Размазывались и исчезали, а затем снова проступали на бледной стене наши черные черточки... Какая-то мягкость, неокончателность сквозила в каждом предмете. Не та мягкость, которая таит обещание. Не та неокончателность, которая дарит надежду. Неокончателность и мягкость распада. Аморфность земляной груды.

В нашем доме появлялись новые помещения — к примеру,

спортзал. Там валялись под сдувшиеся мячи, а вдоль стен висели канаты, которые позже трансформировались в деревянные прутья. Столовая же, напротив, исчезла — вместе с левым крылом нашего здания. Вместе с беспалым человеком в халате. Вместе с безвкусным борщом.

Относительно постоянной казалась лишь наша комната с раскладушками. Мы все реже ее покидали. Мы считали, пока мы внутри, мы не даем ей исчезнуть.

Мы держались все вместе. Мы не пускали в наш дом рыдающих женщин и юных солдатиков, моливших укрыть их от немцев. Мы не впускали спасавшихся от погони и не давали воды тем, кто жаждал напиться в преддверии жаркой битвы. Они все были просто безумцами, не способными осмыслить, понять, примириться. Они жили в тумане, в бесконечно растянутом мороке последней минуты. Они верили, что все еще жили... Мы всегда прогоняли тех, чье сознание утонуло в тумане. Мы хотели сохранить свой рассудок, эту последнюю искру. Мы держались все вместе. Но я стала скрывать кое-что. Просто мелочи. Например, свое умение спать. Я боялась сказать им. Боялась остаться одна. Боялась от них отличаться. Но при этом я отличалась все больше.

Потому что они тоже стали меняться.

Боль и жар, которые мучили их, постепенно исчезли. Они мерзли, когда лежали на своих раскладушках, и у них затекали руки и ноги. Поначалу им удавалось как-то размять онемевшие мышцы, но с каждым разом им становилось все хуже. Наконец, они перестали чувствовать свои тела. Разучились глотать и дышать. И еще я заметила, что больше они не моргают. Даже Леня. Его серые глаза стали тусклыми и остановились.

Они больше не ложились на свои раскладушки и не старались заснуть. Они больше не строились на линейку, они забыли слова наших песен. «Стенгазета» исчезла, они больше не отмечали угольными зарубками дни. Они смирились со своей бесконечностью. Они слились с сумраком.

Они все еще говорили со мной, монотонно и скучно. Но друг друга они теперь понимали без слов. Иногда они молчали так долго, что мне хотелось кричать. Иногда они брались за руки и отрывались от пола. Они молча кружили по комнате, хоровод снулых мух. И тогда я звала ангела. Чтобы он говорил со мной. И он говорил. Он давал мне задания, он отправлял меня гулять по округе. Я бродила одна и описывала ему все, что вижу. Пару раз я доходила до крепости — темной крепости на самом дальнем холме. Стены крепости были покрыты тонкой корочкой льда. И оттуда доносилось конское ржание и металлический лязг...

8

НИКА

...Я лезу за пазуху и извлекаю на свет полиэтиленовый белый пакет.

Она умолкает. Она смотрит, как я его разворачиваю.

Потом говорит:

— Ты украла его у меня.

А я говорю:

— Ну и что? Вы ведь тоже его в свое время украли?

— Нет. Мне его просто отдали после того... когда Нади не стало.

Мы вместе листаем дневник. Обгоревшие края страниц осыпаются на пол. Я, наконец, нахожу нужное место. Сверху и снизу страница сгорела, но текст в середине легко разобрать.

«...всегда был если не отцом, то старшим товарищем. Но когда он надел на меня этот чудовищный шлем с проводками, когда пристегнул к креслу ремнями, когда наполнил свой шприц, я вдруг вспомнила то ощущение. Совсем забытое, из интерната, когда мне казалось, что он нас вовсе не любит. Что мы полезны ему, что мы его послушные куклы. А он кукловод. И если кукла сломается, он не заплачет. Когда я рассказала про это ощущение Лене, он на меня разозлился.

«Он нам как отец! — сказал Ленья. — Мы должны его уважать и гордиться».

Мы говорили в тот самый день, когда Лени не стало. Когда всех их не стало. Когда четыре куклы сломались. В тот день Белова не было с нами, он куда-то срочно уехал. И я не знаю, плакал он или нет. И никогда не узнаю.

Белов как будто бы прочитал мои мысли. Он тихо сказал мне: «Ты вернешься, я знаю». И потрепал меня по щеке. И шепнул на ухо: «Я верю в тебя, моя девочка».

И мне стало стыдно.

На той стороне

Там нет ангелов...»

Все. Следующие четыре страницы сгорели. А дальше уже про другое.

ЗИНА

— Она была у нас, — отвечает на вопрос, который я не задавала, Ткачева. — Совсем не так, как в этом мультфильме, но все же. Она была — такая живая, такая яркая, как отраженный в озере солнечный свет. Такая яркая, что на нее было больно смотреть. Мы прикрывали глаза руками, мы прятались в сумрак. Мы все забыли, какими яркими бывают цвета...

Она напомнила. Она была как шанс на спасенье. Как забытая клятва.

Она как будто их разбудила. Пришла и вырвала из их смиренного, мирного сна.

Сначала Леню. Даже там, по ту сторону... он так смотрел на нее. Он не прятал глаза. Он попытался к ней прикоснуться. Он потянулся к ней первым — и потянул за собой остальных.

Во что бы там ни превращались эти трое в своих коконах вечности — она не дала метаморфозе свершиться. Она пришла и раз-

мотала их кокон. И отняла их покой.

Она сказала:

— У нас есть теперь такая штукавина, она может отправлять на ту сторону.

Она сказала:

— Я пришла ненадолго, вы должны мне помочь.

Она сказала:

— Фашисты тоже будут использовать мертвых. У них есть рыцарь, жаждущий мщения. У нас есть только вы.

Она сказала:

— Разве вы не хотите за себя отомстить?

Она сказала:

— Леня, ты разве не хочешь снова держать меня за руку? Разве не хочешь снова бегать по снегу и слышать, как он хрустит?

...Неуспокоившиеся — какое дьявольски точное слово. Голодные духи. Духи мщения. Это было про нас. Наш Первый отряд — Надя снова сковала нас невидимой цепью. Мы снова были почти всемогущими. Мы снова сотрудничали. Мы могли не дышать.

Мы могли не дышать, не испытывать страха, читать мысли, стрелять по мишеням. Мы могли взять в руки оружие и победить смерть. Ненадолго, но все же...

Она объяснила нам, как. Операцию «Реаниматор» разработал Белов.

9

ЗИНА

...— Я несколько раз прокручивала эту сцену в мультфильме. Как мы являемся в мир живых. Как приезжаем из Сумеречной Долины на джипе, напрямик под Демянск. Как сражаемся с бароном фон

Вольффом и его мертвым войском. На стылой снежной равнине, и вороны точно вмерзли в зимнее небо, растопырив черные крылья... Красивые кадры. И наглядные. Но все было не так.

Никто не может явиться в плоти и крови с той стороны. Особенно те, чьи тела были сожжены на ритуальном костре. Чьи тела стали просто золой, и землей, и травой, и кустиками земляники. Чьи тела стали лишь воспоминанием на той стороне. Очень подробным, правдоподобным воспоминанием — но при этом таким же изменчивым, ненадежным, как и все остальное в Долине...

Воспоминания не могут сражаться.

Мы должны были дойти до границы и там, в Министерстве, ждать сигнала от Нади. Ждать вызова с той стороны. Ждать ее

приглашения.

А когда она нас позвала, когда жужжание и вибрация башни превратились в давящий, почти неслышимый, но словно бы разрывающий нас гул, когда спустилась, а потом снова спала свинцово-серая пелена, когда мы вдруг оказались над снежной равниной, над битвой, в ледяном, пронзительном воздухе, не прикрытые ни одеждой, ни плотью — в тот момент мы должны были занять чужие тела. Еще теплые внутри, окровавленные тела только что павших в бою — мы должны были взять их себе, точно так же, как сами они в прошлых боях брали себе сапоги и винтовки убитых...

Четверо юных солдатиков, почти дети, в одном окопе. Один застыл, свернувшись калачиком, как младенец. Один на коленях, точно в молитве, лицо уткнулось в сугроб. Двое других разметались на красном снегу в причудливых позах — как будто их мучили тревожные сны и они хотели проснуться. Они смотрели в свинцовое небо, прямо на нас. Они смотрели, как падают снежинки с шестью лепестками... Они нас устраивали. Потому что они не моргали. Они были пустыми. И снежинки с шестью лепестками не таяли у них на губах.

Лично я себе выбрала стоявшего на коленях. Не хотела оказываться внутри того, кому только что смотрела в глаза.

10

ЗИНА

Она выбрала себе стоявшего на коленях. Не хотела оказываться внутри того, кому только что смотрела в глаза. Она успела почувствовать тяжесть чужого одеревеневшего тела. Будто кто-то на нее навалился, прижал к земле. Она успела почувствовать жгучую снежную маску у себя — у него — на лице. Она успела почувствовать вкус железа и пороха. Она успела заметить, как зашевелились те двое, что лежали на красном снегу и смотрели на небо.

А потом ее ангел сказал:

— Что, сбежать собиралась? Нет уж, девочка, от нас не сбежишь.

И тогда Зина очнулась. В своем собственном теле. На юге Германии. На больничной кушетке.

В комнате с жужжащей электрической лампой. Без окон.

Ее руки и ноги стали тонкими, как у кузнечика. Голова обмотана коконом проводов. Две прозрачные гибкие трубочки присохли к носовым пазухам. Она чувствовала себя кузнечиком в паутине. Она хотела вскочить — но тот, кто сплел паутину, был намного сильнее.

Он явился ей в ареоле дрожащего света. В белоснежном халате врача и в фартуке мясника. Пряди бурых волос прикрывали блестящую лысину. Бурые усики стекали узкой полоской от носа к нижней губе. У него был высокий лоб и дряблые щеки. Нездоровый цвет лица человека, проводящего свои дни под землей.

У него были глаза спаниэля и брезгливо поджатые губы. Он склонился над ней и сказал почти ласково:

— Не дергайся, моя девочка.

Это был голос ангела. Того самого, что ее направлял.
Он сказал:

— Ты пробывала в коме полгода. Атрофия мышц. Ты так просто не встанешь.

Он сказал:

— С возвращением. Ты была хорошим агентом на той стороне. И еще. Ты побила все рекорды по длительности путешествия.

...Ее не убили там, в лесу, при полной луне, двадцать второго июня. Марата, Валю и Леню убили — а ее нет. Ее погрузили в кому и отправили на ту сторону. Некропортал. Эльза Раух знала, как готовить состав для инъекций.

— Я и не думал, что все так гладко пройдет, — сказал задумчиво «ангел». — Еще никто из живых не смог пробыть в Долине так долго. И вообще так легко найти вход в Полую Землю. Поздравляю! Мы присвоили тебе звание первого некроагента.

Этот голос. Такой спокойный, надежный и безразличный.
Сколько вопросов он ей задавал. В скольких прогулках сопровождал, опекал. Они не убили ее. Они сделали ее первым в мире некроагентом...

— Кстати, меня зовут Георгий Карлович Греф. — «Ангел» протянул Зине свою бледную пятерню. — Я работаю вместе в профессором Зигмундом Рашером. Кроме того, я первый помощник профессора Альфреда Хирта.

Она заметила, что у него до странности гибкие, словно бес-
костные, пальцы. Его пальцы напоминали связку мучных червей.
Она не стала их трогать. Не ответила рукопожатием.
Тогда мучные черви крепко обвили ее запястье.

— Измерим пульс, — сказал Греф. — А я покамест введу вас в курс дела. Такой талантливый некроагент, как вы, имеет право знать, на кого он работает. Знать и гордиться. Мы работаем на самую достойную, самую прогрессивную и самую интересную организацию Третьего Рейха — «Аненербе», общество по изучению древней германской истории и наследия предков. Профессор Август Хирт, гауптштурмфюрер СС, глава анатомического института СС, руководит всеми медицинскими программами «Аненербе». О, это очень интересные программы, моя девочка! К сожалению, я не могу вас прямо сейчас познакомить, герр Хирт отбыл для исследования экспериментальных материалов в концлагерь Дахау, и герр Рашер отбыл с ним вместе, но это великие, великие эксперименты, вне всякого преувеличения, они перевернут мир!.. — Спаниэли глаза Грефа подернулись маслянистой пленкой восторга, и он закрыл их, точно боялся закапать маслом халат.

— ...Экстремальные состояния человека... Опыты с деком- прессионными камерами и обморожениями... Животный потенциал душевного тепла... — Его бледные пальцы все сильнее сдавливали ее запястье; он говорил тихо и нежно, как будто молился. Как будто просил спасения у Господа — для себя и всех грешников.

— ...Знаешь ли ты, моя девочка, что куда более эффективным показал себя метод отогревания замороженных заключенных не горячей водой, а теплом обнаженного женского тела?.. Эй, тише, тише, не надо так нервничать. Какой частый пульс, это может плохо сказаться на твоей физической форме. С таким частым пульсом недолго и сознание потерять, милая! А ведь я еще не рассказал, какой программой занимаюсь я лично. Я возглавляю отделение некротранспортировки и Полной Земли. Но до тебя мой экспериментальный материал не был столь...

— Вы русский? — спросила Зина.

— Простите?!

— Вы говорите по-русски без акцента. У вас есть имя и отчество. Вам около пятидесяти. Вы явно русский... Вы явно советский человек. Как вы можете заниматься всем этим? Почему вы предали родину?

— у тебя сейчас пульс под двести, моя советская радость, а женская норма — семьдесят. Успокойся. Такие перегрузки тебе ни к чему. Я немец. Чистокровный ариец. Автономная Советская Социалистическая республика немцев Поволжья. Слышала о такой? А о «немецкой операции» тридцать седьмого года что-нибудь слышала? Сорок две тысячи расстрелянных немцев! Майн гот, сколько чистой арийской крови пролито в вашу поганую землю! Мои родители говорили по-русски, но их убили как немцев. Я ненавижу этот собачий язык, вернее, я ненавидел его, пока герр Хирт не нашел моему русскому удачное применение. Разговаривать с такими, как ты. Русскоязычный экспериментальный материал. Чувство доверия объекта эксперимента к экспериментатору невозможно, если существует языковой барьер. Не правда ли, милая? Ты ведь, кажется, считала меня ангелом, а?..

11 ПОЛАЯ ЗЕМЛЯ

Путь к границе был долгим, земля вязкой, а воздух густым. Но монах, который давно уже позабыл свое имя, приходил туда часто. Там, у самой границы, возвышался белокаменный храм с тусклым куполом, тонущим в сером тумане.

Монах входил в этот храм и возносил молитву, состоявшую из тех слов, которые он еще помнил.

— ... Помяни, Господи, в вере и надежде живота вечного всех усопших рабов твоих... И яко Благ и Человеколюбец, отпускай грехи, и потребляя неправды, ослаби, остави, и прости вся вольная их согрешения и невольная, возставляя их во святое второе пришествие Твое... И помилуй мя, Боже, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое... Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...

12 НИКА

— Very soon! It is closed! — Японский турист в черных очках, с черной трубкой-экскурсоводом и гигантской камерой Кэнон на шее беспокойно толчется рядом с нами и заискивающе улыбается заячьим ртом.

Кроме нас в Доку-центре, кажется, нет никого. На экране застыла сцена из фильма о Нюрнбергском процессе.

— In one minute! — довольно хихикает он, видя, что к нему наконец-то прислушались. — It is closed, you stay, all night, very dark, very afraid! Go now!

Мы встаем. Она как будто еще больше ссутулилась, пока мы сидели здесь, в креслах. Она смотрит в пол.

— Мемори фото? — японец, хихикая, вздергивает свой Кэнон.

Она мотает головой отрицательно и прикрывает лицо рукой. Я делаю то же самое. Мы стоим, закрыв лица руками, старуха в черном и дева. Он делает снимок. Потом кланяется, как деревянный болванчик, и говорит по-русски:

— Глаза.

Он указывает рукой на экран с застывшей картинкой. Зал суда, и какая-то девочка в первом ряду. Картинка мутная, но большие, действительно большие глаза хорошо различимы. Я пытаюсь понять, где я видела эти глаза, но экран тут же гаснет.

— Надежда Русланова, — произносит он почти без акцента в тот самый момент, когда я догадываюсь об этом сама. — Надежда Русланова. — Он кланяется то моей спутнице, то пустому экрану, и кэнон на его шее раскачивается, глухо позвякивая о черную музейную трубку. — Надежда Русланова. Известный герой. Победила фашизм. Выступала в суде. Большие глаза. И тогда, и теперь, — он снова кланяется Ткачевой, потом темноте на экране, — такие красивые большие глаза. А все потому, что честный. Без всякой пластической хирургии. А я, мои пальцы — нет!..

Он снова хихикает. Он показывает нам свою руку, на которой не хватает трех пальцев.

— ...Потому что нечестный. Такой закон у якудза. Хирургия немножко... Чик! И пальчиков нет.

— Саёнара. — Он склоняется в низком поклоне, а затем трусцой бежит к выходу по темному коридору.

Мы дожидаемся, пока его шаги стихнут. Мы стоим в тишине.

Я слышу, как она дышит — часто и мелко, с присвистом. Она вытаскивает из кармана таблетки, сует сразу две под язык. Потом разворачивает мятный леденец и тоже кладет его в рот. Ее руки дрожат. Она выглядит изможденной. Красные лампы-бра, раз-

вешанные вдоль стен доку-центра, заполняют ее морщины кровавыми сгустками света. словно лицо ее покрыто свежими шрамами.

Ее оленьи глаза — точно прорези в залатанной коже.

— Тот повар, — говорит она шепотом, и воздух наполняется запахами аптеки, — тот повар без пальцев, которого я видела на Той Стороне. Это он. Это он говорил сейчас с нами.

Она прикрывает глаза и грет руками виски. Я слышу, как она перекачивает языком таблетки и леденец. Точно во рту у нее морские камешки или пригоршня рассыпанных бусин.

— И вот теперь он пришел ко мне. — Она дышит мне в нос болезнью, аптекой и страхом. — Он явился мне. Если есть ангел смерти — то это, наверное, он.

Я могла бы ее немного утешить. Я могла бы сказать ей, что мне он тоже являлся. Приносил документы в мешке, как свихнувшийся Дед Мороз. Я могла бы сказать, что он меня тоже пугает. И что он пока не причинил мне вреда... Вместо этого я говорю:

— Вы по-прежнему верите в ангелов? Того, поволжского, вам недостаточно?

Она молчит. Она по-прежнему готова признать ангела в первом встречном. Не исключено, что она считает ангелом и меня.

Но лично я не верю ни в ангелов, ни в Деда Мороза.

Для меня он просто курьер. Он просто приносит подсказки.

Мы идем к выходу. Она впереди, я следом.

— Это я была там, на экране, — говорит Ткачева, не поворачивая ко мне головы. — Там, на Нюрнбергском слушании. Это была я, а не Надя. Шестнадцать пластических операций. Японские медики, они творят чудеса.

— ...Они сказали: «Да, мы можем тебя отпустить. Ты хочешь к своим? Ты хочешь, чтобы они тебя расстреляли? Иди, мы не держим. Иди к своему генералу Белову. Иди, расскажи ему, как ты выжила тогда, в сорок первом. Как карательный отряд «Аненербе» казнил твоих товарищей и подарил тебе жизнь. Он ведь спросит: за что? В обмен на что ты ее получила?»...

Вечереет. Мы бредем вдоль прудов. Вдоль километров недосбывшегося темного сна об аренах, стадионах, трибунах, крепостях и казармах... Ее белые волосы — точно знак благословенья от ангелов, которым она продала свою душу. Ее черный наряд — точно траур по всем, кого она продала вместе с душой.

— ...Они сказали: «Иди, доложи ему, своему генералу Белову, как ты была нашим лучшим агентом. На Той Стороне. Целых полгода. Он, наверное, порадует твоим успехам. Ведь разве не ты помогла нам составить подробнейшую карту Долины? И разве не ты предоставила нам информацию по подготовке к той битве под Демянском? Разве не ты? Только благодаря тебе мы спасли тогда барона фон Вольфа от позора и исчезновения в

Вечном Мраке. Ты знаешь, что мы зовем Вечным Мраком? Смерть умершего. Повторную гибель — уже не тела, но духа... После которой — ничто. Так что мы тебе весьма благодарны. Иди же к Белову. Расскажи ему все, как было. Он поймет. Он простит. Он тебя сам пристрелит. Он покроет твоё имя позором... Иди. Что, не хочешь?...» Я не хотела. Потому что они были правы. Генерал Белов... Он бы меня расстрелял. Как предателя родины. «Тогда, возможно,TM хочешь покончить с собой?», — говорили они. — Это проще простого». Они были милостивы. Они протянули мне спасительный трос. В моей камере они повесили веревку с петлей. И поставили железную табуретку. Я думала, я смогу. Я думала — это мой единственный выход. Предать отряд, предать родину — это не про меня. Я думала, что смогу засунуть голову в петлю и отпихнуть ногой табуретку. Смогу сохранить чистую совесть. Смогу победить слабость и страх, вернуться к ним, в Сумрачную Долину. Вернуться к ним, стать такой же, какими стали они, забыть своё тело, забыть, как дышать, глотать и ходить, кружить вместе с ними в сонном хороводе, с остановившимися глазами, там, в сумраке... Три дня я сидела в камере, глядя на свой спасительный трос. На веревку с петлей. Но я не смогла. Мне слишком не хотелось туда возвращаться. Мне слишком хотелось дышать, и ходить по земле, и видеть солнечный свет...

Мы бредём в темноте. Мимо трамвайных путей, проложенных через заросли мягкого мха. Она смотрит, не идет ли трамвай, она не смотрит в глаза. Она комкает конец своего рассказа как заляпанную жиром салфетку. Досказывает без подробностей, наспех, как что-то смертельно скучное и при этом само собой разумеющееся.

...Она сломалась. Она сказала, что ей не нужна веревка с петлей. Она приняла их условия. Она согласилась стать Надей. Два с половиной года, шестнадцать пластических операций у лучших японских хирургов. Под именем Нади она согласилась выступить свидетелем на Нюрнбергском суде. Она поклялась под присягой, что Грета Раух вела в СС подрывную деятельность и работала, рискуя жизнью, на русских. Она произнесла речь, полную благодарности, печали и трогательных детских запинок. Она помогла оправдать Грету Раух, убийцу, белокурую ведьму.

Она навсегда осталась в Германии под именем Надежды Руслановой. Она вышла замуж за того, за кого ей сказали, и осталась бездетной, потому что японские медики приняли для этого меры. Она наотрез отказалась работать с советской разведкой.

А Грета Раух стала героем, «Орлеанской девой» Германии. Ее разве что не причислили к лику святых — зато после падения Берлинской стены она вошла в Бундестаг.

— А что же Надя? — кричу я ей в спину, громко, чтобы перекрыть дребезжащий трамвайный звонок. — Куда делась Надя Русланова? Настоящая Надя?

Она качает головой. Трамвай останавливается. Она входит и оборачивается ко мне в дверях. Она подносит ладонь ребром к своей старческой шее — и делает рукой резкий жест, изображая, как перерезается горло.

Трамвай истерически взвизгивает и закрывает все двери. Она стоит, прислонившись лицом к стеклу. Прежде чем трамвай трогается, я успеваю увидеть, как она шевелит сухими губами. Я не слышу, но читаю по этим увядшим губам:

— Они убили ее.

Впервые за вечер что-то скребется внутри меня, там, где сходятся ребра.

— Они убили ее, — повторяю я громко, как всегда, когда мне нужен «тест».

Что-то снова скребется. Словно кто-то водит по внутренностям отточенным когтем, но слегка, без нажима, чтобы не причинить боль. Словно кто-то внутри меня и сам сомневается: ложь или правда?

Я иду одна по трамвайным путям, проложенным через мягкий зеленый мох, словно через застывшее сказочное болото. Я вдруг понимаю, что так и не задала ей еще один очень важный вопрос.

13

ОБОРОТЕНЬ

Мать была неудачей.

Газета Das Schwarze Korps ежемесячно публиковала адреса «чистых» захоронений в Германии — древних захоронений, тщательно обследованных специалистами «Аненербе» и не содержащих расово неполноценных останков. Захоронений, где обитают лишь духи мертвых героев. Захоронений, идеально подходящих для совокуплений. «Не только генетическая предрасположенность, здоровый образ жизни и преданность идеалам Третьего Рейха, но и внимательное отношение к циклу супруги и правильный выбор места зачатия значительно повышают качество будущего потомства и дарят надежду на реинкарнацию в нем великих арийских героев...» Газета Das Schwarze Korps настоятельно рекомендовала сотрудникам СС приводить по указанным в списке адресам своих женщин в день их овуляции.

В июле сорок четвертого Мартин Линц не мог отвести своих женщин ни по одному из адресов, указанных в списке газеты. В июле 44-го они были под Минском, были там, где когда-то они начинали, где принесли свою первую кровавую жертву, где выложили костер в форме руны «тир», обозначающей победу и миропорядок...

Но не было ни победы, ни миропорядка в июле сорок четвертого. Гипнозом и заклинаниями, ворожбой и новыми жертвами они пытались помочь своей армии — ослабевшей, обманутой, бессмысленно перекинувшей главные силы на юг и отступавшей на запад... Они были бессильны. Они видели, как за неделю погибли двадцать пять немецких дивизий. Они видели карты — карты с кровавыми метками нанесенных врагами ударов. Операция «Багратион» гнала их обратно.

Дemiург, создавший человеко-зверей, — имитатор и фальсификатор. И его создания по природе своей имитаторы тоже. Операция «Багратион» была имитацией. Имитацией «Барбароссы», ее зеркальным кривым отражением.

В июле сорок четвертого Мартин Линц был под Минском. Он не мог отвести своих женщин ни по одному из адресов, указанных в списке газеты. Не мог отвести их к древним арийским кладбищам. Но он мог отвести их к могилам павших в боях.

К свежим, к очень свежим могилам героев.

К гневным духам, тоскующим над своими телами, жаждущим мести. Мать была зачата на свежей, рыхлой земле. В месте гнева, в ночь гнева, среди духов павших героев. Грета Раух родила ее, выкрикивая заклинания и проклятья. Грета Раух назвала ее Гердой. Герда — плененная. Герда — на старонемецком значит «земля». Герда — которую нужно освободить. Которую должны освободить сыновья Люцифера.

14

ОБОРОТЕНЬ — ОХОТНИКУ

Очередной отчет

Произведена серия контактов с представителями компаний–инвесторов.

Названия компаний: «Кай»; «Герда».

Руководство компании: пять объектов с канадским гражданством (из них трое русскоязычны, двое англоязычны); подробные досье на каждого см. в приложении.

Основные интересы компании: инвестиции в науку.

В частности, «Кай» инвестирует в следующие проекты:

- переработка энергии морских волн, течений и приливов
- изменение структуры кристаллов при помощи лазера (в т.ч. «внутренняя огранка» алмаза)
- опреснение морской воды
- проект по эффективному добыванию воды из воздуха
- Компания «Герда» занимается в основном инвестициями в исследования земных недр. При участии «Герды» в последнее десятилетие были организованы следующие экспедиции:
- Антарктида (изучение подледниковых антарктических озер)
- Кунгур (изучение пещерного льда и карстовых структур)
- Кольский полуостров, Крым, Гималаи (ряд археологических и геодезических научных экспедиций «общеисследовательского» профиля)

Скрытый устный тест показал минимальную степень осведомленности объектов в интересующих нас областях. Они знакомы с «Доктриной вечного льда» Гербигера, с теорией Полой Земли (как в ее первоначальном виде, так и в трактовке Мигеля Серрано) и имеют общее представление о целях и задачах, которые ставил перед собой доктор Гейнц Фишер в апреле 1942-го, организовав

экспедицию к южному побережью Балтийского моря, на остров Рюген.

Открытый тест с применением психоактивных веществ показал, что истинной целью «общейсследовательских» экспедиций на Кольский полуостров, в Крым и в Гималаи был поиск входов в Полую Землю.

Положительных результатов ни одна из предпринятых экспедиций не дала.

Открытый тест также подтвердил, что, несмотря на не-арийское происхождение, объекты испытывают к вышеописанным областям искренний научный интерес, не состоят на службе у каких-либо враждебных нам организаций и угрозы не представляют.

После определенного увеличения дозы препарата четверо из пяти объектов назвали причину, побудившую их произвести инвестицию в проект Шприца-Климова «Первый отряд» (все показания сходятся). Инвестиция была произведена после визита в компанию «Герда» представителя японской анимационной студии, который, в случае согласия руководства компании принять участие в проекте, выразил готовность передать им три ценных фотоснимка. Снимки были якобы сделаны офицерами СС в годы Второй мировой войны в Крыму, и на них изображены виды Полой Земли. Изнутри.

В ходе теста объекты продемонстрировали нам все три снимка.

Снимок №1 (ч/б): Башня (не в фокусе) на фоне непропорционально огромной луны.

Снимок №2 (ч/б): Поле, холмы, темные покосившиеся избы, тут же осыпающиеся особняки, помятые гаражи, кирпичные и бетонные строения на сваях. На заднем плане — старая крепость.

Снимок №3 (ч/б): Фрагмент здания. Видна часть стены с осыпающейся штукатуркой, а также часть портика (коринфская колонна, покрытая темными пятнами).

Все фотографии, судя по всему, постановочные (реальных технических возможностей для фотографирования Полой Земли нет и никогда не было, по крайней мере, никогда не поступало информации ни об одной удачной попытке). Снимок №1 явно обработан в фотошопе. Однако, вне всякого сомнения, автор фотографий имеет самое непосредственное представление о ландшафтах исследованной части Полой Земли.

На снимке №1 человек посвященный узнает Границу и башню Высшего Неизвестного (причем башня в расфокусе, т.е. автор знает о ее способности к трансформации).

Снимок №2 — предположительно, панорама Сумеречной Долины, за заднем плане — «замок фон Вольффа».

Снимок №3 — Сумеречный интернат.

Представителя японской анимационной студии, передавшего руководству «Герды» фотографии, позднее найти не удалось (сотрудники студии утверждают, что вышеозначенного представителя не существовало и не существуют; никто из работников либо руководства японской анимационной студии «Four degrees» никогда не командировался в Канаду для переговоров). Можно с

большой долей уверенности утверждать, что мы снова имеем дело с Посланником.

И что проект «Первый отряд» действительно является дружественным посланием-призывом с Той Стороны.

15

ОБОРОТЕНЬ

Мать была зачата на свежей, рыхлой земле. В месте гнева, в ночь гнева, среди духов павших героев.

Грета Раух родила ее, выкрикивая заклинания и проклятья.

Грета Раух назвала ее Гердой — в честь плененной звезды, несущей в себе ледяную пустоту и стремящейся освободиться из плена.

Грета Раух возлагала на Герду большие надежды.

Тем не менее — мать была неудачей. У нее были довольно темные волосы и некрасивый гондванический череп. Она была слишком низкого роста, со слишком узкими, слишком слабыми бедрами. Она жила свою жизнь без цели и идеалов, тускло и вяло, как растение на заброшенном кладбище. Она жила низачем, просто так, по инерции.

Мать была неудачей Старухи, ее смертельным позором.

Мать была совсем не похожа на плененную звездную Герду, в честь которой ее нарекли. Она была похожа на другую, фальшивую Герду — из сказки, которую так не любила Старуха. Она была похожа на тупую, теплую Герду, которая не выносит ледяного величия Полой Земли. На плотскую Герду, которая без сожаления уводит из Полой Земли своего брата Кая, не дав ему выложить из льда слово «вечность», не дав ему вернуться к его ангелической сути. На подлую Герду, которая подсунет ему вместо вечности сосиски и пиво, и свое теплое тело... Из мальчика, который мог бы стать ангелом, она сделает краснощекого бургера с пивным животом. Чтобы он жил низачем, чтобы он прожил короткую, скудную, плотскую жизнь — такую же, как у нее, без цели и идеалов, — и умер от апоплексического удара, от взрыва горячей крови, переполнявшей его.

16

НИКА

Для одиноких людей проверка электронной почты — мазохистский рефлекс, навроде расчесывания комариных укусов. Папка «Входящие». «Обновить». Лишний раз разодрать эту ранку. Убедиться, что, кроме рекламы и спама, тебя ничего там не ждет.

За минувшие пару дней в каминном зале гостиницы появилось еще больше картин в позолоченных рамах. Я сижу в окружении ангелов и удаляю свой спам. Все эти «от кого»: «Одноклассники», тема: «Новые секс-знакомства тут кликни мышкой»; «от кого»: Irish Online-Draws info, тема: You've won 750,000.00 pounds ...

Некоторые письма я сначала даже читаю. В знак признательности за то, что кто-то все же интересуется мною. Кто-то анализирует кее мои запросы в искалках и шлет мне целевую рекламу. «Советские мультфильмы тут самые классные киски». «Это не спам!!!Оккультные тайны Третьего рейха скачать за смс

смотреть видео». «Пионерские песни золотая коллекция МР3». «Поиск любовника tk: Поиск идеального любовника! Пройди тест тут...». «Риттер Ягд. Освободи себе время для подвигов». «Риттер Ягд. Одна таблетка в день заменит тебе...». «Риттер Ягд: это не SPAM никаких консервантов»...

На уроках информатики в интернате нам рассказывали, что слово SPAM изначально — сокращение от SPiced hAM, «острая ветчина». В конце тридцатых оно красовалось на банках с консервированным свиным фаршем, производившимся одной американской компанией. Этими консервами снабжались союзнические войска во время Второй мировой. После войны остались тонны непечатых консервов с истекающим сроком годности. Именно тогда слово «SPAM» появилось на каждом углу. Оно было написано на бортах автобусов и на фасадах домов, оно переливалось в витринах продуктовых и книжных, оно лезло с газетных полос и беспрерывно повторялось по радио. Со временем не только эту, но и любую навязчивую рекламу стали называть спамом. А потом в спаме завелись черви. Так что осторожно, ребята. Не ешьте просроченные консервы и не открывайте e-мейлы с бессмысленной абракадаброй в теле письма. Почтовый червь. Не прикасайтесь. Это программа уничтожения. Он может прийти даже со знакомого адреса. Не прикасайтесь к нему.

...Мои «Входящие» настроены так, что я вижу первые строчки всех писем. В моих «Входящих» извиваются сразу три потенциальных червя. Не открывая, я удаляю послание от адресата «Сильнейший» на тему «члаотя отаеивикто ткыльща ооа стяшмыдяю». Следом за ним — «ссндое доем вьатло ьоблео исаслоудг жтса» от адресата «Дурному». Третье письмо — как раз такое, «со знакомого адреса». Если это и червь, то могильный: podbelslcy33@ gmail.com. Тема: «Re: Без темы». В первой строчке какое-то «Яьътн т!». Это письмо конечно же стоит удалить, не читая.

Но я открываю его. Я должна убедиться, что это именно спам.

«Яьътн т!

Эрьпърчохъ о хмпянспсу эяу юдфс рпчхяшятс чорсфгшсэянг зчлп.

Эд сюашятд онпсъс офъысэянг чтонпмхйчау. Рпсысфцяцнъ рсчохч тяьъщыд пмофятсэсц. Нсфгхс ъц чизъонтс хях рсюьычнг э тсэсц эсцтъ».

Я беру лист бумаги и пишу на нем по порядку буквы русского алфавита. Смотрю на буквы. Смотрю на письмо. Стараюсь заставить свое сердце биться в нормальном ритме. Стараюсь дышать ровнее. Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-вдох-вдох-вдох...

Говорят, ничто не помогает при панической атаке лучше, чем упражнение в каллиграфии. Сосредоточиться на изгибах и линиях, на последовательности их нанесения, на красоте, которую таит в себе знак. В каждой букве — вся гармония мира, обещание порядка и знания, которые победят хаос и тьму... Я стараюсь дышать ровнее, я знаю только четыре древнееврейские буквы, и я записываю их справа налево:

М) Л Л N —

— «алеф», «тав», «бет» и «шин». Это первая и последняя, вторая и предпоследняя буквы древнесемитского алфавита. Нас научили их писать в интернате. Четыре буквы, которые дали название шифру атбаш.

Для использования атбаша не нужен ключ. Нужно просто знать, что букве, имеющей номер N с начала алфавита, соответствует буква, имеющая тот же номер N с конца. То есть первой букве соответствует последняя, второй — предпоследняя, ну и так далее. Тогда А=Я, Б=Ю, В=Э... Тогда полученное мною с адреса podbelsky33@gmail.com послание читается так:

«Агент N1

В переписке с куратором вам было приказано использовать шифр. Вы обязаны строго следовать инструкциям.

Продолжайте поиски Надежды Руслановой. Только ей известно, как победить в новой войне».

Я спокойна. Я дышу глубоко и ровно. Зашифрованное письмо с того света? Вероятность мала. Шифр атбаш — самый древний в мире алгоритмический шифр подстановки. И самый простой. В интернате мы потом изучали и кое-что посложнее... А атбаш может использовать любой человек, мало-мальски знакомый с основами шифрования и умеющий писать и считать. Любой человек, заглянувший в мой белый конверт с документами. Любой человек, взломавший мой электронный ящик и узнавший пароль...

Два часа ночи. Дурное, темное время. Время, когда ничего не стоит рассказывать, предпринимать, выяснять. Время снов... Я выхватываю из кармана мобильник и звоню Эрвину. Два часа ночи. Он не спит. Он говорит свое мягкое «да» после первого же гудка.

— Атбаш, — говорю я.

— Прости, что?! — неподдельное изумление.

— Атбаш.

— Это какое-то израильское приветствие?

— Это шифр. На котором ты написал мне письмо.

— Я не писал тебе писем, — говорит Эрвин.

Он не врет, он встревожен.

— ...У тебя все хорошо? Ты в гостинице? Хочешь, я приеду к тебе прямо сейчас?

Я молча нажимаю отбой. Я поднимаюсь к себе, я оставляю незапертой дверь. Я раздеваюсь, иду под душ и смываю с себя весь пот, грязь, страх, правду и морок этого дня. Я брею под мышками,

чищу зубы и крашу на ногах ногти. Я распечатаваю купленные накануне английские духи, которые, по словам продавщицы, раскроются на мне слой за слоем — и тот, кто будет дышать рядом со мной, в начале вдоха почувствует легкий аромат зеленого чая, ириса, колокольчика и бергамота, затем, в середине, пряность кардамона, розового перца, мандарина и корицы; и в самом конце, уже на исходе вдоха, он втянет в себя густой, дымно-древесный запах белого мускуса, гаитянского ветивера и ливанского кедр. ... Я брызгаю немного духов на шею, запястья

и грудь. Я знаю, что продавщица врала насчет колокольчиков и ветивера, — вероятно, их нет в составе духов. Но это не важно.

Я беру телефон, не одеваясь, сажусь на кровать по-турецки и накрываюсь с головой одеялом. Это мой домик. Мой душный домик без окон, меня в нем никто не увидит. Полтретьего ночи. Дурное, темное время, когда ничего не стоит рассказывать, предпринимать, выяснять... Она не спит. Она говорит свое сухое «хало» после первого же гудка.

Я в домике. Я шепчу в трубку:

— Зачем? Зачем вы мне все рассказали? Чего вы хотите?

Она молчит. Потом выдыхает мне в ухо сухой телефонный треск.

— Шестьдесят четыре, — говорит она.

-Что?

— Шестьдесят четыре года назад японский хирург снимал с моего лица последние швы. Чтобы меня отвлечь, чтобы я не вздрагивала от звуков рвущихся ниток и холодных прикосновений металла, он рассказывал мне о верованиях своих предков. Его предки считали, что имя человека неразделимо с его душой... Шестьдесят четыре года назад я отказалась от своего имени. Предала невиновных и заключила сделку с чудовищами. Шестьдесят четыре года я прожила в молчании и страхе. Я почти позабыла свое настоящее имя... А потом пришла ты — и снова его мне вернула. Ты как ангел, несущий свет истины...

— Еще один ангел?!

— ...Не перебивай, я все-таки тебя вчетверо старше. Мне восемьдесят один год. И я предатель со стажем. Когда ты рассказала, что ты из того интерната, я вдруг поняла, что мне пора перестать бояться земных чудовищ. Земной страх — ничто по сравнению со страхом господним...

— Это все очень поэтично, но...

— ...На Той Стороне я не встречу лицом к лицу с теми, кого предала: такие,

как я, не умирают как воины и не попадают в Сумеречную Долину... Но там, куда отправляются предатели и лжецы... Я уверена, что там меня поджидают чудовища куда более страшные. И возможно, они будут хоть немного милостивее ко мне, если здесь я помогу девочке, которая хочет знать истину. Девочке, которая осталась совсем одна. Девочке, чьих друзей уничтожил мой муж Клаус Йегер.

— Ваш муж?!

— Компания «Риттер Ягд». Не только фаст-фуд. Есть еще медико-биологические программы. Например, «Йегер Йюгенд», «Охотничья молодость» — лекарство, блокирующее процессы старения... Например, проект РА, «Риттер Антворт» — «скажи нет депрессии». Они разрабатывают средство, вызывающее ощущение счастья. «Грипп счастья», по аналогии с вирусом, или, если угодно, «гриб счастья», по аналогии с ядерным грибом, так шутит мой муж. Летучее вещество без формы, цвета и запаха, распыляется в воздухе и удерживается в нем часами, проникает мгновенно через поры кожи и легкие, уже через несколько секунд перестает определяться в крови. В малых дозах — высокоэффективный антидепрессант. В больших дозах — высокоэффективное оружие убийства. У сильного счастья слишком много побочных эффектов. Слишком много адреналина, слишком большая нагрузка на сердце, мозг, легкие, сосуды, нервные клетки... Остаться в помещении, где распылен «вирус счастья», дольше трех-четырех минут смертельно опасно. А уйти невозможно. Разве можно уйти, когда счастье так велико?... Они проводили эксперименты на крысах, потом на обезьянах. Обезьяны и крысы сидели в открытых вольерах и клетках, вдыхали свою смерть и не хотели уйти. Смерть от естественных причин — вот что случалось с крысами и обезьянами, которые испытывали слишком сильное счастье. Вот что случилось с твоими друзьями в интернате «Надежда». Вот что случится со всеми, кому объявят войну...

Я больше не слушаю. Я нажимаю на маленькую красную кнопку, и телефон гаснет. Я сижу в темноте. Я в домике.

В моем домике меня никто не заметит.

В моем домике меня никто не обидит.

Он заходит без стука, он обнимает меня вместе с домиком, потом он бережно его разрушает. Он стягивает с меня одеяло, он залезает ко мне, он говорит:

— Ты пахнешь корицей и кедром.

Когда все заканчивается, он водит рукой по моей голой спине и шепчет:

— У тебя здесь звездное небо...

У меня много родинок, и при желании в них действительно можно разглядеть пару созвездий.

— Ты уже говорил, — шепчу я.

А потом спрашиваю:

— Как же учитель йоги? Как же «семечки»? Ты нарушил его инструкцию,

потерял свою силу...

Несколько секунд он смотрит на меня так, будто не понимает, о чем я. Потом накрывает нас с головой одеялом и говорит:

— Черт с ним, с учителем.

Мы в домике. Нас здесь никто не заметит. Нас здесь никто не обидит.

Нас здесь никто не услышит — и я рассказываю ему про счастье, убившее крыс, обезьян, а потом людей, которых я очень любила. И про атбаш, четыре древнееврейские буквы. И про письмо от «куратора», которому я не закрыла остекленевшие глаза тогда, на ступеньках, ведущих от монастыря к морю. И про задание найти Надю Русланову, которое я не могу выполнить, потому что Надя мертва.

Он долго молчит. Мы тихо лежим, накрывшись с головой, в нашем домике и дышим общим, теплым и влажным слоистым воздухом. В начале вдоха мы чувствуем легкий аромат зеленого чая, ириса и бергамота. Затем, в середине, пряность кардамона, розового перца, корицы и мандарина. И в самом конце, уже на исходе вдоха, мы втягиваем в себя густой, дымно-древесный запах белого мускуса, ливанского кедра, спермы и пота.

Потом он спрашивает:

— Этот Подбельский, он был твоим учителем, Ника?

Я молча киваю, он не видит, но чувствует, как я молча киваю.

— Тогда, — говорит он, — я могу тебе только повторить то, что мне говорил мой учитель. Он говорил: «Настоящий учитель не дает ученику невыполнимых заданий. Но однажды он дает задание, для выполнения которого ученику приходится умереть».

17

ОБОРОТЕНЬ

Расчесывание волос деревянной гребенкой, аудиозаписи с шумом морской волны или ветра, шевелящего листья, тихая музыка, тихие колыбельные на ночь, нежные или страшные, про домашних полосатых котов, качающих малышей в колыбели, и про диких волков, уносящих бессонных детей в чащу леса... Ничего этого не было.

Совсем ничего.

Каждый вечер Старуха наполняла ванну холодной водой. Она кидала в воду кубики льда — три десятка прозрачных, идеально ровных, сияющих кубиков.

Она говорила:

— Пора играть с кубиками! Детская игра начинается!

...Игра длилась, пока пальцы не теряли чувствительность. Пока суставы не теряли подвижность. Пока тысячи льдистых

иголок не переставали больно колоться. Пока не стихала дрожь, пока не замедлялось дыхание и биение сердца... Игра длилась, пока кожа не становилась чуть синеватой — такой, точно в жилах текла голубая холодная кровь люциферитов.

— Нужно впустить в себя холод, — говорила, сидя на краю ванной, Старуха.
— Впустить в себя холод и ему не противиться. Холод — признак мертвого и посвященного. Тела йогов и колдунов оледеневают по мере пробуждения энергии Врил... Лед спасает от Вечного Возвращения Одного и Того же, лед дарит покой, лед дарит тишину и покой...

Когда игра с ледяными кубиками заканчивалась/когда можно было закутаться в два одеяла, когда кожа вновь становилась розовой, а дыхание частым, Старуха принималась рассказывать свои странные сказки. Одна из них называлась Вельтайсмэрхен.

Сказка о мировом льде.

Сначала было Солнце. Гигантский огненный шар, вертящийся в Пустоте. Когда-то давно, до начала истории, до начала всего, этот огненный шар поглотил разлитое во Вселенной ледяное сияние. Вселенная опустела.

Много веков, много тысячелетий было лишь Солнце и Пустота, и ничего больше. Но потом Пустота восстала и породила Луну. Это был еще один шар, огромный и ледяной. Он проник в самый центр огня, туда, где с начала времен покоилось ледяное сияние, — и взорвал Солнце.

Из осколков возникли звезды, тысяча звезд. И среди них была Герда. Наша Земля....

— Эта сказка уже была! Про Герду, которую захватил в плен Демиург!

— Нет, это не та сказка, — возражала Старуха. — Это другая.

— Но тоже про Герду? — Да.

— И какая же из них правильная? В какой говорится правда?

— Чтобы познать истину, нужно услышать все сказки.

И она продолжала.

...Из осколков возникли звезды, тысяча звезд. Новое Солнце.

И четыре новых луны. И еще появилась Герда, наша Земля.

Тело Герды было горячим, как солнце, но ее сердце было ледяным, как луна. Это сердце из льда — оно жаждало освобождения. Оно хотело стать свободной луной, выбраться из горячей солнечной кожи. Оно призывало на помощь — пока, наконец, одна из четырех лун не стала приближаться к Земле, чтобы спасти ее плененное сердце.

Эта Луна — она была как гигантский магнит. Она хотела вырвать, хотела вытянуть из теплого тела Герды ее ледяное ядро.

Хотела, чтобы сухая землистая кожа трескалась и разрывалась по швам, распираемая изнутри кипящей, дымящейся лавой, раздираемая корнями гигантских, буйно растущих, растекающихся перегноем растений, разрыхляемая копытами и когтями многолапых, тяжелых, уродливых, быстро плодящихся и столь же быстро разлагающихся животных... Она хотела, чтобы Земля породила гигантов, ее разрушающих. Она хотела, чтобы Земля взорвалась, извергнув из себя ледяное плененное сердце.

Эта Луна — она была как гигантский магнит. Эта Луна — он заставляла Герду плодить гигантов... Эта Луна — когда она приблизилась к Герде вплотную, когда она нависла над Землей, заслонив собой небо, когда ледяное сердце земли готово было вырваться из рыхлого распухшего тела, — эта Луна соприкоснулась с огненной кожей Земли и взорвалась фонтаном сияющих ледяных брызг.

В холодном сиянии погибли порожденные Гердой гиганты. Погибли комары размером с собак и собаки размером с жирафов, погибли огромные ящеры и заслонявшие солнце птицы, погибли цветы и деревья, вмерзли в лед тридцатиметровые рыбы... Но лед постепенно растаял — и все началось сначала.

Тело Герды снова стало горячим, как солнце. Но ее сердце было ледяным, как луна. Это сердце из льда — оно жаждало освобождения. Оно хотело стать свободной луной, выбраться из горячей солнечной кожи. Оно призывало на помощь — пока, наконец, одна из трех лун не стала приближаться к Земле, чтобы спасти ее плененное сердце.

Эта Луна — она была как гигантский магнит. Эта Луна — она заставляла Герду плодить гигантов. Эта Луна — когда она приблизилась к Герде вплотную, когда она соприкоснулась с огненной кожей Земли, она взорвалась фонтаном сияющих ледяных брызг. В холодном сиянии погибли порожденные Гердой гиганты. В холодном сиянии погибли древние великаны..

Тело Герды снова стало горячим, как солнце. Но ее сердце было ледяным, как луна. Это сердце из льда — оно жаждало освобождения.

Третья Луна взорвалась, как и первые две.

Третья Луна не смогла спасти ледяное сердце Герды из плена...

Последняя Луна уже приближается к нам. Последняя Луна — та самая, что вы видите в небе. Последняя Луна больше трех своих погибших сестер. Она отомстит за всех, она спасет ледяное сердце из плена...

— И что, мы станем гигантами? Мы станем ростом с деревьев?

— Возможно.

— И что, мы взорвемся? Мы погибнем, когда луна спасет сердце Герды из

плена?

— Дстойные не погйбнут, они лишь освободятся вместе с ледяной всепронзающей силой. Дстойные разорвут цепи Вечного Возвращения Одного и Того же. Дстойные впустят в себя холод и станут править Полрой Землей.

Спустя несколько лет, когда началось настоящее обучение, стало понятно: Вельтайсмэрхен не была просто сказкой. Это была доктрина австрийского инженера Ганса Гербигера: Вельтайслере, доктрина вечного льда. Адаптированная для младшего школьного возраста.

Равно как и все прочие сказки Старухи.
Обучающий материал. Никаких развлечений.

ПОЛАЯ ЗЕМЛЯ

Путь к границе был долгим, земля вязкой, а воздух густым. Но мальчик, который уже начал забывать свое имя, приходил туда часто. Там, у самой границы, стояла Спасская башня с часами без стрелок и с утонувшей в сером тумане звездой.

Мальчик смотрел на пустой циферблат и ждал девочку, чье имя он помнил всегда.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

«Иногда загробное путешествие шамана происходит во время каталептического транса, имеющего все внешние признаки смерти. Так выло с одним шаманом на Аляске; он рассказывал впоследствии, что умер и два дня шел по дороге умерших: эта дорога была хорошо утоптана теми, кто про – шел перед ним. В пути он все время слышал плач и жалобы; он узнал, что это живые оплакивают своих умерших. Он пришел в большую деревню, во всем похожую на деревни хсивых; две тени ввели его в жилище, посреди которого пылал огонь, а на раскаленных углях жарилось несколько кусочков мяса; у теней, однако, были живые глаза, которыми они следит за движениями шамана. Его спутники запретили ему трогать лысо (шаману, попробовавшему яства в стране умерших, было бы нелегко возвратиться на землю)».

Мирна Элиаде, «Шаманизм: Архаические техники экстаза»

«Пришла пора выбирать, с нами вы или против нас. Гитлер расчистит политику, Ганс Гербигер выметет ложные науки. Доктрина вечного льда будет знаком возрождения немецкого народа! Берегитесь! Становитесь в наши ряды, пока не поздно!»

открытое письмо Ганса Гербигера к ученым Германии и Австрии

1
НИКА

Его вспоротое нутро пахнет гнилью и мышиным пометом. Я шарю руками во влажных внутренностях дуба черешчатого и нащупываю свой мяч.

Мой красный мяч, его никто не забрал — ни пес, ни ребенок. Я забралась сюда первая. Как в пустую могилу, ждущую своего мертвеца.

— *Хочу маленький красный мяч. Там, куда хочешь уехать, есть этот мяч?*

— *Да, конечно.*

— *Ты мне его хочешь забрать?*

— *Не забрать, а купить, Амиго.*

— *Ты мне его хочешь купить?*

— *Обязательно. Я куплю тебе такой мяч.*

— *Спасибо, Ника! Спасибо тебя. И спасибо меня.*

С мячом в руках я снова иду к улице Штайнплаттенвег через парк Платнерсберг по асфальтированной ровной дорожке. По левую руку тот же луг одуванчиков, по правую те же дубы, и только небо другое. Сегодня небо здоровое, лазурно-матовое, как глаз фарфоровой куклы. А солнце скучное и въедливое — и ее пряничный дом уже не кажется сказочным. Просто дорогой дом.

Я останавливаюсь у чугунных ворот с львиной мордой и нажимаю на домофонную кнопку. Я говорю, обращаясь к плющу:

— У вас есть бассейн, Зинаида Ивановна? В таком доме, как ваш, обязательно бывает бассейн.

Переговорное устройство изумленно сопит. В чугунной двери что-то щелкает, она дрожит и стрекочет. Я дергаю за кольцо, торчащее в носу льва, и дверь отворяется.

Она идет ко мне через сад. В ее волосах — бутон розы. Она похожа на седую цыганку из дешевого сериала.

— Бассейн есть. Там, за домом. Ты хочешь поплавать? — Она опасливо косится на мой красный мяч, потом смотрит на небо. — Почему нет, сегодня действительно неплохой день...

— Вы можете сделать температуру воды 36 градусов? Вы можете накрыть бассейн тентом?

Теперь она смотрит только на мяч.

— Зачем тебе нужен бассейн?

— Чтобы попасть на Ту Сторону, — говорю я. — А вы мне поможете. Вы будете моим проводником в Сумеречной Долине.

Она смеется.

Впервые я слышу, как она смеется, громко и хрипло, точно сериальный злодей. Она так смеется, что по ее щекам текут слезы. Бутон трясется в седых волосах, потом срывается и падает нам под ноги, на гравий.

— Живые туда больше не попадают, — говорит она, отсмеявшись. — Считаю, что нам отказано в визах без объяснения причин. Мы все теперь невъездные... И это, если честно, неплохо.

Она все еще слабо пофыркивает. Она протирает лицо бумажной салфеткой и отбрасывает носком туфли бутон с гравиевой дорожки в траву.

— ...После сорок пятого года граница закрылась. Никто не мог туда больше попасть — ни немцы, ни русские, ни японцы, никто. Закрылись все входы. Раствор для некропортала потерял эффективность. Его, разве что, можно было использовать в качестве жидкости для омывания стекол. В остальном пользы для путешественников — ноль. Раствор вводили в вену, как раньше, но путешественники либо просто не возвращались, либо рассказывали про пресловутый туннель со светом в конце... Меня тоже пытались отправить туда еще раз. У них не вышло. У них не вышло — и я совсем не жалею...

Мы подходим к бассейну. Он отражает фарфоровую лазурь неба. Рядом с бассейном — шезлонг и белый пластмассовый столик. На столике недопитый свежавыжатый сок из моркови... Красивая жизнь, что-то похожее я видела в кино. В следующей сцене в бассейн обычно падает окровавленный труп.

— ...В пятидесятые они испробовали новый метод. Они накачали путешественника ЛСД. Потом поместили его в камеру сенсорной депривации...

Я сажусь на бортик бассейна и опускаю руку в нагретую солнцем воду. Потом подношу руку к носу — она пахнет хлоркой. Сливаю одну каплю — безвкусно.

— Вы могли бы спустить эту воду и налить вместо нее другую?

— Вода совершенно чистая, милочка. Она налита сегодня с утра.

— Я верю. Но мне она не подходит. Мне нужна плотная, как в КСД. Как в камере сенсорной депривации.

Она качает головой. Она говорит:

— Бесполезно. Тот путешественник, он даже не смог перейти границу. Он сказал, там что-то такое... Вроде непробиваемой гигантской стены. И нет входа.

— Вода с морской солью, — говорю я. — Мне нужна вода с морской солью.

— Ты меня что, не слушала?

— Нет, а зачем? Если вы оформите срочную доставку, мы сможем наполнить бассейн уже часа через два.

Она багровеет от возмущения. Она открывает рот, чтобы что-то сказать, потом закрывает его, идет в дом, возвращается через пару минут.

Она говорит:

— Соль привезут через час. У тебя есть время подумать о том, насколько все это бессмысленно. К тому же у тебя нет костюма.

— У меня есть две трубки для дайвинга. — Я открываю рюкзак. — Для меня и для вас.

— Для меня?! — пугается она от края бассейна, как будто я собираюсь столкнуть ее в воду. — Для меня? — Она садится в шезлонг. —■ Мне восемьдесят один год. Зачем мне трубка для дайвинга, милочка?

— Мы погрузимся под воду. Мы попробуем один способ. Мы с вами...

Она усмехается.

— Не будет никаких «мы». Даже если бы тебе и вправду удалось найти способ... Особенно если бы тебе удалось. Я не хочу туда возвращаться. Там ад.

Она залпом допивает свой сок из моркови, поднимается и идет к дому.

— Не рассчитывай на меня ни в чем, что касается Полой Земли.

Она уходит. Я сижу на краю бассейна и пишу смску. «Эрвин, я пробую решить транспортную проблему. Хочешь узнать адрес

продажи билетов?»

2

ОБОРОТЕНЬ

Нас учили по картам.

У нас были и есть достаточно подробные карты Полой Земли. Не всей, конечно, — но, по крайней мере, приграничных территорий и той зоны, где располагается Сумеречная долина. Эти карты были в свое время составлены по свидетельствам тех сотрудников, которым удалось войти внутрь через входы в пещерах и гротах (пока они не закрылись), а также на основании информации, полученной от Путешественников, которые отправлялись на ту сторону при помощи «некропортала» («Спутника 01»). Химическую формулу раствора для некропортации передала в «Аненербе» Эльза Раух: еще в 38-м она была внедрена в научную группу Александра Варченко под именем Елизаветы Рауле.

Информации, полученной от Путешественников, в «Аненербе» доверяли несколько меньше, чем информации от тех, кто проник на Ту сторону непосредственно через натуральные входы. Считалось, что химический раствор, введенный в кровь Путешественника, ограничивает и значительно искажает его восприятие. Однако даже противники некропортации вынуждены были признать, что такая форма позволяет Путешественнику продвинуться куда дальше.

Неоценимый вклад в формирование нашего представления о Полой земле внесла Зинаида Ткачева, так называемый «некро-агент г». Никому ни до, ни после нее не удавалось пробыть на Той стороне так долго, оставаясь при этом — биологически — в живых. Этот феномен доктор Георгий Греф, отвечавший за эксперимент, объяснял наличием тесной ментальной связи между «некроагентом» и погибшими членами организации «Первый отряд». Выдвигалась также гипотеза, что свою роль сыграла неосведомленность Путешественника о процессе Путешествия...

3

НИКА

...Я в невесомости. Я ничего не вижу, не слышу, не обоняю. Я исчезаю, я не чувствую своего тела. Она исчезает, она не чувствует своего тела. Она лежит лицом вниз, раскинув руки, как морская звезда, ее глаза крепко закрыты. Рядом с ней лежит на воде еще один человек. Он обещал ей, что будет ее защищать. Он обещал, что не оставит ее одну. Они держатся за руки. Они тянут воздух через трубки для дайвинга. Между ними покачивается небольшой красный мяч.

Вода соленая, вода должна такой быть. Как будто в море, где живут афалины. Вода соленая, но Ника не чувствует этого, даже когда открывает глаза. Она не чувствует соли. Она не видит того, кто лежит на воде рядом с ней, и больше не чувствует его руку. Она не видит под собой кафельного дна бассейна. Она одна в пустоте.

— Я принесла тебе мяч, — говорит она в пустоту. И не слышит ответа.

— Я принесла тебе мяч, — повторяет она. — Амиго, хороший мальчик. Я принесла тебе мяч.

Амиго нет. Она зовет его снова и снова, но он не приходит.

Тогда она заставляет себя погрузиться чуть глубже.

Тонущих в море дельфины толкают к берегу. Это общее место. Это их дельфиний рефлекс. Ее трубка для дайвинга заполняется соленой водой. И тогда он, наконец-то, появляется и толкает ее. Не к поверхности бассейна, а внутрь.

Он впускает ее внутрь, как и раньше.

У него серо — так серо, как не бывает серо даже в самую пасмурную погоду, так серо, как бывает только в предрассветном, тяжелом сне... У него холодно. Пахнет сыростью, влажным пеплом, древесной трухой и грибами.

Он говорит:

— Не дыши, а то задохнешься. Постарайся совсем не дышать.

— Хорошо... Я принесла тебе мяч, — отвечает Ника.

— Расскажи мне, какой он. На этой стороне я теперь ничего не вижу. Но если ты скажешь, я смогу его увидеть и взять.

— Он красный, довольно маленький, блестящий и гладкий.

— Спасибо тебя, — отвечает Амиго. — Наверное, я такой и хотел. Теперь не хочу. Теперь хочу черный. У тебя есть еще черный?

— Черного нет, Амиго.

— Тогда хочу плыть обратно. На ту сторону. Тут слишком светло.

— Возьми меня с собой на ту сторону. Меня и того, кто со мной. Совсем ненадолго.

— Нет.

— Нам очень нужно.

— Нет. Там плохо. Не надо.

— Амиго, пожалуйста.

— Пожалуйста — просто слово. Но я не помню, что оно значит.

— Это слово говорит тот, кто просит. Оно помогает получить то, что он хочет.

— Хорошо, — говорит Амиго. — Я беру тебя. Но тот, кто рядом с тобой... Не хочу его впускать. Не хочу его брать. Плохой человек... Тот, кто рядом, плохой человек...

Серый цвет становится гуще и как будто влажнее.

— ... Говорил плохие слова... Делал огонь...

Его серый теперь как ртуть. Лоснящийся и текучий, и пахнет железом, а может быть, просто кровью.

— ...Плохой дрессировщик... Называет одно другим... Хочет называть одно другим...

— Я прошу тебя, Амиго, прости его, — говорит Ника. — Возьми его тоже. Мы хотим попасть на ту сторону вместе. Он будет меня защищать. Амиго, пожалуйста.

— Хорошо, — говорит Амиго. — Я прощаю его. Я беру его... Сколько времени ты можешь не дышать?

— Я могу не дышать триста секунд.

— Не дыши. Мы хотим успеть.

4 ОБОРОТЕНЬ

...Как бы то ни было, именно некроагенту институт «Аненербе» был обязан рядом ценных и интересных данных, как-то:

— расположенная на Границе башня Высшего Неизвестного действительно исключительно аморфна по своей структуре и имеет свойство трансформироваться в соответствии с восприятием, типом личности, социокультурным «багажом» и сформированными в течение жизни стереотипами наблюдателя, «зрителя».

— это же утверждение в какой-то мере (безусловно, куда меньшей) можно отнести и ко всему исследованному нами пространству Полной Земли. Данное пространство

следует рассматривать как относительно гибкую структуру, своего рода результат воздействия «коллективного бессознательного», этакий конструктор, из которого обитатели Полой Земли выстраивают и перестраивают место своего обитания.

— Тем не менее, такое воздействие обитателей на среду обитания весьма и весьма ограничено, так как оно распространяется исключительно на формальные, внешние ее свойства и не формирует внутренних, глубинных законов.

— Пространство Полой Земли находится в постоянном взаимодействии с реальным, внешним миром. Это своего рода сообщающиеся сосуды. Любое качественное изменение с одной стороны отзывается тем или иным изменением с другой.

В начале сороковых годов приобрела необычайную популярность лѳвсезвсѳпс, «теория нарыва». Основанная на простой аналогии (Эта сторона — кожа или слизистая, Та сторона — то, что внутри), она сводилась примерно к следующему. Повреждение или инфекционное заражение наружных покровов приводит к образованию подкожного нарыва, образуется своего рода «гнойный прыщ», затрагивающий уже оба слоя, и поверхностный, и наружный. Лечить такой прыщ системно можно, но иногда достаточно на него просто с силой надавить — и произойдет очищение.

Не случайно операция «Меч возмездия» (1942 г ., битва под Демьянском) носила также название «Операция очищения». Предполагалось, что это и будет своего рода надавливанием на прыщ. Жаждающий отмщения рыцарь выпустит наружу воспаленный перегной Полой Земли, мертвые и живые смешают свою кровь — и мир очистится...

...Так нас учили. По учебникам, написанным только для избранных, по рукописям очевидцев, по архивным документам, по картам. В том, что касалось Той стороны, нам давали только теорию. Не было и не могло быть никакой практики.

Потому что все входы закрылись давно, сразу после Второй мировой.

Потому что некропортал потерял свою эффективность тогда же.

Никто не знает, что творится сейчас на Той стороне.

Единственный контакт состоялся несколько лет назад у Старухи. С Мартином Линцем. Она увидела его своими слепыми незакрывающимися глазами, погружаясь в мучительный сон. Он говорил, а она корябала его слова на бумаге кривым птичьим почерком.

«Я почти овладел энергией Врил. Я имею влияние на Высшего Известного. Ждите послания. хМы поможем вам в вашей новой войне. Произойдет очищение.

Я прошу за это единственную награду.

Когда одна сторона превратится в огонь, а другая в лед, когда входы откроются, я хочу вернуть свое тело.

Я устал от бесплотного морока Полой Земли. Я хочу быть настоящим арийцем. Сверхчеловеком во плоти и крови».

Следующим утром она отнесла эту бумагу Клаусу Йегеру. Он не любил абстракций. Древние легенды, оккультные ритуалы, недоказанные теории и высокие идеалы — все это не умещалось (и никогда не уместится) в его крохотном скудном мозгу. Бессмертие души его мало тревожит — его привлекает бессмертие тела. «Поменьше эстетики, побольше генетики» — вот его любимая при-сказка. Он слишком ограничен для Истины — но все, что касается физиологии, биологии, биохимии, одним словом, грубой матери-альной телесности, интересует его чрезвычайно. Ученым, работа-ющим на него в «Риттер Ягд», в этих областях нету равных.

Он прочитал то, что было написано у нее на бумаге.

г— Впервые за годы нашего сотрудничества, фрау Грета, вы ставите передо мной действительно интересную задачу. Я попы-таюсь. Действительно попытаюсь восстановить его тело. Но вы должны понимать: мне не вдохнуть в него жизнь.

Она презрительно скривила сухие бледные губы:

— Вдыхать жизнь — не вашего ума дело.

5 НИКА

Она выходит из моря. Амиго смотрит на нее из воды пустым тусклым взглядом.

Вода холодная, свинцово-серая и неподвижная, как набро-шенный на покойника саван. Серое небо сливается с серой водой, горизонта нет. Далеко в море чернеет скала с изъеденной туманом, почти невидимой башней.

Она озирается:

— Он что, не смог?...

— Смог. Но он оставил тебя, — отвечает Амиго. — Ты ему не нужна. Он хотел просто попасть сюда.

— Зачем?

— Не знаю. Он называет одно другим. Я говорил, что не хочу его брать.

— Где мы, Амиго?

— Мы на границе. Уже по ту сторону.

— Мне говорили, что граница другая...

— Моя граница такая, — отвечает Амиго. — У всех своя... Я ухожу, но скоро хочу возвращаться. Ты не можешь долго здесь быть.

— Амиго, — говорит Ника. — Мне хочется вдохнуть воздух. Мне уже можно дышать?

— Нельзя. Захлебываешься там, где бассейн. Тогда остаешься здесь навсегда. Не дыши. Считай секунды и не дыши.

— Амиго, — говорит Ника. — Мне можно тебя погладить?

— Нельзя. Невозможно. Но ты можешь представить, каким я был.

— Резиновый, как автомобильная шина...

Амиго молча уходит под воду — точно проваливается в металлическое желе. Она остается одна.

Она бредет вдоль кромки воды, босиком, и под ее ногами хрустят и крошатся сухие водоросли, сухие креветки, и крабы панцири, и птичьи перья, и рыбы хребты. Она считает секунды. Тридцать одна, тридцать две, тридцать три...

А потом туман вдруг рассеивается — резко, будто лопается пузырь с серой желчью.

Теперь она видит линию горизонта. И прямо над горизонтом, прямо над морем, прямо над собой она видит огромную, почти во все небо, луну. Червивую, гнилую луну, похожую на шляпу гигантского гриба-подосиновика. Гнойно-желтую луну, источенную темными пятнами океанов. Эта луна, она нависла так низко, что, кажется, ее океаны вот-вот прольются в холодное неподвижное море.

Ника все еще в оцепенении смотрит наверх, когда без звука, без единого всплеска, точно нож в масло, в берег втыкается нос деревянной лодки. На борту трое. Она видела их на фотографии в спальне Ткачевой. Леня, Валя, Марат — они и сейчас точно фрагменты поблекшей черно-белой картинки. Их волосы серые, такие же серые, как это серое море. Их кожа бледна, их кожа полупрозрачная, сухая и тонкая, точно лица обернуты в рисовую бумагу. Их глаза неподвижны. Они не моргают.

Все трое смотрят на Нику.

Потом они медленно, с явным усилием заслоняют свои рисовые лица руками. Как будто их слепит яркий свет. Как будто от нее исходит сияние.

— Прости, — произносит Леня монотонно и тихо. — Прости, мы ошиблись...

Он говорит неуверенно, как иностранец. Точно значения произносимых им слов от него ускользают. Точно он силится вспом-

нить давно забытый язык.

— ...Мы приняли тебя за другую...

— Я ищу Надю, — шепотом говорит Ника. — Мне нужна Надя.

Они неподвижны.

— Надежда Русланова, — говорит она громко. — Она должна быть вместе с вами.

— Ее здесь нет, — произносят они все хором. — Ее с нами нет... — Они берутся за руки. — Потому что живым здесь не место... Ты говоришь слишком громко... Ты слишком яркая... Живым здесь не место...

Она спрашивает:

— Почему здесь такая луна?

И они говорят:

— Потому что сбывается то, что предсказано.

Она спрашивает:

— Что предсказано?

И они говорят:

— Обратись в министерство. Обратись в министерство....

Они отрываются от земли. Они кружат над морем, кружат под червивой луной в тихом медленном хороводе, как сонные чайки. Они указывают на темную скалу с башней:

— Обратись в министерство...

Теперь, когда туман спал, башню можно хорошо разглядеть. Она тонкая и высокая, с перетянутыми стальными тросами кольцевыми сечениями. Она словно телескопический спиннинг, развернутый во всю длину, но направленный удилищем не в море, а, наоборот, к небесам. Параболические антенны облепили верхушку, как грибы-паразиты. Как приманка для заслоняющей небо гигантской луны-

Ника смотрит на холодное море.

— Мне не доплыть до той башни.

— Не надо плыть!..Плыть не надо!.. — доносятся до нее крики чаек. — Ты

слишком много моргаешь, не моргай, пусть твои глаза остановятся, пусть твои глаза будут все время открытыми, так они смогут больше увидеть. Так они смогут увидеть, что это не вода. Это лед. Смотри, лед!..

И она идет к башне по льду. Она считает секунды. Двести пятьдесят три. Двести пятьдесят четыре. Двести пятьдесят пять...
она жива

— Запрещено, — говорит ей на входе привратник.

Он щурит глаза. Его глаза точно узкие щелки, заполненные чем-то темным и маслянистым, как нефть.

она живая

— Запрещено, — повторяет он механическим голосом. — Слишком много света. Может прерваться трансляция. Живым здесь не место. Здесь все работает от генератора. Много света нельзя. Живым здесь не место...

и адеюсь

Она говорит:

— Мне нужно узнать предсказание.

— Много света нельзя. Живым здесь не место. Если хочешь зайти, не дыши. Иначе запрещено. Иначе может прерваться трансляция...

сколько она пробыла под водой

— Я и так не дышу.

Привратник вяло изучает ее лицо.

шесть минут

— Тогда можешь входить.

Он пропускает ее и сам направляется следом.
*может быть семь
или восемь*

Они внутри. В помещении, похожем на телестудию. Полумрак. Софиты выхватывают из темноты лишь один дальний угол. Там, в углу, прямо на бетонном полу, привалившись к стене, в мертвенно-голубой луже света, сидит человек. Он закрывает лицо

руками. Он очень большой. Даже сидя он достает головой до середины стены...

— Тишина в студии, — доносится механический голос откуда-то сверху, из невидимого динамика. — Идет запись. А-а-а-плодисменты!..

— Хлопай в ладоши, — шепчет привратник Нике.

как вы допустили

Она послушно ударяет ладонь о ладонь, но получается тихо и медленно, точно она аплодирует под водой.

— ...А-а-а-плодисменты!.. Раз-раз... Раз-раз... Все новых гигантов порождает Полая Земля по мере приближения к ее поверхности последней луны. Бурный рост — начало начал или начало конца? Этот вопрос занимает сегодня каждого...

вызови скорую

На стене позади сидящего человека включается огромный экран. Беззвучно мелькают кадры ускоренной съемки: коричневые ростки пробиваются из сухой мерзлой почвы, стремительно увеличиваются в размерах, обрастают потрескавшейся корой, вздымаются вверх, к заслоняющей небо луне... Полупрозрачные насекомые вылезают из трещин в коре, вцепляются в стволы зеленоватыми хрусткими лапами, растут на глазах, срываются, пытаются лететь вверх, но тонкие крылья не могут удержать в воздухе их раздувшиеся тела, и они падают на ледяную землю, и ползут по льду прочь, и продолжают расти, расти...

уже

— А-а-а-плодисменты!.. Раз-раз... Раз-раз... Итак, тема нашего выпуска: «Дети луны». Да-да, те самые. Дети, о которых не принято говорить вслух. Дети, которые начали появляться недавно. Дети, которые родились здесь. В Полной Земле. Кому-то из нас они дарят надежду, другим же кажутся предвестниками окончательной гибели...

как вы допустили

— ...Давайте же во всем разберемся. А-а-а-плодисменты!.. Поприветствуем нашего гостя!

Экран на секунду меркнет, затем на нем появляется ^ сколько раз увеличенное изображение лица человека, сидя- .Л) о на полу. Он все еще заслоняется руками.

— А-а-а-плодисменты!..

Человек медленно отнимает от лица руки и принимается хлопать. Это ребенок лет семи...

Господи, прости

...только очень большой. Огромный. У него бледное, слегка асимметричное лицо и скошенный даунический подбородок. У него тусклые неподвижные глаза и сухой, растрескавшийся рот.

— Здравствуйте, — говорит он монотонно. — Я хочу передать привет в первую очередь своему папе. Я хочу выразить благодарность всем и особенно Центральному Генератору и луне за предоставленный шанс...

Я думала, вы же были вместе

В динамике раздается громкий щелчок.

— Мы зададим тебе несколько вопросов, дитя. Ты не против?

— Нет.

— Где ты родился?

— Я родился здесь, в Поллой Земле.

Когда ты родился?

— Я родился вне времени.

— Ты знаешь, что многие жители Поллой Земли боятся таких,

как ты?

-Да.

— Как ты думаешь, почему?

— Раньше в Поллой Земле никто не рождался.

— Тебя обижают за то, что ты родился здесь?

-Да.

— Что тебе говорят твои обидчики?

— Они говорят, что я... урод.

— Что еще?

— Они говорят: «Здесь не место живым».

— И что ты отвечаешь?

— Что я не живой.

старая дура

— Это правда, что ты и тебе подобные вышли из Вечного мрака?

— Нет... Я не знаю. Не знаю, откуда я взялся.

— Это правда, что вы — предвестники окончательной гибели? Что вы явились возвестить ее?

— Нет. Не думаю.

— Но ведь вы явились с пророчеством? — Да...

— Кто открыл вам это пророчество?

— Не знаю. Мы просто... родились уже с ним. Мы просто знаем его с рождения.

— В чем смысл пророчества? Объясни.

— Я не знаю, в чем смысл, — хнычет ребенок.

— Ты не знаешь, в чем смысл пророчества, которое ты принес в мир? Но ты хотя бы можешь повторить его, четко и внятно?

— Не знаю... Све-е-ет... — хнычет он все громче. — Пожалуйста, уберите све-е-ет. Мне слишком ярко...

ее нужно вытащить

По экрану идет серебристая рябь.

— Порядок в студии! — произносит механический голос. — Темнота в студии! Живым здесь не место.

— Живым здесь не место, — шепотом повторяет Нике привратник. — От тебя слишком светло. Я ошибся. Я сказал тебе не дышать. Я создал помехи. Исправить ошибку. Я должен исправить ошибку. Дыши. Сделай очень глубокий вдох.

Она делает вдох. Она тянет в себя густой и соленый, точно наполненный стеклянными крошками, воздух.

— А-а-а-п лодисменты!..

Теперь она в горячем свете софитов. Она садится на корточки. Она пытается вытолкнуть из себя заполнивший ее воздух. Но он как клей. Он застывает внутри мгновенно, и от него не избавиться.

Как она

— ...Теперь тебе лучше, малыш?

— Да, спасибо.

— Не так ярко? — Да.

Не дышит

...Она не может дышать. Она ложится на каменный пол. я сделаю искусственное дыхание рот в рот

Привратник наклоняется над ней и целует ее сухим ртом прямо в губы. Потом он ставит ей негу на грудь и давит, давит кованой подошвой ботинка.

Может быть массаж сердца

— ...Теперь ты можешь повторить нам пророчество?

— Гиганты, вышедшие из-под земли, возвестят начало конца...

бесполезно

— Стоп. А-а-а-плодисменты нашему гостю!..

пульса нет

— ...Предотвратить конец может лишь примирение пяти первых, двух одинаковых и одного рыцаря на границе миров в присутствии неизвестного. Тогда в знак примирения все сложат оружие. Если же хоть один из пяти не явится на свое место в час примирения, или хоть один не сложит оружие, Рыцарь совершит казнь мечом, как это уже было, и настанет конец. И одна сторона превратится в огонь, а другая в лед.

Глаза

Посмотри на ее глаза

— Зачем ты вдохнула? Ты вдохнула воду. Теперь мне трудно вернуть тебя. Я стараюсь. Но мне очень трудно.

зрачки не реагируют на свет

— А Эрвин?

— Тот, которого ты привела? Который называет одно другим?

— Да, тот. Где он?

— Я уже вернул его обратно.

— Зачем, Амиго?

— Не понимаю этот вопрос.

какая-то пена

— Зачем ты вернул его? Он ведь плохой. Ты сам говорил. Ты мог оставить его здесь навсегда.

— Ты бы хотела оставить его здесь?

— Да. Он обманул меня. Да.

— Оставить здесь — значит убить.

это значит, в легких вода

— Я знаю, Амиго.

Его серый мир на секунду совсем темнее и нем пахнет гарью, паленой шкурой и дымом. В нем пахнет мертвой креветкой, неделю пролежавшей на горячем песке. Потом мрак рассеивается. Серый медленно перетекает в багровый, затем ярко-синий.

что еще можно сделать

Он успокаивается. Он говорит:

— Амиго — хороший мальчик. Амиго — афалина. Афалины выталкивают из воды тонущих...

прием геймлиха

— ...Афалины спасают. Афалины не оставляют по ту сторону дна никого.

6 ПОСВЯЩЕНИЕ

Утопление — смерть, или терминальное состояние, вызванное длительным пребыванием под водой и сопровождаемое тяжелой гипоксией (кислородным голоданием) и проникновением жидкости в легкие и дыхательные пути.

Механизм утопления достаточно прост. Человек, оказавшийся под водой без подачи кислорода, сначала сознательно задерживает дыхание. Его тело при этом на физиологическом уровне готовится сохранять кислород. Подобные процессы происходят в телах дельфинов и китов, когда они ныряют. Частота биения сердца падает, кровяное давление растет. Главной задачей тела становится доставка кислородосодержащей крови прежде всего к жизненно важным органам — мозгу и сердцу.

Обычный здоровый человек способен задержать дыхание примерно на две минуты. Однако даже при небольшой, но регулярной тренировке это время можно увеличить. Спортсмены-экстремалы, занимающиеся, к примеру, фри-дайвингом (подводное плавание, основанное на апноэ), способны не дышать по пять-шесть минут и даже более.

В любом случае, содержание углекислого газа в крови постепенно достигает критического уровня. Разные ткани по-разному переносят лишение кислорода. Ногти и волосы сохраняют жизнеспособность и продолжают расти еще несколько десятков часов после остановки дыхания. Головной мозг, как правило, начинает разрушаться уже через 6-7 минут.

Вне зависимости от физической формы и тренировки, человек, лишенный доступа кислорода, теряет сознание, зачастую начинает галлюцинировать. Срабатывает природный рефлекс: тонущий делает глубокий, отчаянный вдох. В верхние дыхательные пути (рот, глотка, гортань, начальный отрезок трахеи) поступает первая порция воды. В ответ на проникновение воды возникает ларингоспазм. В этот момент поступление воды в легкие временно прекращается. Сердечные сокращения еще сохраняются, равно как и попытки производить дыхательные движения. Кровь, обогащенная углекислым газом, разносится по организму и придает коже синюшный оттенок. Отсюда термин: «синее утопление».

...Через минуту или чуть более спазм гортани обычно проходит, открывается дыхательное горло и, поскольку дыхательные движения все еще сохраняются, вода начинает активно проникать в легкие. Легочная ткань похожа на губку. Но, пропитываясь водой, она перестает быть воздушно-пористой и напоминает уже не губку, а говяжью печеньку, пропитанную кровью. Отсюда термин: «опеченение легких». Заполнение легких водой — процесс небystрый. Для полного заполнения в зависимости от объема легких необходимо от получаса до двух часов. Утопление в результате заполнения легких водой называется «мокрым», или истинным.

Однако в среднем у каждого пятого утопленника спазм гортани сохраняется несколько минут. В этом случае наступает остановка сердца и полный паралич мускулатуры. Дыхательное горло открывается уже тогда, когда мышечные сокращения для вдоха отсутствуют. Это называется «сухим», или асфиксическим, утоплением.

Кроме того, выделяют синкопальное утопление — когда смерть наступает в результате первичной остановки сердца (например, от испуга) и тонущий не успевает сделать под водой ни одного вдоха. Такие утопленники имеют характерный бледный вид, в результате чего синкопальное утопление называют нередко «белым».

Интересно, что при утоплении в пресной воде происходит разжижение крови, а при утоплении в соленой воде, напротив, ее сгущение. При утоплении в пресной воде вздутие легких бывает более значительным, но альвеолы содержат меньше воды, чем при утоплении в морской воде.

При мокром утоплении у человека, извлеченного из воды в

стадии агонии, сознание отсутствует, кожа холодная, синюшная (фиолетово-синий цианоз). Сердечные сокращения сохранены, однако ослаблены. Дыхательные движения отсутствуют или явно недостаточны. Часто развивается спазм жевательных мышц (судорожное сжатие челюстей). Из рта и носа выделяется пенистая жидкость розоватого цвета. Подкожные вены шеи и предплечья расширенные, набухшие. Зрачки умеренно расширены, зрачковые и роговичные рефлексы вялые.

Клиническая смерть констатируется, когда отсутствует сознание, самостоятельное дыхание и сердечная деятельность, зрачки расширены и на свет не реагируют.

При любых обстоятельствах на месте происшествия любого извлеченного из воды следует считать живым, вне зависимости от его внешнего вида и от того, насколько он кажется жизнеспособным. Пострадавшему нужно оказывать необходимую помощь, пока факт смерти не установит медицинский работник. Известны случаи, когда удавалось вернуть к жизни людей, проводивших в бессознательном состоянии под водой до 30—40 минут и даже более. В феврале 1988 года близ населенного пункта Ловозеро (Кольский полуостров) из реки Воронья был извлечен и реанимирован семилетний ребенок, находившийся в ледяной воде без сознания около 37 часов.

Феномен «синего воскрешения» ученые трактуют по-разному. Одни полагают, что некоторое время альвеолы легких человека в состоянии усваивать кислород, из воды при ее достаточной насыщенности. Другие считают, что такая живучесть объясняется снижением температуры тела, находящегося под водой, резким сокращением потребности тканей в кислороде и повышением критического бескислородного лимита времени, когда жизнедеятельность мозга еще можно восстановить. Некоторые придерживаются того мнения, что организм человека способен «включить» эволюционную память и временно приспособиться к подводным условиям, резко замедлив все жизненные процессы.

В любом случае, меры по спасению пострадавшего нужно принимать незамедлительно. При мокром утоплении пострадавшего следует положить на согнутое колено и похлопывать по спине, чтобы освободить дыхательные пути от жидкости. В случае отсутствия эффекта пострадавшего следует уложить на спину, очистить полость рта, удаляя возможный ил или другие посторонние предметы, затем произвести искусственное дыхание рот в рот и непрямой массаж сердца.

Даже если пострадавший пришел в сознание и не жалуется на самочувствие, его необходимо немедленно госпитализировать: утопление чревато тяжелыми осложнениями на мозг, сердце и легкие. Важно помнить, что «вторичное утопление» — тяжелый отек легких и присоединяющаяся пневмония — возможен даже через 30—70 часов после извлечения из воды потерпевшего.

NB. Проведение при утоплении приема Геймлиха — резкое, энергичное нажатие в эпигастральную область живота пострадавшего (между пупком и реберными дугами) в направлении вверх к диафрагме, — по мнению большинства современных медиков,

задерживает реанимацию и, кроме того, может привести к нежелательным последствиям (регургитация желудочного содержимого и аспирация рвотных масс). Однако в некоторых случаях прием Геймлиха все же доказывал свою эффективность. Например, в моем случае.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

«В значительном количестве легенд и мифов всего мира героя переносит в иные миры животное. Именно животное заносит на своей спине неофита в джунгли (-ад), держит в своей пасти или «глотает», чтобы «убить и воскресить», и т. п. Наконец, следует иметь в виду мистическую солидарность между человеком и животным как основную черту охотничьих религий древности».

Мирна Элиаде, «Шаманизм: Архаические техники экстаза»

«Оставь дверь открытой — и враг уже тут как тут; Стань под карнизом. — и тебя уже нет. Не нужно быть все время настороже. Нужно считать, что ты уже мертв».

Цунэтомо Ямамото, «Хагакурэ Бусидо»

1

НИКА

Звонок не работает. Я стучу по облезлой дверной обивке, сначала слегка, потом громко. Дверь открывают не сразу, а когда все-таки открывают, из образовавшегося проема на меня выплескивается волна тяжелого нутряного гудения — будто я постучалась в квартиру, где обитает семейство взбесившихся пчел.

На пороге появляется женщина лет сорока с лишним. На ней синее, расшитое красным и желтым узором пальто и сплюснутый красно-синий колпак; круглая голова, прямо вместе с натянутым низко на лоб колпаком, плотно обмотана шерстяным платком, выдержанным в той же цветовой гамме. Само лицо в достаточной степени невыразительно, чтобы обрамляющая его конструкция полностью отвлекала на себя внимание, но я все-таки пытаюсь сосредоточиться именно на лице. По форме оно напоминает блин с обрезанным верхом. Поверхность блина основательно промаслена потом, а при помощи дешевой косметики на блине нарисован малиновый рот, круглые розовые щеки, изогнутые тонкими домиками брови и средних размеров фиолетовые глаза. Сами глаза — те, что внутри фиолетовых контуров, — маленькие и тусклые. Они смотрят на меня без всякого интереса. В них усталость, вялое раздражение и неделями неудовлетворенное желание выпасться. Женщина тяжело прислоняется к косяку.

— Это вы из газеты хотели?

Ей лень стоять. Ей лень комбинировать в голове осмысленные

полные фразы.

-Да, я.

— И что хотели.

Ее вопрос звучит так уныло, что это уже и не вопрос даже, а просто скучная констатация какого-то очень скучного факта.

— Вы Ольга Андреевна?

Она молча кивает.

— Наша газета интересуется культурой и бытом русской Лапландии, — говорю я.

Мне не больно. Там, где сходятся ребра, там, где солнечное сплетение, в середине меня, внутри меня, — пустота. Там желудок, и нижние доли легких, кровеносные сосуды, артерии, и еще что-то — но там пусто и холодно, как в покинутом и запертом на зиму неотапливаемом гостевом домике.

Мне не больно. Я совершенно свободна.

— И в частности наша газета интересуется саамской культурой.

Мне не больно. Меня кто-то покинул.

Женщина молча прикрывает глаза, будто готовится с духом сказать что-то по-настоящему важное.

— Есть у нас культура саами, — наконец произносит она. — Вы можете слышать... — Не открывая глаз, она указывает рукой себе за спину, туда, откуда доносится нутряной гул. — ...Лыввйт — Она зевает. — Лыввйт — национальное саамское пение. У нас как раз репетиция... Вы можете видеть... — она почти засыпает, — на мне... национальный костюм народа саами...

Я снова машинально окидываю взглядом костюм. При всем уважении к национальной одежде саами, не очень понятно, почему для августа не предусмотрено что-то более легкое.

Каким-то образом она вдруг прочитывает мои мысли — а может, просто привыкла к тому, что все задают этот вопрос.

— Зимний костюм. — Она чешет шею под подбородком. — Летнего у меня нету. Не нужен. Все выступления нашего

музыкально... театрального... коллектива «Лопь лань»... обычно зимой.

— Зачем же вы сейчас репетируете?

— Готовь сани летом, — неожиданно бодро реагирует она. — Вы можете начать так вашу статью в газете. «Мой девиз — готовь сани летом, — говорит солистка музыкально-театрального коллектива «Лопь лань»... Ладно, фотографируйте.

— Что?

— Фотографируйте меня в национальном костюме. Вы что, не будете фотографировать? Я же специально оделась. Все газеты всегда просят, чтоб национальный костюм.

Я послушно извлекаю из кармана мобильник и ставлю его в режим съемки. Я нажимаю на маленькую кнопку сбоку — и ее круглый усталый блин застывает на экране моего телефона. «Сохранить в памяти SIM?». Сохранить. Всегда лучше сохранить в памяти лицо человека, который дал тебе жизнь.

— У вас нет фотоаппарата, — говорит она равнодушно.

— Вы моя мать, — говорю я ей и убираю мобильник в карман.

Она тускло смотрит на меня из своего национального кокона. Выражение ее лица не меняется. Из-под красно-синего колпака на брови и переносицу начинают сочиться крупные капли пота.

— Вы из газеты? — спрашивает она тупо и ровно. Так, будто весь предыдущий наш разговор был черновой репетицией, и я перепутала слова своей роли, и если мы теперь отмотаем назад и начнем все с начала, я смогу исправить ошибку.

— Я ваша дочь. Меня зовут Ника Данилова.

— Есть у меня дочери, — она прикрывает глаза. — Три. И все они сейчас в доме. А четвертой у меня никогда не было. С чего вы взяли, что я ваша мать?

— У нас одинаковая фамилия, — говорю я.

— Ну и что? Здесь, в поселке Ловозеро, треть населения с такой фамилией. А в России, может быть, четверть...

Она опять почти засыпает. Ей скучно.

— Я навела справки. В девяносто пятом году вы отказались от ребенка...

— Я ни от кого не отказывалась. — Она вытирает стекающий по лицу пот рукавом национального костюма саами.

— У меня на спине много родинок. В форме созвездий. У вашей дочери были такие?

— У моих дочерей чистые спины.

Ни капли сомнения. Никакого волнения. Просто ей жарко. Может быть, она и вправду не врет. Может быть, это не она меня родила, предала... Я теперь не узнаю. Теперь никто не поможет, никто не вытянет из их гнилого болота вранья. Пусто, пусто у меня там внутри... Я сгибаюсь, обнимаю себя руками и кашляю.

— Вы простудились?

— Я утонула.

Она делает шаг назад. Застывает. Впервые за всю беседу сквозь невыразительную гибкую маску ее лица пытается пробиться наружу какое-то чувство. Когда оно наконец высвобождается и тарасится на меня через схематично очерченные косметическим карандашом глазные проемы, я не отвожу глаз. Я узнаю его. Страх.

— Ты пришла забрать мою душу в Туотилмби? Ты пришла из Туотилмби, с той стороны? — шепчет она.

Я не успеваю ответить. Она вздрагивает — кто-то легонько подталкивает ее сзади.

— После «работы много, пасу оленей, и только тундра видит мои слезы» что там дальше, мам? — из квартиры на лестничную клетку протискивается девушка с лицом, которое я обычно вижу в зеркале, но при этом с волосами гораздо темнее моих, грудью гораздо больше моей и ногами гораздо толще моих. На вид ей лет двадцать.

— Здравсьте, — говорит девушка в мою сторону. В ее зрачках, в тусклой и темной их глубине, уже свернулись бесцветные эмбрионы будущей скуки.

Солистка музыкально-театрального коллектива «Лопь лань», предположительно моя мать, стоит неподвижно и тихо. По-настоящему испуганный человек не кричит и не убегает. По-настоящему испуганный человек — как парализованное страхом животное. Он прикидывается мертвым, чтобы хищник ушел.

Я никуда не уйду. Воспользовавшись паузой, я спрашиваю ее дочь:

— У вас в детстве была сестра?

Она старше меня на несколько лет. Если она моя сестра, если меня отдали в три года, она должна меня помнить.

— У меня и сейчас две сестры. — Она выглядит удивленной.

— А еще одна? Ей должно было быть три года?

— А вы кто? — спрашивает девушка с неприязнью.

— Не тронь ее! — включается внезапно «Лопь лань». — На ней нет вины! На Галочке нету вины! Я одна принимала решение! Оставь ее душу, возьми только мою.

Любящая мать. Жертвенная мать. И Галочка... Что-то вроде ревности заставляет меня сказать Галочке:

— Иди в дом.

Что-то вроде мстительности заставляет меня прикоснуться к щеке моей матери, когда мы остаемся вдвоем, и почувствовать, как ее кожа каменеет от страха.

На смену ревности и мстительности тут же приходит безразличность. Пот на ее лице липкий и теплый, он пахнет увядшей стареющей бабой.

— Мне не нужна твоя душа, мама, — говорю я и вытираю влажные пальцы о джинсы. — Кроме того, я пока еще не умерла. Я утонула... Но меня откачали. Если тебе вдруг интересно.

Ей не интересно. В ее глазах снова пусто. Она спрашивает:

— Зачем ты пришла?

Она говорит:

— Ты была одержима духами. У нас не было выбора.

Она говорит:

— У нас даже нет денег, чего ты хочешь?

— Дом, — говорю я.

— Что, право собственности? Ответственный квартиросъемщик не я. Квартира приватизирована. У тебя нету никаких прав на...

— Мне хотелось бы иметь дом. Место, куда приходишь, когда тебе плохо. Когда некуда больше идти. Право собственности меня не интересует.

Я снова кашляю. Остаточные явления. Когда твои легкие пропитываются водой и становятся похожи на печень коровы, когда один раз ты захлебываешься водой из бассейна в бассейне, а второй раз ею же, но уже на больничной койке, когда вода сочится внутри тебя, когда ты проходишь через клиническую смерть, «вторичное утопление», тяжелый отек легких и двухстороннюю пневмонию — тогда остаточные явления кажутся тебе чем-то неважным.

Но моей матери так не кажется.

— У тебя плохой кашель, — говорит она мне. — Ты сильно больна.

— Я могу зайти внутрь?

Она молча отодвигается, освобождая мне путь.

О, сдержанность северных женщин. Я молча вхожу.

— Но мы не сможем оставить тебя, — говорит она, шаря в коробке для обуви в поисках тапок. — Мы не сможем стать тебе

домом.

Я прохожу, как привидение, по двум маленьким захламленным комнатам, по маленькой, как детский гроб, кухне. Я смотрю на оленьи рога, висящие на стене. На отца, который тоже предал меня, а потом, в наказание или просто подчиняясь законам генетики, превратился в сморщенного пьяного гнома. Я смотрю на большегрудую пониющую Галочку, и еще на двух сестер, чьи имена я не знаю. Я смотрю на пятнистую кошку с гноющимися глазами. Они застыли. Они онемели. Но если бы они могли говорить, они спросили бы: «Зачем ты пришла?»

— Зачем она пришла? — спрашивает мой отец мою мать.

У него лицо человека, который способен застрелить на охоте медведя, даже если он достаточно пьян, но не способен вспомнить даты рождения своих детей, даже если он достаточно трезв.

— Спроси ее сам, — говорит мать.

Он молча пялится на меня. Биологический отец. Мой создатель. Я смотрю в его тупые глаза. И мне хочется верить, что генетика — продажная девка, а не точная, как оптический прицел, наука.

Я говорю:

— Мне нужен адрес нойда. Того, который смотрел меня, прежде чем вы сдали меня в детский дом.

— Ты водила ее к шаману? — изумляется он.

— Да, — говорит она ему.

— Нет, — говорит она мне. — Я не дам тебе его адрес. У тебя внутри равк, и ему нечего делать в доме у нойда.

...Откуда-то из глубин памяти, может быть, генетической, а может, и какой-то более оперативной, ко мне приходит воспоминание о том, что такое равк. На языке саами равк — это умерший злой нойд, шаман, который стал упырем или просто злым духом. Восставшего из могилы равка следует повторно захоронить лицом вниз, чтобы он больше никогда не нашел выход из гроба. Иначе он может вселиться в чужое тело.

Я не знаю, был ли внутри меня равк. Сомневаюсь. В любом случае, сейчас внутри меня пусто.

— Внутри меня теперь нет никого, — отвечаю я. — Но это не важно. Ты должна выполнить мою просьбу в любом случае.

— С чего это? — В ее голосе звучит безнадежность. Она знает, что я знаю. И что я ей сейчас скажу.

— Прежде чем идти к вам, я немного подготовилась. Посидела в библиотеке. И в Интернете. Народ саами — очень мирный народ. Предательство они искупают не кровью, а добрыми делами. Нойд Ломпсоло учил, что предавший должен выполнить три желания того, кого предал, и тогда он будет прощен. В противном случае тот, кого предали, заманит душу предателя в ад.

— Это все суеверный бред, — говорит она мне. — Мы живем в двадцать первом веке.

Ее наряд и олени рога на стене плохо сочетаются с этим утверждением, но спорить нет смысла.

— Что ж. Тогда до свидания. — Я направляюсь к входной двери.

Я вижу, что она меня вот так не отпустит.

Она останавливает меня в коридоре. В ее руке прошлогодняя программка фестиваля «Международная неделя Лапландии». На лицевой стороне изображены летящие в голубой выси олени. Между серебряными рогами, на свободном клочке неба, она записывает телефон и адрес шамана. И его имя: «Сергей Рудольфович Данилов».

— Что, однофамилец?

— Нет, родственник, — она серьезна. — Это мой дядя, твой... — она прищуривается, соображая, — твой двоюродный дедушка.

Я молча принимаю программку и прячу в карман. Я обуваюсь, но не ухожу.

— Что еще я для тебя могу сделать? — Она смотрит на меня обреченно.

— Мое второе желание. — Я подхожу к немытому окну и смотрю со второго этажа вниз. — Вы должны поселить у себя вон ту женщину. На какое-то время. Пока все не уляжется.

— Пока что не уляжется?

Я молчу. Мать встает рядом со мной у окна. Она, наконец, стягивает с головы платок и колпак. Под колпаком ее волосы влажные, цвета ржавчины. Они пахнут потом и хной. Она смотрит туда же, куда смотрю я. На сидящую на лавке старуху.

— Как зовут эту женщину?

— Ее зовут Зинаида Ивановна, — говорю я. — Ткачева.

Я открываю окно и сую лицо в облако серой пыли, скопившейся между рамами.

— Поднимайтесь сюда! — кричу я.

Ткачева медленно встает с лавки и заходит в подъезд. Она больше не выглядит как кондитерское изделие. Ее волосы острижены в седой беспомощный ежик. Ее глаза постоянно слезятся. Ее кожа землистого цвета. На ней зеленый спортивный костюм с розовыми «стрелками» на рукавах и штанинах. Она выглядит так, будто в момент просветления сбежала из дома престарелых, но потом момент просветления кончился, а она так и осталась на улице — без апельсинового сока на завтрак и без двадцати пяти капель успокоительного перед сном.

В какой-то мере все это соответствует истине.

— Пока что не уляжется? — повторяет свой вопрос мать.

— Кое-кто ее ищет. Но к вам он вряд ли придет.

— Кто ищет?

Я молча качаю головой. Не потому, что это секрет. Просто как

объяснить такой, как она? Как рассказать ей, что совесть иногда дремлет на дне души много лет, много десятилетий, а потом просыпается, и оказывается очень большой и очень решительной тварью, и выплывает со дна, и разрывает оковы, и заставляет того, в ком она спала, делать и говорить очень странные и очень опасные вещи...

Конкретно Зинаиду Ткачеву эта всплывшая со дна души тварь — под моим руководством — заставила написать письмо в баварский ландтаг, парламент. В письме говорилось, что ее муж, депутат Клаус Йегер, президент компании «Риттер Ягд», — опасный преступник. Что компания «Риттер Ягд» — своего рода наследница института «Аненербе». Что в рамках его проекта РА, «Риттер Антворт», разрабатывается химическое оружие массового уничтожения. Что сам Клаус Йегер, ее муж, когда переходит на русский, называет это оружие «грипп счастья», по аналогии с вирусом, или, если угодно, «гриб счастья», по аналогии с ядерным грибом. Что «Риттер Антворт» уже испытали на детях украинского интерната «Надежда». И что все дети умерли. И что это — только начало. И что будет война. А еще она написала, что Грета Раух, почетный депутат Бундестага, — нацистка и одна из идеологов предстоящей войны. Что на суде в Нюрнберге она, автор письма, лжесвидетельствовала в ее пользу. И что она, автор письма, зовется вовсе не так, как она зовется. Все эти годы она прожила в Германии под чужим именем.

Помимо письма Ткачева вложила в конверт фотографии. На фотографиях ее муж Клаус Йегер не делал ничего предосудительного. Он не нежился в объятиях бордельных мулаток и не ласкал несовершеннолетних детей. Он не выкладывал кокаиновые дорожки и не спускал деньги налогоплательщиков в казино. Он не примерял перед зеркалом дядюшкину форму СС и не протягивал под столом руку за взяткой. На фотографиях он просто ел. Кушал. Омаров и устриц, мраморное мясо и ягненка на вертеле, тунца и лосося, и сочные овощи гриль. И сыр с дырками. И йогурт со злаками. И хлеб с отрубями.

Ответ пришел быстро. Она принесла мне конверт с ответом в больницу. Ее не пустили ко мне в реанимацию, но письмо передали.

Там говорилось, что спасибо за бдительность, и при всем уважении к былым заслугам в борьбе с фашизмом, и с учетом важности предотвращения терактов, и принимая во внимание возраст и стресс, и к ветеранам войны всегда стоит прислушиваться, и экология конечно же под угрозой, и с благодарностью за некоторые небезынтересные подробности, и мы, безусловно, проверим все очень тщательно, но... Но. Компания «Риттер Ягд» занимается в основном производством фаст-фуда. Медико-биологические разработки тоже ведутся, но в рамках этих программ разрабатываются исключительно витамины, пищевые добавки и некоторые лекарства. Например, «Йегер Йюгенд», «Охотничья молодость» — препарат, блокирующий процессы старения... Что до «Риттер Антворт» — это просто антидепрессант, основан на природных экстрактах. Его могут принимать даже дети. Не волнуйтесь. Он совершенно безвреден... А ученики интерната «Надежда» (Украина, Севастополь) действительно принимали участие в

испытаниях этого препарата. На добровольной основе. Компания «Риттер Ягд» предварительно заключила контракт с директором интерната Михаилом Подбельским. Сам М.Е. Подбельский к сожалению, трагически погиб, но копия контракта — вот она, прилагается. Господин Подбельский полагал, что действие «Риттер Антворт» повлияет на психику подведомственных ему детей-сирот благотворно. И он не ошибся. Испытания прошли очень успешно. Трагическая смерть этих несчастных детей никак не связана с безвредным по своей сути антидепрессантом РА... Кроме всего прочего, депутат баварского ландтага герр Клаус Йегер не знает русского. Так что здесь вкралась ошибка: герр Йегер вряд ли мог использовать в своей речи упомянутые вами недобрые каламбуры. Вам просто послышалось, не расстраивайтесь, в вашем возрасте это бывает. Может быть, вам стоит отдохнуть где-нибудь на природе? Может быть, вам стоит пройти курс лечения в специализированном заведении? Может быть, вам не помешал бы уход и постоянное наблюдение? Дайте знать, если вам что-то понадобится. И спасибо за бдительность. И с учетом всей важности. И со всем уважением. Чус.

Помимо письма, она передала мне газету — Zeit, свежий номер. На первой полосе красовалась фотография Клауса Йегера, уплетающего омаров. «Sind es deine Heldentaten, du, Ritter?» — гласил заголовок. «И это твои подвиги, рыцарь?»... И чуть ниже, курсивом: «Hersteller der Tagesration ersetzenden Medikamente zieht Naturlcost vor».

Производитель таблеток, заменяющих дневной рацион, предпочитает натуральную пищу. Это единственное, что их всерьез заинтересовало в ее письме. Это единственное, что они сочли нужным проверить. Предать огласке.

Он упек ее в дом престарелых в тот же день, когда она получила письмо и когда вышла Zeit с его фотографией. «Переезд в дом напротив», — так он говорил. Он устроил ее в специальное отделение. Для таких стариков, как она. Для тех, кто в маразме. У кого паранойя. Кто забыл свое имя. Кому кажется, что он кто-то другой. Кому кажется, что самые близкие замышляют что-то плохое. Таких много. Самые близкие их не винят. Они платят за своих стариков много денег. Чтобы их держали в «доме напротив» до самой смерти. Чтобы их затыкали. Чтобы им кололи успокоительное. Три раза в сутки.

...Моя спутница опасливо входит в квартиру. Ее зеленые штаны оттянуты на коленках.

— Зинаида Ивановна поживет у вас какое-то время, — говорю я. — Если вам не нужны неприятности, соседям рассказывать об этом не стоит. Никому не стоит рассказывать... Зинаида Ивановна кушает мало. — Я вытаскиваю пачку тысячных купюр. — Этого хватит.

Мать протягивает было руку к деньгам, потом опускает. Потом снова протягивает. Тысячные купюры соскальзывают в карман национального костюма саами.

— А тебя. Тебя тоже ищут? — спрашивает она, глядя мне не в глаза, а куда-то поверх, точно пытаюсь отыскать дырку во лбу.

— Да, меня они ищут тоже.

— И какое же твое третье желание? Ты тоже хочешь остаться?

Теперь она смотрит так, точно дырка нашлась и она пытается просверлить ее взглядом поглубже.

Я качаю головой отрицательно, сбивая прицел.

— Я хотела остаться. Но уже не хочу. Свое третье желание я сохранию про запас.

2

ПОЛАЯ ЗЕМЛЯ

Путь к границе был долгим, земля вязкой, а воздух густым. Но рыцарь, который давно уже позабыл свое имя, приходил туда часто. Там, у самой границы, была башня из бурого камня. Рыцарь входил в эту башню и возносил молитву Вотану, отцу асов, великому богу войны. Он давно уже забыл все слова своего языка и молился на новом, тягучем, похожем на вой языке, который сам изобрел взамен утраченного.

— О великий! Взгляни, что стало с моими воинами! Как уродливо они растут, разрывая на себе кольчуги и латы! Как огромны стали их головы, как непомерно длинны и тонки их ноги. Если будет битва, эти воины не смогут сражаться... О великий! Ты не дал мне сына при жизни, я обрел сына здесь. Он явился ко мне из тьмы... Но взгляни, как он безобразен! О другом я мечтал. Я мечтал о белокурое мальчике-норде, в чьих жилах течет чистая, как горные реки, кровь асов. Этот нелюдь-гигант, тянущий ко мне руки, — мой вечный позор, моя пытка... О великий, я не хочу больше мстить, я хочу лишь вернуть чистоту обоим мирам, лежащим по обе стороны от границы. Я готов принести в жертву себя, и свое войско, и сына, и всех живущих и мертвых. Пусть исчезнем мы все в очистительном льде и пламени! Пусть придет Рагнарок! Пусть потом, когда пламя утихнет, лед застынет в огромную глыбу. И из глыбы вновь появится мир, красивый и правильный, как полярный кристалл... Пусть его населят златокудрые, озероглазые норды. Пусть они будут смеяться и петь, пусть слагают легенды о рыцаре, погибшем за них, пусть их кровь всегда будет чистой...

3

НИКА

От подъезда идет грунтовая дорожка через поле обезглавленных августовских одуванчиков. Я оглядываюсь на отчий дом — двухэтажное пятнистое здание. Серо-белое: беззащитная бетонная кожа обнажается под осыпающейся известковой коростой. Из окна на втором этаже на меня смотрят мать и Зинаида Ткачева. Они чем-то похожи. Может, страхом. Или тем, что всю жизнь притворялись. У актеров и клоунов мимические морщины чуть глубже, чем у всех остальных...

Дорожка заворачивает к саамскому культурному центру. Он

выстроен в форме чума, но штукатурка цвета морковного сока со сливками и колпак крыши цвета грунта на дорогом теннисном корте делает это строение похожим скорее на инопланетный коттедж, чем на исконное жилище саамских охотников... Напротив входа в культурный центр — стенд объявлений. Их много, телефоны разные, но текст примерно один: «Исцелю болезни. Изгоню духов. Летом организую лодочные экскурсии на Лонозеро и Сейдозеро (возможность сфотографироваться на фоне священных мистических сейдов). Зимой предлагаю катание на оленьих упряжках. В любое время года экскурсии в оленеводческий производственный кооператив СХПК «Тундра». Сувениры, оленье рога, шкуры, мясо, клюква». Я сверяю тот телефон, что записан у меня на клочке неба между оленьих рогов, с телефонами объявлений. Один из них совпадает. Это плохо. Нойд не должен писать объявления и устраивать лодочные экскурсии. Настоящий нойд точно не должен.

Я спускаюсь к воде. Поселок Ловозеро, по-саамски Луяввэр, или еще Лойъяврсийт, даром что переводится как «селение сильных у озера», стоит на реке. В озеро она впадает в нескольких километрах отсюда.

Река тихая, темная, поросшая вдоль берегов пушистым как мех камышом. В воде криво отражаются и без того кривые деревянные избы. В такой реке хорошо ловить рыбу, лягушек и раков-падалицы. В такой реке хорошо топить с камнем на шее. Я смотрю в воду, пока не начинаю чувствовать, что состою из воды на три четверти. Пока не вспоминаю, что утопление бывает синим и белым. Пока меня не начинает мутить.

— Уезжай, — сказал мне Эрвин тогда, в палате. — Прямо сей час, напиши отказ от лечения — и беги. Чем дальше, тем лучше. В медвежий угол. В глухую дыру. У вас в России есть такие места... Иначе она убьет тебя. После этого письма в баварский ландтаг, после всего, что тут было, Старуха убьет тебя.

— Грета Раух?

— Да, Грета Раух. Мать моей матери... Нашей с Эриком матери.

Нашей с Эриком...

За день до этого, когда меня перевели из реанимации в терапию, он пришел ко мне в палату с цветами и фруктами, как ни в чем не бывало. Как будто не он бросил меня одну на Той стороне. Как будто не он не договаривал, врал, притворялся с самого первого дня... Как будто не было ничего. Как будто я просто нахлебалась в бассейне воды, а он меня спас. Он пришел, такой длинноногий, такой белокурый, с букетом лилий. И врачи улыбались. Какая прелестная пара. Они был и тронуты. Они принесли большую зеленую вазу для лилий.

Он поставил лилии в вазу, они пахли болотом. Он сказал, это он меня спас, когда я утонула. Но не он отправился со мной на Ту сторону. И не с ним я была тогда, в самый первый раз, после

«Зеленой феи», в стерильной квартире. Он сказал, у него есть близнец по имени Эрик. Это чисто наследственное. Передается в третье поколение. Он сказал, они даже не видели свою мать. Он сказал, их растила Старуха.

...Он говорил, а я слушала. И вдыхала гнилой аромат его лилий. И не понимала, где правда. Он говорил, а я впервые почувствовала, что внутри меня пусто.

Он говорил, что он не хочет мне зла. Что я должна забиться в самую глухую дыру. Такую, чтобы даже он не нашел.

Луяввър. Селение сильных у озера. Заполярная глушь.

Я поднимаюсь от реки к деревянной избе.

Дверь открывают не сразу.

4

ОБОРОТЕНЬ

Мы не видели нашу мать, но Старуха нам все объяснила.

Единственное, что оправдало существование матери, — это наше рождение. Рождение близнецов. Рождение воинов.

По-видимому, говорила Старуха, духи воинов вошли в наши тела, миновав тщедушное тело Герды.

Единственное, что оправдало существование Герды, — это наше рождение. Больше она была ни на что не годна. Больше в ней не было смысла. Вместо вечности она подсунула бы нам сосиски и пиво, говорила Старуха. И не стоит сильно жалеть о том, что всепронзающая энергия Врил забрала ее никчемную жизнь сразу же после родов.

Старуха приняла роды сама, и сама закрыла глаза нашей матери. Слишком узкие бедра. С такими бедрами невозможно родить двойняшек.

Мы остались без матери, потому что у нее были слишком узкие бедра. И еще потому, что Старуха не вызвала «скорую», когда отошли воды.

Кесарево сечение — неправильный способ рождения героев. Сыновьям Люцифера не пристало являться на свет под ножом хирурга, на стерильной клеенке. Сыновья Люцифера расчищают себе дорогу сами.

Мы расчистили себе дорогу сами, как хотела Старуха.

Первым делом, едва родившись, мы совершили убийство.

У нее были узкие бедра, а нас было двое.

Мы убили ее, потому что нас было двое.

Мы не просто братья. Не просто близнецы-братья. Эрик и Эрвин — мы совершенно неотличимы. Наши тела умеют повторять движения друг друга, наши сердца бьются в одинаковом ритме, мы вдыхаем и выдыхаем воздух одновременно, нам снятся общие сны, мы знаем мысли друг друга, нам не нужны слова, наши светло-голубые глаза одинаково щурятся, если мы идем босиком по песку, за нами тянутся одинаковые следы.

Мы умеем говорить с духами и знаем древние заклинания. Мы умеем выведывать тайны и нападать стремительно и бесшумно. Мы возникаем внезапно и исчезаем бесследно. Мы подменяем друг друга. Превращаемся друг в друга.

У нас два тела, наполненных общей душой.

У Данилова желтая кожа и слегка приплюснутый нос. Ему лет шестьдесят пять, может, семьдесят пять, а может, и восемьдесят. У него тот тип внешности, при котором возраст определить невозможно: в сорок лет такие люди кажутся стариками, в семьдесят — моложавыми, и за эти тридцать лет ничуть не меняются. На нем спортивный костюм Adidas и дырявые тапки.

— Снять порчу? — Он рассматривает меня с тем беглым профессиональным интересом, с каким стоматолог заглядывает в коричневозубую пасть клиента, пришедшего снять зубной камень.

— Снимайте. — Я захожу в его дом.

Весь пол заставлен тазами с клюквой. Она же подсыхает по углам на газетках. На стенах — олени рога и чучела оленьих голов в количествах, несовместимых с жизнью среднего стада.

— Одна тысяча триста рублей за сеанс, — сообщает Данилов.

— Согласна.

— Деньги вперед.

Я выкладываю тысячу пятьсот на замызганный стол.

— Нет у меня сдачи, — говорит двоюродный дедушка, пряча деньги в карман.

Он выгребает из ящика стола ароматические палочки и свечи, зажигает их и расставляет вдоль стен. Он закрывает окно и задерживает зеленую штору.

— Жди здесь. Пойду переоденусь перед сеансом. А ты пока вдыхай запах курений и настраивайся на позитив.

Он удаляется на второй этаж по скрипящей гнилой лестнице. Воздух стремительно пропитывается едким цветочным дымом. С недоленной пневмонией дышать таким воздухом трудно. Я прохаживаюсь по комнате. Я читаю заголовки старых газет, на которых разложена клюква. Хочется кашлять.

— Все болезни от духов, — сообщает мне сверху черная деревянная голова с кривым ртом и кожаной бахромой над ушами.

Он спускается вниз — в расписном синем кафтане, в кожаных сапогах с меховой оторочкой и в этой ужасающей маске. У него в руках красный бубен. В просвете между оторочкой сапог и рас-

шитым низом кафтана виднеются адидасовские штаны.

— Что есть порча? — Он ударяет в бубен и грузно подпрыгивает. — Порча есть проклятие духов. Снять порчу значит прогнать злых духов. — Он снова подпрыгивает. — Уыамм-уыамм– уыамм!...

Он бьет в бубен, пляшет и прыгает вокруг меня как макака.

— ...Из небесных стран, и с шести сторон Земли, и из подземной страны призываю вас в мой магический бубен, о духи предков! О, вы прибыли, вы уже в бубне! Уыамм-уыамм!..

Я кашляю.

— Пожалейте это больное дитя! Поднимите меня над землей! Уыамм! О, я уже парю над землей, мне видна полноводная река Вирма с высоты в сотню верст! Уыамм!

— Река Вирма, — говорю я ему, откашлявшись, — с высоты в сотню верст должна быть похожа на волосинку. Если можно, прекратите ваш цирк. И снимите с лица маску гоблина.

Он снимает маску. Кладет ее со стуком на стол, роется в кармане штанов, вынимает полторы тысячи, кладет рядом с маской.

— Я узнал тебя. Зачем ты пришла?

— Уже не важно. Я хотела прийти к нойду, а пришла к клоуну.

— Моя мать была нойдом, а отец клоуном. Я умею быть и тем, и другим. Но клоуном проще.

— Я пришла к нойду.

— Ты говоришь как сорокалетняя. Духи предков дали тебе мудрость и злость.

Он прикрывает свои сухие желтые веки и подносит руку к моему животу. Он замирает и слушает, точно я на сносях, а он акушер-гинеколог, заметивший, что плод перестал шевелиться.

— Когда я видел тебя в прошлый раз, тебе было три года, у тебя внутри сидел равк. Теперь его нет. Это странно. Куда он делся?

— Я хотела, чтобы вы мне это объяснили.

Он гасит ароматические палочки и свечи, открывает окно, стягивает с себя сапоги и расшитый кафтан и снова остается в

адидасовском спортивном костюме. Он закуривает. Он садится рядом со мной и говорит:

— У тебя во взгляде вода. И тут, ниже... — он указывает рукой на мое горло и грудь, — я чувствую стоящую воду. Ты тонула?

— Да.

— Ты была без сознания? — Да.

— Ты почти умерла.

— Я почти умерла, — повторяю я за ним следом, точно читаю молитву.

— Но тебя кто-то спас.

— Меня кто-то спас.

— И кто же?

— Йеманд Фрэмд, — говорю я. — Некто неизвестный. Некто чужой.

— Как он спас тебя?

— Он вынул меня из воды, сделал массаж сердца и искусственное дыхание рот в рот. А потом применил метод Геймлиха.

— Резко надавил вот тут? — Он указывает на мое солнечное сплетение.

— Да.

Он прикрывает глаза. Затыкивается так глубоко, что прогорает сразу полсигареты.

— Из человека можно выпустить его духа. Или выгнать, — медленно говорит мне Данилов и только после этого выпускает к потолку столбик серого дыма. — Обычно это пытается сделать священник или шаман. — Данилов кидает окурок в консервную банку с бурой жижей на дне и сразу же закуривает другую. — Им редко удается. Особенно с первого раза. Особенно если дух вошел в тело человека с рождения... Мало кому под силу выгнать духа одним ударом.

— И все же кому?

— Теоретически, такое под силу оборотню... Не смотри на меня так. Оборотень — это необязательно тот, кто в полнолуние превращается в волка. Оборотень — это то г, в ком есть сила двоих. Два полюса, плюс и минус. Как у электрической батарейки. Кто он такой, этот Йеманд, который спас тебя, когда ты тонула? Он говорил тебе что-то?

...Он говорил, а я слушала. И вдыхала гнилой аромат его лилий. И чувствовала, что внутри меня пусто.

Он говорил, они совершенно неотличимы. Эрик и Эрвин. Их тела умеют повторять движения друг друга, их сердца бьются в одинаковом ритме, они вдыхают и выдыхают воздух одновременно. Он сказал, они знают мысли друг друга, им снятся общие сны.

Он говорил, что они с братом агенты. Они работают на разных людей, в том числе на Клауса Йегера. Он говорил, что «Первый отряд» — это послание и что теперь, благодаря мне, они нашли отправителя.

И он назвал мне их общее имя. Их кодовое имя.

Их звали Оборотень. Я спросила его:

— «Надежда». Интернат «Надежда». Дети со счастливыми лицами. Их действительно убил Клаус Йегер?

Он сказал:

— Клаус Йегер, да. Но чужими руками. Договор об испытании препарата РА подписал Михаил Подбельский.

— И он знал?...

— Знал.

— Я не верю.

— Так воспользуйся своим даром.

— У меня больше нет дара.

— Неужели? — Да.

Он взглянул через больничное одеяло, через кожу и мышцы прямо в середину меня. Чуть выше пупка. Туда, где сходятся ребра.

— Это значит, тебе больше не больно?

— Больше не больно. Я мечтала избавиться от этой боли всегда, сколько я себя помню. Я не знала, что вместо нее придет пустота...

Он отвел глаза. Но я успела перехватить его взгляд. Взгляд хирурга, вырезавшего жизненно важный орган и любующегося удачно наложенным швом.

— А Амиго? — спросила я. — Тот пожар в дельфинарии?

— Это сделал мой брат.

... Не хочу его впускать. Не хочу его брать. Плохой человек...

Я спросила:

— Зачем? Он ответил:

— Амиго должен был умереть.

...Говорил плохие слова. Делал огонь. Плохой дрессировщик...

Я спросила:

— Зачем?

Он ответил:

— На языке якутских шаманов такие, как он, называются «ийе кила». На бурятском — «хубилган»...

Амиго — хороший мальчик

...А на языке твоих предков, саами, это звучит как «саива гуэ-
лйе». Красиво, правда?..

Амиго — афалина

...В шаманских обрядах духи зверей помогают шаманам совершать путешествия в иные миры. Амиго должен был умереть, чтобы стать твоим саива гуэлье.

афалины спасают

...Твоим зверем-помощником. Зверем-проводником.

афалины не оставляют по ту сторону дна никого

Я сказала:

— Уходи, Эрвин. Если, конечно, ты Эрвин. Уходи и не возвращайся ко мне. Ни ты, ни он. Никогда.

Он ответил:

— Я очень виноват перед тобой.

Он сказал:

— Я предатель.

Он сказал:

— Я, кажется, люблю тебя, Ника.

Он сказал:

— Не прогоняй меня. Подожди. Твои предки считали, что предавший должен выполнить три желания того, кого предал. И тогда он будет прощен. У тебя есть желания? Три желания? Я сделаю все, что ты хочешь.

Я хотела прогнать его. Но потом я прислушалась к своей пустоте. Я не знала, где правда. Я не знала, говорит ли он искренне — или это часть большой лжи. Я блуждала в потемках.

И я подумала: если кто-то в потемках протягивает тебе руку, за нее стоит взяться. В темном доме лучше ходить за руку с тем, кто видит во тьме.

— Я хочу, чтобы ты помог Зинаиде Ткачевой уехать вместе со мной.

Он загнул на руке один палец.

— Я хочу, чтобы ты поцеловал меня.

Он загнул второй палец, потом наклонился и поцеловал меня в губы.

— Свое третье желание я, пожалуй, сохраню на потом.

6
НИКА

— Я хочу вернуть его.

— Кого?

— Духа, которого у меня отняли. Я хочу снова отличать правду от лжи. За этим я к вам пришла. Вы можете позвать его?

Данилов рассеянно поглаживает желтыми пальцами бубен.
Потом качает головой. Отрицательно.

— ...Настоящему нойду полагается пройти через муки. Претя чем стать шаманом, он должен практически умереть. Это моя быть смерть от огня, смерть от железа или смерть от воды... — Данилов жестом учителя указывает в мою сторону, точно я являюсь ходячей иллюстрацией из учебника для первого курса шаманского ПТУ. — Пока тело его лежит бездыханным, незримые духи предков, духи животных и птиц будут терзать его, разрывать на куски варить в котле, пожирать его плоть и пить его кровь. Тем временем душа нойда должна отправиться в странствие на другую сторону мира, в царство мертвых, обрести силу и вернуться обратно в тело. Только после этого обряд посвящения можно считать завершенным. Если нойд не прошел его, он не может зваться истинным нойдом..

Данилов делает театральную паузу, курит.

— Так вот, за последние сто лет никто в этих краях не проходил обряд посвящения. И я не проходил. Я не нойд. У меня есть некоторые наследственные таланты... Но ты просишь у меня невозможного. Я могу видеть духов, но я не вправе с ними говорить.

— Я сама с ним поговорю.

— Нет. Только нойду позволено заговаривать с духами предков.

— Но это же мой дух.

— Уже нет. Тебе не стоит с ним говорить.

— Так вы можете его вызвать? Без помощи слов?

— Разве что ему понравится мой бубен... — задумчиво выдыхает Данилов.

— Вот этот?!

Я смотрю на лежащий перед нами на столе бубен. Металлический обод. Мембрана из красного пластика. Позолоченные висюльки... Если такое нравится духам, у них странный вкус...

— Другой. Настоящий.

Он снова уходит куда-то наверх. Возвращается быстро.

— Вот. — Он кладет рядом с круглым красным бубном другой, овальный. — Оленья кожа... Этот бубен мне достался от деда.

Он прекрасен. На него натянута оленья кожа цвета палой листвы — золотистой осенней листвы, увядшей, тиснящейся, в бурых крапинках первого тления, в сливочно-желтых лучах... Золотистый овал разделен горизонтальной чертой на две части. В верхней части — красный ободик солнца с лучами-перышками, и красно-желтые домики, одномерные, чуть кривые, какие обычно рисуют дети, и серебристые чумы — две изящных дуги, пересекающиеся на верхушке, а в середине сияние — и разноцветные человечки, и звери, и птицы...

В нижней части — под жирной чертой — все нарисовано черным. Не таким черным, как сажа и уголь, а таким черным, каким бывает покрыта блестящая на свету спинка жука-оленья... Там нарисовано дерево — с кривыми ветвями без листьев. Бесцветные полые дома (один только черный контур), бесцветные полые чумы, люди, звери и птицы... Там нарисована черная окружность луны. И черный олень, понуро бредущий по небу... Луна и оленьи рога проткнуты звенящими при каждом движении бубна медными кольцами...

— Не пойми меня неправильно, Ника, — говорит мне двоюродный дед, — но я должен раздеться. Для настоящего сеанса лапландский нойд обнажается полностью... И ты тоже снимай с себя все. Я пока отвернусь.

7

ОХОТНИК

Из офиса в лабораторию герр Клаус Йегер ходил пешком. Двадцать минут по мощным улочкам вдоль тихой реки. Двадцать минут здорового быстрого, упругого шага. Ему нравилось чувствовать ритм любимого города. Спокойный пульс. Нравилось чувствовать, что их пульс совпадает...

«Nuernberg-Kultur».

Клаус Йегер остановился перед билбордом как вкопанный. Судорожно вдохнул. Экстрасистола, внеочередной удар сердца. Потом дикая, африканская барабанная дробь. Пульс дал сбой — и его, и города.

Йегер поднес руку к груди.

С билборда на него дружелюбно смотрела довольная, лоснящаяся, белозубая, коричневая, как скорлупа грецкого ореха, мартышка мужского пола. Мартышка была очень крупная, одетая в небесно-голубую, с ярко-красными маками, рубашку свободного кроя. С головы мартышки свисала скрученная в тонкие косицы курчавая шерсть. На брюхе у мартышки болтался большой барабан. Коричневые руки с нежно-розовыми подушечками пальцев мартышка занесла над барабаном таким образом, что было видно — она собирается по нему постучать.

Под портретом мартышки красовалось расписание Фестиваля культуры в Нюрнберге. Мартышка, как следовало из текста, собиралась выступить на торжественной церемонии открытия.

Герр Йегер продолжил свой путь. Он шел медленно, с опущенной головой, и бормотал себе под нос, как сумасшедший профессор. Майн готт. Где угодно, но только не здесь. Нет, только не здесь... В шоколадном Париже, в баклажановой Барселоне, даже в кофейном Берлине... Но не здесь же, не в Нюрнберге, колыбели НСДАП, сердце Третьего Рейха!.. От такого «нюрнбергкультур» Зиверс с Гиммлером перевернутся в могилах.

От такого «нюрнбергкультур» Мартин Линц, извлеченный из могилы три года назад, перевернется на лабораторном столе.

Мультикультурность. Глобализация. Равенство. Братство. Европа чернеет, Европа мутирует, Европа воняет. Европа засижена грязными афро-азиатскими мухами. Европа болеет болезнями мексиканских свиней и китайских хохлатых собачек.

Но нам, здесь, в Германии, нам мало тех паразитов, что сосут кровь из всех жизненно важных органов старушки Европы. Нам мало китайцев и негров, нам мало латиноамериканцев и турков — плодящихся, размножающихся, откладывающих свои мушиные яички повсюду... Нам нужно еще. Мы хотим платить по счетам. Мы хотим искупить вину перед жертвами. Нам нужно зазвать к себе как можно больше славяноеврейских дегенератов с востока. Отравленных водкой. С давно забродившим от кровосмешительства мозгом. Нам нужно принять их, пригреть их, одеть их, назначить пособие...

Нам нужно забыть о чистоте своей расы, о героическом прошлом.

Наш нюрнбергкультур — это больше не марши на огромных аренах. Не рыцарские турниры. Наш нюрнбергкультур — это, оказывается, счастливый негрила с барабаном на пузе...

Ну что ж, ничего. Скоро все они станут счастливыми, наши мультикультурные братья. РА. «Риттер антворт».

Мы ответим по-рыцарски на унижения.

ПОЛАЯ ЗЕМЛЯ

Путь к границе был долгим, земля вязкой, а воздух густым. Но офицер, который не хотел забывать свое имя, приходил туда часто. Там, у самой границы, была башня из черного камня.

Офицер входил в эту башню и обращался к Высшему Неизвестному.

— У тебя вся власть над энергией Врил, у меня лишь частица. Помоги мне, подай знак живущим, передай им послание. Пусть, увидев послание, один из наших братьев найдет дорогу сюда. Пусть узнает и расскажет другим: мы готовы встретиться на границе, чтобы сбылось то, что предсказано.

И когда граница откроется и одна сторона превратится в огонь, а другая в лед, помоги мне перейти на ту сторону, где огонь. И вернуть мою плоть. И принять участие в новой войне.

ОХОТНИК

— Хало, Голем! — Герр Йегер шагнул в холодную и сухую лабораторную тьму.

Холод успокаивал. Холод словно бы обволакивал кожу защитной нечувствительной пленкой... Он постоял так с минуту. Потом нажал кнопку — мучнисто-бледный, рассеянный свет медленно запорошил воздух.

Не просто свет. Целая система осветительных приборов и отражательных поверхностей с единственно допустимым альбедо. Аналог «пепельного света луны» (солнечный свет, рассеянный Землей, а затем вторично отраженный луной на Землю).

Именно в таком освещении бранные останки Мартина Линца проявляли сговорчивость.

Этому Голему требовалось чередование пепельного лунного света и тьмы. И еще холод, температура в районе нуля по Цельсию. И еще, конечно, уникальный регенерационный раствор. Только так его кости соглашались обрастать хрящевой и соединительной тканью.

...Господин Клаус Йегер не любил и не понимал абстракций. Все эти старомодные выпренные теории, все эти Серрано, все эти Гербигеры, все эти слепые старухи. Бесполезно и скучно. Отчеты об экспериментах гауптштурмфюрера Хирта и доктора Рашера в концлагерях Дахау и Бухенвальд читались куда интереснее...

Иначе говоря, герра Клауса Йегера не интересовали сыновья Люцифера и ангелы. Его не привлекало избавление от грубой телесности, тошнило от газообразного бессмертия духа. А вот практическое, физиологическое бессмертие плоти... Сотворение сверхчеловека, способного выбраться из генетической ловушки старения... Хотя бы маленькая победа над богом распада — превращение груды костей пусть в неживое, но тело... Вот это было его миссией. Его манией. Его мечтой Франкенштейна.

«Поменьше эстетики, побольше генетики», — так говорил Клаус Йегер.

8

НИКА

В обнаженном виде двоюродный дедушка оказывается похожим на фавна. На немного фавна, молча подпрыгивающего на деревянном полу и ударяющего молоточком из оленьего рога по бубну.

В первые десять минут не происходит ровным счетом ничего. Он подпрыгивает по-козлиному, отбивая какой-то ритм, я стараюсь не смотреть на него, а он — на меня.

А потом я вдруг вспоминаю слова и мелодию песни. Мне незнакомы слова, но почему-то доступен их единственно верный порядок. И я пою их, пока свет в избе не становится пепельно-лунным. Пока воздух не леденеет и не наполняется едким запахом убитого зверя. Пока снег тонким слоем не покрывает лежащую на полу клюкву, делая ее похожей на кровь, сочащуюся из-под сугроба...

Над этим «сугробом», прямо в воздухе, повисает кто-то короткотелый, похожий на циркового карлика, со злым и желтым лицом.

— Он пришел, — еле слышно шепчет Данилов. — Ему понравился бубен.

Данилов осторожно укладывает бубен на снег у ног существа. Существо некоторое время покачивается, как в невесомости, потом плавно ложится прямо в воздухе на живот, тянется к бубну и берет его в руки. Пару раз ударяет по расписанной оленьей коже заостренными темными ногтями. Потом бросает бубен обратно на пол и теряет к нему всяческий интерес — как ребенок, который давно уже перерос погремушки, но которому почему-то не дарят более замысловатых игрушек.

— Это он находился внутри меня? — спрашиваю я Данилова шепотом. — Этот уродец?

— Молчи, — почти не размыкая губ, бормочет Данилов. — Не смей оскорблять духа.

Дух тем временем снова принимает вертикальное положение — и медленно шагает по воздуху в мою сторону. Он останавливается в метре от меня. У него странные глаза. Как будто бы опрокинутые, инопланетные, птичьи. Такие бывают у человека, висящего вниз головой. Он молчит.

— Это ты помогал мне отличать ложь от истины? — обращаюсь я к духу.

— Молчи! — отчаянно шипит мне в ухо Данилов. — Я же предупредил тебя, что надо молчать! Только истинный нойд имеет право разговаривать с духами!

— Но это мой дух...

Лицо Данилова становится серым от ужаса.

— Сейчас он тебя покарает.

Короткотелый подбирается ко мне совсем близко. Его лицо висает в нескольких сантиметрах от моего. И я вдруг вижу: то, что сначала показалось мне злобой, — не злоба. Это бесконечное, вселенское равнодушие.

-И не введи нас во искушение, — бормочет вдруг Данилов. — И избави нас от лукавого... — двоюродный дедушка встает на колени и закрывает лицо руками. — Золотые рога Мядаша пусть укроют меня своим светом... ууаамм-ууаамм...

Короткотелый протягивает ко мне свои короткие темные руки. Он прикасается к моему левому соску, потом к правому. В его движениях нет похоти — так дотрагиваются слепые, чтобы понять, чужак или свой.

Я закрываю глаза.

У него ледяные и твердые подушечки пальцев и такие же ногти.

И вдруг я чувствую, что этот твердый, отточенный лед... он словно бы испарывает мою покрывшуюся мурашками кожу и медленно ввинчивается в грудную клетку.

Я открываю глаза и смотрю, как его пальцы погружаются внутрь меня. Крови нет. И это не больно — только очень, очень тоскливо и холодно, и невозможно дышать.

Его опрокинутые глаза смотрят в мои без всякого выражения. Холодные пальцы равнодушно ощупывают, подергивают и покалывают меня изнутри. Как будто пытаются нашарить в потемках дверную ручку или замочную скважину...

Они находят то, что искали. Внутри меня словно бы поворачивается короткий и острый ключ — и резко открывается дверь.

За этой дверью — вода. Чуть желтоватая, стояла вода. Когда он выдергивает из меня свои руки и соединяет вместе ладони, эта вода до краев заполняет его пригоршню, и он выплескивает ее прямо на пол, прямо на клюкву и снег.

Впервые с тех пор, как я утонула, впервые с тех пор, как Эрвин вытащил меня из воды и применил метод Геймлиха, мне становится легко и просто дышать. Как будто из меня вычистили остатки хронической смерти.

— Ты поможешь мне снова отличать ложь от истины? — говорю я.

Он отрицательно качает головой. Он ничего не говорит, он просто пристально смотрит на меня, чуть выше бровей, в центр лба, — и в голове у меня сама собой появляется и тает равнодушная фраза. Когда знаешь истину, не имеешь выбора, Ника.

Потом он целует меня. В центр лба, куда только что смотрел, — короткий птичий тычок» Он не вкладывает в свой поцелуй ни любви, ни заботы, ни нежности, ни предчувствия скорой разлуки. Он не вкладывает в него вообще ничего. Он просто ставит пометку.

...Он отплывает от меня на два метра, переворачивается вниз головой и снова берет в руки бубен. Потом кидает его к моим ногам. А сам исчезает — не медленно растворяется в воздухе, а словно проваливается в бездонную монтажную склейку: вот кадр, в котором он есть, — а вот уже кадр без него.

Я смотрю на снег. Вода, которая пролилась из меня, прочертила, разъела на этом белом снегу пять кроваво-клюквенных букв: АНЙОВ... Я смотрю, как этот снег быстро тает. Как эти красные буквы теряют форму и разрастаются, расползаются по всему полу, по старым газетам блестящей россыпью болотных сморщенных ягод.

Я вспоминаю опрокинутые глаза короткотелого духа и думаю, что ему наверняка удобнее было писать справа налево.

Я поднимаю бубен, лежащий у моих ног. Он все так же прекрасен — но рисунок на нем изменился. В верхней части овала, поверх солнца с лучами-перышками, поверх одномерных, чуть кривых красно-желтых домиков, поверх серебристых чумов, поверх разноцветных человечков, зверей и птиц, нарисованы синие, с красными сердцевинками, языки пламени... В нижней части, под жирной чертой, мало что изменилось: полое дерево с кривыми ветвями без листьев, полые дома, полые чумы, люди, звери и

птицы...Только теперь все это заключено в черный траурный контур луны — огромной, раздутой... И вдоль этого контура, по самой кромке луны, бегут блестящие буквы. Они блестят, как могла бы блестеть в пепельном свете луны спинка жука-оленья:

еиназаксдерпястеавыбс

Я смотрю на Данилова, стоящего передо мной на коленях. Его глаза плотно закрыты.

— Тебе дозволено разговаривать с духами, — шепчет Данилов. — И дух отметил тебя поцелуем... Это великая честь. Я собирался прогнать тебя, но теперь я должен предоставить тебе свой дом и защиту... Ты можешь укрыться здесь, у меня, от тех, кто гонится за тобой...

Он, наконец, открывает глаза и смотрит на бубен в моих руках.

Я протягиваю бубен Данилову, мои руки трясутся, и колечки, вдетые в мертвую кожу оленя, позвякивают, мелодично и нежно, как в оленьей упряжке, везущей тело мертвого Санты...

— Теперь бубен твой, — хрипло шепчет Данилов. — Духи предков отдали его тебе. Духи предков написали на нем эти буквы. Если прочесть их справа налево... — он неестественно выворачивает козлиную шею, — о каком предсказании идет речь?

9

ОБОРОТЕНЬ — ОХОТНИКУ

Очередной отчет

При помощи вражеского агента N предпринято путешествие в Полую Землю (состав путешественников: агент Ы, агент Оборотень).

Результат путешествия можно считать в целом успешным.

Произведен контакт с союзниками «Офицер» (Мартин Линц) и «Рыцарь» (фон Вольфф). Судя по всему, оба союзника имеют отношение к созданию «послания». В частности, Линц неоднократно подчеркнул свою заслугу в налаживании контактов с Высшим Неизвестным. Появление м/ф «Первый отряд» Линц склонен связывать непосредственно с проявлением воли Высшего Неизвестного.

Общую ситуацию в Поллой Земле можно обозначить как нестабильную и угрожающую. Наблюдается радикальное сокращение расстояния между последней луной и поверхностью Поллой Земли, следствием чего являются гигантизм, всевозможные уродства и гиперизменчивость форм. Однако если вышеперечисленные «побочные эффекты» уже отмечались, по некоторым сведениям, в древности (при приближении к поверхности первой и второй лун), на этот раз мы имеем дело с еще одним беспрецедентным феноменом: обитатели Поллой Земли начали размножаться.

Процесс размножения пока довольно туманен для полоземлян и не вполне ими изучен. По сумме их мнений и наблюдений удалось составить следующую приблизительную картину происходящего:

1. размножение в Поллой Земле не связано напрямую с половыми контактами

2. размножение в Полой Земле вообще не предполагает наличия двух родителей (т.е. ребенок может появиться только у отца или только у матери)

3. сам процесс рождения, пользуясь терминологией некоторых полоземлян, «непостижим», т.е. каким-то образом лежит вне зоны их восприятия. Неизвестно, рождаются ли «лунные дети» (так их принято называть) физиологически, т.е. из тела родителя, или появляются откуда-то извне. Например, бытует легенда о том, что они выходят из Вечного мрака. Но как бы то ни было, при появлении в доме или в окрестностях нового ребенка, в 99 % случаев из ста этого ребенка сразу же безошибочно «признает» тот или иной родитель.

4. Потребность в признании «лунного ребенка» родители объясняют одной из (или комплексом) следующих причин:

- ощущение биологической связи с ребенком (синдром «говорящей крови»)
- ощущение эмоциональной связи с ребенком (ответственность, жалость, иногда даже любовь к ребенку)
- чувство долга (как перед ребенком, так и перед всей Полой Землей) и важности выполняемой миссии (при полном отсутствии понимания того, в чем же она заключается).

5. Большинство бездетных обитателей Полой Земли испытывают к «лунным детям» страх и отвращение и склонны считать их предвестниками окончательной гибели. Отчасти это связано с тайной появления «лунных детей», отчасти же — с так называемым Предсказанием (подробнее см. приложение № 1).

6. Появляясь в Полой Земле, «лунные дети», как правило, приносят с собой предсказание на том или ином носителе. Так, сын барона фон Вольффа (подробнее см. ниже) имел при себе свиток, прикрепленный (точнее, приросший) к его телу в районе коленной чашечки...

В ходе путешествия произведен плановый осмотр стратегически важного объекта «Замок фон Вольффа». По результатам осмотра, к сожалению, приходится признать, что рыцарское войско, на которое мы рассчитывали, находится в крайне плачевном состоянии. Воины сильно пострадали от приближения луны, большинство из них страдают гигантизмом, их тела непропорциональны, уродливы и совершенно не годятся для ведения боевых действий.

Сам фон Вольфф внешне выглядит в рамках нормы, однако его эмоционально-психологический статус можно оценить как неудовлетворительный. Рыцарь явно травмирован как состоянием своего войска, так и появлением у него «лунного сына».

Судя по всему, барон испытывает к ребенку (представляющему собой довольно типичный пример непропорциональности и

различных мелких уродств) смешанные чувства, среди которых можно выделить как жалость, так и отвращение. Ему чрезвычайно трудно смириться с тем, что его благородный род продолжен таким безобразным, позорным и постыдным образом.

Ввиду того, что рыцарское войско в нынешнем его виде едва ли сможет оказать нам содействие в грядущей войне даже в случае удачного прорыва Границы, а также ввиду того, что состояние Полной Земли в целом можно охарактеризовать как катастрофическое, оба союзника, Рыцарь и Офицер, выступают за реализацию разработанной ими операции «Перемирие» (подробнее см. приложение № 2).

Приложение № i: Предсказание и трактовка «Гиганты, вышедшие из-под земли, возвестят начало конца. Предотвратить конец может лишь примирение пяти первых, двух одинаковых и одного рыцаря на границе миров в присутствии неизвестного. Тогда в знак примирения все сложат оружие. Если же хоть один из пяти не явится на свое место в час примирения, или хоть один не сложит оружие, Рыцарь совершит казнь мечом, как это уже было, и настанет конец. И одна сторона превратится в огонь, а другая в лед».

Трактовка (произведена совместно Оборотнем и Гретой Раух):

— «Гиганты, вышедшие из-под земли»: изменение демографической ситуации в Полной Земле, которое мы наблюдаем в данный момент.

— «пять первых»: полный состав вражеского Первого отряда (Надежда Русланова, Зинаида Ткачева, Леонид Голышев, Марат Козлов, Валентин Котин)

— «два одинаковых»: агент Оборотень (близнецы Эрик и Эрвин)

— «рыцарь»: барон фон Вольфф

— «на границе миров»: речь идет, предположительно, о той части границы, где расположена Башня

— «в присутствии неизвестного»: речь идет о Высшем Неизвестном, управляющем Полной Землей, предположительно, из Башни.

...Далее по тексту вопросов не возникает.

ОХОТНИК — ОБОРОТНЮ

Проект «Перемирие» одобряю.

P.S. Ваш отчет как всегда увлекателен и не лишен литературных достоинств. Однако же вы, милейший, по своему обыкновению концентрируетесь на малозначительных подробностях и деталях, забывая о главном, практическом смысле

ваших заданий.

Так, в последнем отчете, к моему величайшему удивлению, я не обнаружил ни слова о рабочем методе, который вражеский агент N использует для проникновения в Полую землю.

ОБОРОТЕНЬ — ОХОТНИКУ

Для проникновения в Полую землю агент N использует традиционные шаманские практики. Шаман ее народа называется нойдом.

В перемещениях нойду содействует дух-помощник в образе животного.

Это то, что вы хотели услышать?

ОХОТНИК – ОБОРОТНЮ

Это не то, что я хотел услышать, агент. Я человек науки, а не безработный антрополог, изучающий сказки и предания малых народов.

Меня интересует техническая сторона дела. Кроме того, мне необходимо уяснить, освоена ли Вами техника перемещения агента N в достаточной степени, т.е. способны ли вы теперь перемещаться без нее, самостоятельно. Весьма надеюсь на положительный ответ. В этом случае миссию агента N можно считать завершенной, и вам следует в наикратчайшие сроки устранить вышеозначенного агента.

ОБОРОТЕНЬ — ОХОТНИКУ

Вы просто недостаточно знакомы с самим понятием «шаманского путешествия». По своей сути оно мало чем отличается от стандартной некропортации. Состояние каталептического транса,

в которое впадает шаман во время путешествия, имеет все внешние признаки смерти и сродни тому состоянию, в которое мы погружали некропутешественников. Описание же увиденного шаманами «в аду» по большинству параметров совпадает с описаниями Полой Земли, полученными от некропутешественников.

Что касается преданий — вам, безусловно, следовало бы ознакомиться хотя бы с преданиями своего народа. Осмелимся заметить, что институт Аненербе, чье дело вы, вроде бы, продолжаете, уделял довольно много внимания такого рода «наследию предков».

Вам следовало бы знать, что в мифологии древних германцев существенное место занимает Один (Вотан), обладающий, как известно, всеми свойствами шамана. Дабы постигнуть тайную мудрость рун, он висит на древе девять дней и ночей (типичный обряд посвящения). Восьминогий конь Одина, Слейпнир (типичное животное-помощник), доставляет своего хозяина в ад... И т.д. и т.п.

Что касается техники путешествия — спешим порадовать вас положительным ответом. Животное-проводник воспринимает Оборотня как дрессировщика. Другими словами, животное в достаточной степени подчиняется нам, чтобы содействовать нашему самостоятельному перемещению на Ту сторону.

Таким образом, миссию агента N можно считать завершенной.

НИКА

— Алло... Это Зина... — У нее странный голос. — Это Зинаида Ивановна.

Она как будто хочет хихикнуть в трубку, но сдерживается.

— ...Знаешь, Ника... Мне не хватает воли даже на то, чтобы открыть здесь окно.

Теперь она уже и вправду хихикает. Счастливо, как девочка, которой купили новую Барби.

— ...Это все-таки потрясающе сильная штука. Риттер Антворт... Твоей матери подарили вчера комплект... На «Днях Германии» в Мурманске... Твоя мать и сестры выступали вчера на концерте, на «Днях Германии», ты зря не пошла... Такое хорошее выступление, знаешь, они очень талантливы, твои родственники. Я счастлива, что живу в такой хорошей семье...

Ее голос сладкий, как кленовый сироп. Даже трубка как будто становится липкой.

Или это моя рука становится холодной и липкой...
От пота. От ужаса.

— Что случилось? Что у вас там происходит?

Я слышу в трубке ее дыхание. Сбивающееся, частое. Как на первом свидании.

Она говорит:

— Мы все здесь так счастливы, Ника.

Она говорит:

— Я знаю, что нужно выйти на улицу. Или хотя бы проветрить. Но мне так хорошо...

...Я бегу. Вдоль темной реки, мимо деревянных домов, мимо панельных домов, мимо гаражей и торговых палаток. Я бегу мимо «Чума», похожего на марсианский коттедж цвета морковного сока со сливками, я сворачиваю на грунтовую дорожку. Я бегу через поле обезглавленных августовских одуванчиков. Я вбегаю в подъезд двухэтажного пятнистого здания с осыпающейся известковой коростой. Я бегу на второй этаж... Отчий дом. Дверь не заперта.

Отчий дом... В прошлый раз почему же я не заметила, что здесь так хорошо? Так тепло, так уютно. Это место, куда приходишь, когда тебе плохо. Когда некуда больше идти. Когда хочется просто свернуться клубочком, заснуть...

Я сажусь на диван. Под оленьими рогами. Рядом с сестрой с чудесным именем Галочка. Моя мать пристроилась на подлокотнике кресла. В кресле дремлет отец. Зинаида Ивановна сидит на ковре, прислонившись спиной к венгерской темно-коричневой стенке. Прижимает к себе двух моих младших сестер, чьи имена я

забыла узнать. Они все улыбаются. Такие родные. Я счастлива с ними.

Сестра Галочка заваливается медленно набок. Прямо мне на колени. Я склоняюсь над ней. У нее на груди висит серебряный крестик. И отполированный кончик оленьего рога. На той же цепочке... Я заглядываю в лицо, которое обычно могу видеть в зеркале. Так похоже! Только это — слишком счастливое. И неподвижное. Мертвое.

Я кидаюсь к окну. Открываю его. Я сталкиваю мать с подлокотника. Она падает на затертый ковер. Она шепчет:

— Ты вернулась к нам, доченька. Как хорошо! Как я счастлива...

Я трясусь. Я подтаскиваю ее поближе к окну, к холодному, почти осеннему, ветру. Я кричу ей, кричу прямо в ухо:

— Чтобы ты искупила предательство, мама! Чтобы я не заманила твою душу в Туотилмби! Мое третье желание! Выполняй мое третье желание! Выводи всех отсюда!

...Мы выводим двух моих безымянных сестер. Мы выводим отца и Ткачеву. Мы оставляем открытыми все окна и двери.

Через час мы возвращаемся к Галочке.

Мать не плачет. Она снимает с шеи дочери крестик и вкладывает в ее правую руку. А в левую — кончик оленьего рога.

Она не хочет закрывать ей глаза. Она просто набрасывает на ее лицо простыню.

— Нужно вызвать священника, — говорит мой отец.

— Нойда тоже, — отзывается мать. — Она верила и тому, и другому.

Нойд Данилов является первым. С коричневой маской и бубном. Тем самым, моим бубном. Вслед за ним заходит священник. Оба смотрят на Галочку.

— Души невинно убиенных уходят в северное сияние, — говорит нойд нашей матери. — Ее душа сияет над тундрой.

— Души невинно убиенных отправляются на небеса, — говорит ей священник. — Ее душа возрадуется в раю.

Нойд надевает на лицо свою черную маску.

— Молитвами святых отец наших Господи Иисусе Христе Боже наш помилуй нас аминь... — бормочет монах. — Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков аминь Пресвятая Троице помилуй нас Господи очисти грехи наша Владыко прости беззакония наша...

Нойд ударяет в свой бубен, сначала тихо, потом чуть громче.

— Вы мне мешаете, — кривится монах. — Святой посети и исцели немощи наша имене Твоего ради. Господи, помилуй. Господи, помилуй...

— Да, мы вам давно мешаем, — огрызается нойд. — Очень давно. То-то сжигали вы нас, вместе с бубнами, на кострах и топили в реках...

— А вы жгли наши церкви!... Господи, помилуй... Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков аминь...

— Никогда. Лопари — мирный народ.

— Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго...

Когда все заканчивается, когда Данилов уходит в раздражении и гнев, когда дом погружается в ночь, когда младшая сестра, имя которой мне неизвестно, подходит ко мне и говорит, что я похожа на Галочку, когда отец выпивает достаточно, чтобы забыть, что у него была дочь и что теперь ее нет, когда моей матери, наконец, удастся заплакать — тогда священник подходит ко мне. И говорит:

— Вот мы и свиделись, дочь моя. Пойдем-ка со мной. Тут рядом. Улица Советская, четыре.

ЭРИК — ОХОТНИКУ КОПИЯ: ЭРИК – ГРЕТЕ

Срочно

С сегодняшнего дня агент Оборотень прекращает свое существование. Все его функции вынужден буду выполнять лично я.

По результатам обработки аудиозаписей телефонных бесед Эрвина я вынужден настаивать на немедленном отстранении моего брата от выполняемой им работы, т.к. он является неблагонадежным и неадекватным сотрудником и занимается опасной подрывной деятельностью. При этом его поведение я бы предложил квалифицировать не как предательство, но как временное помрачение рассудка вследствие применения по отношению к нему колдовских и оккультных практик со стороны вражеского агента N.

Обработанные материалы прилагаются.

12

НИКА

— Что вы тут делаете?

Отец Александр не изменился. Пузатый, одышливый, с лендой пшеничной бородкой и лицом оплывшего короля бубен.

— Работа, дитя мое, — разводит отец Александр короткими пухлыми ручками. — Я человек божий — а это почти что военнообязанный. То в Георгиевском монастыре служил, теперь здесь вот, в Богоявленской, ненадолго... Я там и тут, как говорится, куда пошлют... А посылают, как говорится, часто...

— И кто вас послал?

— Свечку хочешь? На вот тебе свечку, за упокой души сестры можешь поставить... Или лучше бери сразу побольше. Нужно ведь еще за упокой сироток из интерната, и за...

— Кто вас послал?

— Святые мощи. — Отец Александр солидно наклоняет голову влево, указывая пшеничным клинышком бороды вправо, на массивную дубовую раку, стоящую под иконами. — Святые мощи мы сюда привезли. Праведного воина адмирала Федора Ушакова, ну и еще кой-кого, по мелочи... Чтобы здешние верующие могли поклониться святыням.

Две худосочные женщины, одна в зеленой вязаной кофте, другая в лиловой, стоя над ракой, ожесточенно и дергано крестятся — как будто чиркают раз за разом ото лба к увядшей груди подмокшими спичками. Или передергивают невидимые затворы встроенных в их сухие тела автоматов.

— ...Святыням, да! — Отец Александр возвышает голос, чтобы кофты могли его слышать. — А то здесь и церкви-то до недавнего времени не было, какие уж вам тут святыни! Одно запустение... Но теперь двери храма открыты, с утра и до самого вечера. До восьми часов вечера двери открыты, до восьми часов вечера!

Худосочно-лиловая в крестном знамении глядит на часы; переломив в воздухе последнюю спичку, наклоняется над ракой и жадно клюет прозрачную крышку. Худосочно-зеленая торопливо передергивает напоследок затвор — и надолго прилипает губами к стеклу.

Потом они удаляются, и батюшка запирает за ними церковную дверь.

Изнутри.

— Хорошие мощи, — тоном французского фермера, предлагающего отменный рокфор, сообщает мне батюшка. — И исцеляли уже людей, и силу давали в битвах. Адмирал Ушаков достойный был человек. На Черном море служил, еще на Балтийском, на Средиземном. За Севастополь особо болел душой... Целовать будешь?

— Кош?

— Ну не меня же! Прости Господи, мощи, конечно!

Я подхожу к раке. Стеклянная крышка вся в мутных разводах.
Там, под разводами, что-то невнятное, обернуто в тряпки.

— ...В сорок четвертом открыли его могилу, и честные останки его оказались нетленны. А одна женщина даже увидела, как они мироточили. И слетались к ним пчелы...

...На уроке биологии Подбельский однажды раздал нам листочки. Ксерокопии. Вверху значилось: «Отчет VIII Отдела Народного Комиссариата Юстиции Съезду Советов (краткая сводка)». Ниже располагалась таблица. Три неравных графы: «наименование мощей», «дата вскрытия», «результаты осмотра».

Примерно так:

Наименование: Тихон Задонский

Дата: 28 января 1919

Результат: Череп. Высохшая, превращающаяся при прикосновении в порошок часть берцовой кости. Картон, выкрашенный под телесный цвет. Фальсификация рук и ног при помощи ваты и картона. И пер чашке прорез, в который вложен картон телесного цвета, и к нему при кладывались верующие. Дамские чулки, ботинки, перчатки. Вместо груди — железный каркас.

Или так:

Наименование: Сергей Радонежский

Дата: и апреля 1919

Результат: Изъеденные молью тряпки, вата, полуразвалившиеся человеческие кости, масса мертвой моли, бабочек, личинок. В черепной коробке в провощенной бумаге недавнего происхождения русо— рыжеватые волосы.

Всего — шестьдесят три наименования...

Мы дочитали. Посмеялись над чулками и ватой. Подбельский остался серьезен.

— Какие практические выводы мы можем сделать на основании сводки?

— ...Церковь — опиум для народа? — предположил кто-то из «безнадежных».

Подбельский скривился.

— Никакая материя не вечна? — предположил кто-то из подававших надежды.

— Чушь. Величайшие алхимики мира побеждали распад материи. Какие еще

варианты?

Мы предлагали варианты. Мы умничали. Мы говорили о божестве. О ритуалах. О том, что ждет после смерти. Об элементах язычества в православии. О лицемерии церкви. О недопустимости такого рода осмотров. О святотатстве. О святости.

Подбельский слушал, белый от злости. Он прорычал:

— Все не то! Вы все купились на дешевые трюки. Вы заслушались ряженых. Вас отвлекли погремушками: «нетленность святых», «лицемерие батюшек», «наглость наркомов»... При чем здесь все это? Никто не лезет в гробы, чтобы доказать несостоятельность церкви! Цепляйтесь за истину. Не дайте ей ускользнуть. Смотрите только на факты. Шестидесят три вскрытия. С декабря восемнадцатого по сентябрь двадцатого. Шестидесят три!

Многовато для обычной разоблачительной акции, нет? Хватило бы и трех-четырех. Какие выводы? А? Да простые! Они что-то искали. Они что-то нашли. Там, в этих гробах. Я не знаю, что. Но мне важен сам принцип. Сам принцип обработки информации, данных. Не отвлекаться на тлен!

... — Так ты собираешься целовать или нет?

Я склоняюсь над крышкой. Пахнет тающим воском. И медом, и ладаном, и гнилью рокфора.

Прикасаться губами к тому, что так пахнет, нет никакого желания.

— Ну не хочешь — как хочешь, — разрешает отец Александр. — Тогда просто открой.

— Что?

— Стекло крышку.

не отвлекаться на тлен

— Зачем?

— Я должен отдать тебе кое-что...

не отвлекаться на тлен

— ...Я — хранитель, а ты, дочь моя, воин...

важен сам принцип

— ...В назначенный час Хранитель передает Воину оружие... Я подумал, так будет надежнее: без таможенного досмотра и прочее... Она там, под мощами, в чехле. Твоя катана. Вытаскивай.

Я не двигаюсь.
Он говорит:

— Подумай о своих мертвых друзьях. О своей мертвой сестре. О скорбях твоей матери.

Он говорит:

— Подумай, в конце концов, о себе. За тобой ведь придут. Всегда лучше иметь при себе на такой случай оружие...

Он говорит:

— Да ты просто боишься прикасаться к святым мощам адмирала?

Я киваю.

— Не бойся. Там в основном вата и тряпки. А под ними — чехол.

Я смотрю на темный, дымчато-серый клинок. Его сталь похожа на бархатную змеиную шкурку. Я смотрю на ее струистый узор и не могу шевельнуться.

— ...Величайшая честь для меня передать тебе эту катану. Я делаю это так же, как в свое время отец Николай, царствие ему небесное, передал ее Надежде Руслановой. Это оружие, принадлежавшее древнему самурайскому роду. Этим оружием поражали демонов, духов и оборотней...

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

«Ты можешь быть тяжелым и мрачным — это нормально. Но, созерцая сны, будь легче перышка. Безусловно, практика сновидения требует целостности и серьезного отношения, но качество серьезности здесь несколько иное — это серьезность беззаботного смеха, каким смеется человек, которому не о чем беспокоиться в этом мире. Только при выполнении этого условия искусство видеть сны превращает их в сновидения». Карлос Кастанеда, «Искусство сновидения»

«Если ты принял решение убить человека, не нужно изобретать окольный путь, даже если действовать без промедления очень трудно. Ведь ты можешь утратить решимость, упустить удобный случай и поэтому не достичь успеха. На Пути Самурая главное — непосредственность, и поэтому лучше всего броситься на врага сразу же».

Цунэтомо Ямамото, «Хагакурэ Бусидо»

ОБОРОТЕНЬ

Мы до сих пор живем вместе. Две наши берлинские квартиры — беленькие и чистые, как мы сами, стерильные, как мы сами, одинаковые, как мы сами, — в основном пустуют, мы используем их только для выполнения специальных заданий. А живем вместе с ней. Старуха не отпускает нас от себя. Она как паук. Она как ребенок. Боится остаться одна в темноте.

Я открываю входную дверь и захожу в коридор. Нас двое, мы сильные, мы занимаемся спортом, потеем и бреемся, и мажем кожу лосьонами, и пользуемся дезодорантами, одеколонами, гелями... Но ее запах сильнее. В нашем доме всегда пахнет гнилью и старостью. Ее гнилью и старостью.

— ...Алло, это ты? — Голос Эрика звучит за стеной, приглушенно и сдавленно.
— Я же просил тебя не звонить, — он переходит на шепот, — это очень опасно, они тебя ищут!

Я снимаю ботинки и ставлю их рядом с такими же ботинками Эрика. Я крадусь босиком. Во всем мире у Эрика нет ни одного человека, кроме, возможно, меня, за которого он стал бы всерьез беспокоиться. Притворяется?

— ...Это очень опасно, они тебя ищут!

Нет, он и правда встревожен.

— ...они тебя ищут!

Когда фраза повторяется трижды, я, наконец, понимаю, в чем дело.

Это не Эрик.

Это я сам говорю.

Мой голос записан на пленку. И кто-то прокручивает ее снова и снова, там, за стеной, то пропуская сразу по несколько реплик, то застревая в тех местах, где слышимость хуже.

— Зачем ты зв... Что-то случи ак жаль.... дсказание. Я знаю,

что это будет за огонь. Я слишком хор..... Антворт. «Победи депрессию». Безобидное вещество без цвета и запаха. Оно может уничтожить всех за пару недель. Всех, кто мешает. Всех, ког... .. навидят. За пару недель оно уничтожит две трети земного шара. И эти люди, они даже не смогут убежать, они не захотят убегать, потому что им будет так хорошо! Так же хорошо, как было твоей сест.... лые страны умрут от этого бесцветного счастья...

Я понимаю, что там, за стеной, они сидят рядом и слушают вместе мой голос. Торопливый, захлебывающийся.

— ...Миллионы счастливых мертвецов. После этого их останется только сжечь...

Они прокручивают его, ковыряют, пинают, ускоряют,

задерживают...

— ...Очистительный огонь. Чтобы мир возродился снова, из льда и огня, другой, чистый. Ты плач... поч... нет, я так не дум... поел... люб... я так по т... учил... пожал...

Мой голос сливается в одно сплошное чириканье, визг ускоренной перемотки. Я прислоняюсь к стене. Я вдруг узнаю. Такое забытое чувство. Холодное, скользкое — как будто случайно проглотил дождевого червя, и он теперь обживает там, у тебя в глупине, изучает твои влажные полости...

Я вдруг узнаю. Ведь так уже было.

...Мне одиннадцать. Мои вещи свалены на пол. Она в них рылась. Нет, они рылись вместе. Она же слепая, он, конечно, ей помогал. Они нашли мой рисунок. Мою собаку с большими белыми крыльями...

Когда нам с Эриком исполнилось восемь, Старуха подарила нам на день рождения щенка. Овчарку. Она сказала, этот щенок будет нашим первым заданием. От нас требовалось выдрессировать его — так, чтобы он слушался беспрекословно. И только нас. Только Эрика и меня.

Это нам удалось. Через три года у нас был идеальный пес, который знал все команды, который скорее издох бы от голода, пуская слюни над миской с сырой говядиной, чем стал бы есть ее без нашего позволения, и который, кажется, искренне полагал, что во всем мире есть только два живых существа, достойных любви и внимания, — Эрик и я. Всех остальных он просто не замечал — либо воспринимал как врагов, если ему казалось, что они могут причинить хозяевам вред.

Он боялся Старуху — хотя и старался не подавать виду. Он не смотрел в ее сторону, но, когда она была рядом, у него на загривке топорщилась шерсть и учащалось дыхание.

Когда нам с Эриком исполнилось одиннадцать, Старуха сказала, что пора, наконец-то, проверить, как мы справились с нашим заданием. Она уставилась на нас своими слепыми глазами и сказала:

— Я жду представления.

Мы показали ей все, чему его научили, он выполнял наши команды безукоризненно и ждал от нас похвалы, а мы ждали похвалы от нее.

Она похлопала своими сухими ладошками и сказала:

— Неплохо. Но пусть он выполнит еще кое-что. Еще одно упражнение.

Мы вышли на улицу.

Она приказала нам усадить пса у входа, а самим идти в разные стороны. Он был спокоен. Он сидел смирно. Он умел ждать. Ведь «ждать» — это просто, это просто команда, одна из многих...

Когда каждый из нас отошел от него метров на восемь, Старуха сказала:

Теперь отдайте ему команду «ко мне». Одновременно.

И мы подчинились. Не знаю, чего мы от него ожидали — раздвоения, чуда... Но мы отдали ему эту команду. Одновременно, оба.

Стоя по разные стороны от него.

Я помню, как он тогда заскулил, — полный отчаяния и бессилия звук. Что-то похожее я с тех пор слышал только однажды: когда приказывал черноморской афалине прыгнуть через огненное кольцо...

Не знаю, чего мы от него ожидали, — для него это был выбор. Страшный выбор. Какой-то главный. Решающий. Не просто команда...

Он метнулся сначала ко мне, потом к Эрику, и снова ко мне, и обратно. Он крутился на месте, и выл, и дрожал, и обиженно лаял. Он улегся на землю. Так и не сделав свой выбор — решающий, главный. Он обязан был подчиниться обоим. Мы так его приучили.

— Эта собака никуда не годится, — презрительно скривилась Старуха.

— Эта команда была невыполнима! — возмутился кто-то из нас.

Ее глаза цвета плесни, цвета паутины, невыносимого цвета — они спокойно смотрели на нас. Потом она улыбнулась.

— Не бывает невыполнимых команд.

В тот день он отказался от пищи и от воды. И на следующий. И день спустя тоже. Он все время лежал на своем шерстяном черном коврик и как будто дремал. Если я или Эрик проходили мимо него, он вяло стучал хвостом по подстилке. Если мимо проходила Старуха, он чуть слышно рычал.

Он не ел и не пил. На шестой день он пришел в мою комнату. Лег, положив мне морду на тапки. И умер.

— Не бывает невыполнимых команд, — сказала Старуха. ~ Но бывают команды, для выполнения которых приходится сдохнуть.

Мы сожгли его. Вместе с мусором, ночью. Так сказала Старуха. Мы не плакали. Солдаты не плачут по павшим животным. Солдаты не плачут вообще...

Но, вернувшись домой, я нарисовал его. С большими белыми крыльями.

«Ты стал ангелом», — написал я внизу. А потом спрятал рисунок.

...Мне одиннадцать. Мои вещи свалены на пол. Она в них рылась. Нет, они рылись в них вместе. Она же слепая, он конечно же ей помогал. Они нашли мой листок... Я прислоняюсь к стене. Холодное, скользкое чувство. Я заставляю себя войти в комнату брата. Они сидят за столом. Они смеются. «Овчарка с крыльями», — трясется Старуха, «С крыльями!» — хихикает вслед за ней Эрик. «Запомни, Эрвин, — Старуха обрывает свой смех на хриплом

вороньем вдохе. — Запомни. Когда привязываешься к тому, кто тебе подчиняется, теряешь власть над собой».

Спустя три года у нас появилась другая собака. Она сказала, овчарки давно уже устарели. Она купила черного щенка Лабрадора.

Мы воспитали его без любви. Тупым и покорным.

...Я прислоняюсь к стене. Такое забытое чувство. Холодное, скользкое — как будто случайно проглотил дождевого червя, ном теперь обживается там, у тебя в глубине, изучает твои влажные полости... Я заставляю себя войти в комнату брата. Они сидят т столом. Они смеются. Они меня слушают. Из-за перемотки мой голос звучит как смешное чириканье.

— ...нет, ты н... ремирия не буд... перемир. нимаешь. Перемирия не б.... Нет, ты не понимаешь. Перемирия не будет. Это

ловушка. Потому что она не придет. Надежда не пр ше нет ни среди жив.... ртвых. ...среди мертвых... Ее больше нет ни среди

живых, ни среди мертвых.

Эрик смотрит на меня. Моими глазами. Светло-голубыми. Прищуренными.

Старуха смотрит на меня. Ее глаза цвета плесени. Невыносимого цвета.... Она перестает перематывать пленку.

Втроем мы слушаем мой взволнованный голос:

— ...Я точно знаю, поверь. Надежда Русланова покончила с собой в сорок четвертом. На глазах у Старухи. Но в Полой Земле с ней сразу что-то случилось. Она погибла во второй раз. Она исчезла. Она ушла в вечный мрак...

Мы вместе слушаем молчание на том конце трубки. Ее дыхание. Дыхание Ники. Молчание Ники.

Потом ее шепот:

— Эрвин... Эрвин... но если конец... и если война... если все и так неизбежно, зачем им устраивать эту ловушку?...

Мы вместе слушаем, как я отвечаю:

— Все слишком неточно. Все слишком ненадежно там, в Полой Земле. Все может измениться. Отмениться... Им нужен катализатор. Провокация. Взрыв... Это как с армиями. Представь себе... Войска стягиваются к линии фронта. Вооруженные. Но это все— таки еще не война. Все еще можно решить миром. И вот одна из сторон предлагает...

Старуха морщится, щелкает кнопкой. Запись выключается.

— ...заклЮчить мир, — договариваю я; меня, по крайней мере, невозможно перемотать или выключить. — И другая сторона соглашается. Предполагается, что командиры пожмут друг другу руку и подпишут бумагу. Но в назначенный час один командир не является. Это жест. Это вызов. По его солдатам открывают огонь. И что дальше? Конечно, война. Настоящая. Сразу...

— Очень образно, — мрачно говорит Эрик.

— Это ты сделал запись?

Он кивает мне:

-Да.

Он доволен собой. Я его не виню.

Неисповедимы пути Неизвестного. Может быть, если бы не ко мне, а к нему пришел тогда наш умирающий пес, не я, а он говорил бы сдавленным голосом все эти слова. Несчастной девочке. В трубку. А я бы, может быть, его записал, и показал запись бабке. И был бы доволен собой.

Но вышло как вышло.

— Я же предупреждала тебя, — говорит мне Старуха. — Когда привязываешься к тому, кто тебе подчиняется, теряешь власть над собой... Из-за нее ты потерял над собой всякую власть. Где сейчас эта девка?

Я молчу. Она усмехается. Она говорит:

— Помоги-ка мне, Эрик.

...Нам не нужны пытки. Наши методы давно обновились.

Никто не собирается вырывать из меня правду тисками, опускаться до уровня мясников-палачей... Они просто молча подходят ко мне, и Эрик кладет свои руки мне на виски, зажимая уши, а Грета — на лоб, так, чтобы были прикрыты глаза, и так они стоят секунд, наверное, тридцать, а потом тихо отходят.

Она говорит Эрику:

— Твоего брата стоило бы устранить, как ты думаешь?

Мой брат отвечает:

— Он нам еще нужен. Для перемирия мы нужны оба.

А я говорю им:

— Я не собираюсь участвовать в перемирии.

Они оба молчат.

Старуха шумно пьет молоко из стакана. Две тонкие струйки стекают из уголков ее рта к подбородку, заполняют морщины, разветвляются соцветиями белых прожилок.

Она допивает. Она говорит:

— Ты пойдешь туда, Эрвин.

— Ты отведешь меня силой?

Она вся в молоке. Как срыгнувший младенец.

— Ну почему силой? Я слабая женщина. Ты пойдешь туда сам.

2

НАДЯ

27 февраля 1944, Крым

Даже странно. Когда они схватили меня, я почувствовала не страх, а усталость. Ну вот, опять. Они всегда идут по пятам. Мне стоит только о чем-то подумать — и они уже в курсе. Настоящие ведьмы.

Они были вдвоем, но с моим ранением я не отбилась бы и от одной из них. Я подумала, я сказала себе: вот и все. Сейчас все закончится, они будут пытать меня, а после убьют. И еще я сказала себе: на той стороне будет Леня. Умирать не страшно. Страшно только предать командира, сейчас, до того, как все кончится. Если будет слишком уж больно.

Они волокли меня вниз по ступенькам, там было много ступенек. От монастыря к подножию мыса, к морю. Они волокли меня, а я считала ступеньки, чтобы не думать о смерти. Примерно на четырехсотой я сбилась и потеряла сознание.

Я очнулась, когда они окунули меня в кипяток. Гак мне показалось. Но когда я открыла глаза, то поняла, что ошиблась. Это был не кипяток, а ледяное зимнее море. Они раздели меня догола. Они зашли по колено в воду и положили меня прямо на дно.

— Уже проснулась? — спросила одна. — Что, холодно?

— Где Белов? — спросила вторая.

Они вышвырнули меня из воды на песок.

— Я ничего не скажу.

Они подошли к костру, чтобы погреть свои замерзшие ноги.

— Да и пожалуйста. Мы и так уже все узнали. Освобождение Крыма... Операция «Подземный капкан». Твой Белов — светлая голова. Но он не учел одного... — одна из них поворошила железным прутиком угли. — Рядом с ним всегда был предатель.

— Кто предатель?

— Ты, девочка. Ты. Твоя головка — все равно что маленький радиопередатчик. Конечно, на твою волну мало кто может настроиться. Только фокусники. Только самые близкие. Только твои мама и папа... Не всегда, нет. Время от времени. Если

доктор их очень попросит. У нас в Дахау есть замечательный доктор, его зовут Зигмунд Рашер. Так вот он установил, что мороз обладает интересными свойствами...

Они подошли ко мне. Одна держала меня, другая водила раскаленным прутом по спине. Они сказали:

— Мы награждаем тебя звездой. Пока мы будем ее выжигать, не кричи. Иначе ты не узнаешь подробностей...

Я не кричала. Я слушала про маму и папу.

Ментальные связи, — говорили они, — наш доктор Рашер считает, это как провода. При замораживании они оголяются. Замерзающие в снегу люди могут быть отличными проводниками мыслей... Особенно если это мысли их родного ребенка. Особенно если раньше они уже проделывали подобные трюки... «Семья телепатов на арене московского Цирка». Вам хлопали, да? Вас вызывали на бис? Наш доктор Рашер никогда не хлопает своим пациентам...

Скорее всего, я опять потеряла сознание. Я не помню, как там появились Белов и отец Николай. И как они отбили меня. И как унесли.

4 марта 1944, Крым

Вчера я им сообщила, что ухожу из Шестого отдела.
Белов сказал:

— Так нельзя, Надежда. Это важная операция. Ты не можешь уйти вот так просто. Ты мой лучший агент.

А я сказала:

— У меня больше нет дара. У меня больше нет сил. Я ни на что не гожусь.

Он стал кричать, но отец Николай меня поддержал. Он сказал:

— Не неволь. Бог дает человеку дар и Бог забирает. Ничего ты тут не поделаешь, граф.

Почему-то отец Николай назвал его графом...

Я отдала им меч. Отец Николай куда-то понес его, как он сказал, «на хранение». Я не чувствовала, что больше не увижу этого человека живым. Вероятно, мой дар и вправду меня оставляет.

Я сказала:

— Завтра утром я зайду попрощаться.

Только что я простилась с ним, мертвым. Батюшка умер во сне. От удушья.

Это странная смерть.

— Это странная смерть, — сказал Белов, глядя на труп.

Я заплакала. Белов меня обнял. Механически как-то, как куклу. Я заглянула моему командиру в глаза, и провалилась в густую кофейную темноту, и, как всегда, ничего там не разглядела^ быстро отвела взгляд.

Сколько я помню, он всегда был таким. Лицо честного, бесконечно усталого воина. Глаза — сгустки древнего непроглядного мрака. Даже улыбка не добавляет им света.

Если в глазах и правда отражается душа человека, тогда душа моего командира — потемки. И я не хотела бы там заблудиться.

Но я все-таки задала ему этот вопрос.

Я спросила:

— Товарищ Белов, а вы плакали, когда погиб Первый отряд?

Он перестал меня обнимать. Он тяжело прикрыл веками свои темные зеркала.

Он помолчал и ответил:

— Нет. Я не плакал, когда их убили. Я плакал до того. Когда увидел неизбежность их смерти.

Никогда, никогда, никогда, никогда. Никогда снова, что бы он ни имел в виду, я уеду домой, я не буду с ним больше работать^ не дам ему себя уговорить, я не останусь, я уеду как можно дальше, я уеду домой...

Если я уеду сейчас, если я не буду знать ничего об этой войне, моих маму и папу перестанут, наконец, мучить фашисты.

Если я уеду сейчас, я никогда не спрошу, я никогда не узнаю, что имел в виду мой командир, когда сказал, что он плакал до. Уж не то ли, чего я боялась больше всего. Уж не то ли, что мне снилось в кошмарах. Что он мог их спасти и не спас. Что они были его осознанной жертвой. Что Белов всегда готовил их к смерти. Для того, чтобы у нас был доступ туда. Для того, чтобы они были нашими агентами там. Он там — а я здесь. Оголенные ментальные провода. Для того, чтобы был канал связи.

Для победы.

Для родины.

Никогда, никогда, никогда. Я не хочу это знать. Я больше не знаю, где правда, где ложь. Я не хочу это знать. Я не хочу больше жить.

Я уеду туда, где меня не найдут.

Я уйду.

Я исчезну.

Исчезну.

Я не хочу больше.

20 июля 1944, под Мурманском

Они идут по моим следам, и они меня выследят. Вчера они подошли совсем близко. Я слышала их голоса. Трое мужчин, между собой говорили по-фински. И с ними ведьма. Одна из сестер. По-моему, Грета. С ней по-немецки... Куда делась вторая?

Надеюсь, сдохла...

У меня совсем никого не осталось. В Москве расстреляли Белова. Наверное, я зря ему тогда нагрубила. И уехала, не попрощавшись. Наверное, он нас все же любил...

Я странная дичь. Мне не хочется жить. Я уже ничего не боюсь.

Возможно, поэтому охота так затянулась. Отсутствие страха делает жертву сильнее...

3
НИКА

— Чая с клюквой попьем?

«...Я странная дичь. Мне не хочется жить. Я уже ничего не боюсь.

Возможно, поэтому охота так затянулась. Отсутствие страха делает жертву сильнее.

Но в итоге они меня все же найдут. И тогда я не дам им казнить себя. Я все сама за них сделаю. Я не нуждаюсь в их помощи. Я готова. Готова.

Иллюзионист Месин, папин друг, говорил, что цирковые люди не имеют права умирать в одиночестве. Смерть циркового, говорил он, — представление. Уходишь — раскланяйся.

Я не нуждаюсь в их помощи. Пусть они просто смотрят. Моя последняя публика.

Вчера я была в доме у Месина, его старший сын показался мне...».

Это все. Последние уцелевшие в ее дневнике строки. Остальные страницы сгорели и осыпались пеплом. Или их кто-то давно оторвал...

— Чая с клюквой попьем, а, Ника? — кричит мне Данилов с первого этажа.

— Попьем.

— Тогда завари! И добавь в заварной чайник клюквы! Там возьми, на газетах, где вчерашняя сушится...

Вчерашняя клюква разложена на пожелтевшем «Мончегорском рабочем». Освобождаю от ягод аршинный заголовок передовицы: «Возвращение к правде». С подзаголовка собираю еще одну пригоршню. Для чая достаточно.

Но я все же стряхиваю, прямо на пол, всю клюкву с газеты «Мончегорский рабочий».

Бывает так, что за нарисованным на стене очагом скрывается дверца. Бывает так, что ты срываешь холст со стены, находишь дверцу и теперь тебе нужен лишь ключ. Бывает так, что твой Буратино давно уже владеет ключом, а тебя водит за нос...

Я не дышу. Я читаю пропитанную клюквенной кровью статью

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРАВДЕ Мурманский фокусник Рудольф Месин реабилитирован посмертно

Как рассказать об этом событии, справедливом и грустном? Кто повинится перед этим человеком, без вины виноватым? Не повинится уже никто. Но рассказать стоит прямо.

Вчера, 4 марта 1962 года, спустя шестнадцать лет после вынесения чудовищно несправедливого приговора и приведения его в исполнение, наш знаменитый соотечественник, цирковой артист Рудольф Месин, был официально оправдан. Увы, посмертно. Его смерть останется на совести его палачей.

Грустный клоун, наивный мечтатель, веривший в силу человеческой мысли и в безграничность физических возможностей человека, он был расстрелян в 1946-м по нелепому обвинению в предательстве родины.

Рудольф Месин родился в поселке Ловозеро в 1910 году. Артистическая карьера его началась в Мурманске, а продолжилась в Москве: с 1931 года Рудольф — член труппы Московского цирка. Но не только профессиональные трюки и фокусы были его коньком: Месин в совершенстве владел искусством гипноза, увлекался астрологией и телепатией. Удивительные «сеансы магии», которые он проводил, всегда собирали аншлаг — и еще много дней после блестящих его выступлений не смолкали споры: что же из увиденного было цирковым трюком, а что — истинным чудом...

Годы войны Рудольф Месин провел на родине, в поселке Ловозеро: знаменитый артист страдал эпилепсией и не мог защищать отечество с оружием в руках. Однако же он стремился помочь своей родине другими средствами. Отказавшись от карьеры артиста, вместе со своей супругой Еленой Даниловой он сосредоточился на исследовании тех областей науки, которые, по его мнению, могли послужить государству в годы войны не хуже, чем химическая промышленность. С 1941 по 1944 год Данилова и Месин проводят ряд успешных опытов по телекинезу, телепортации и телепатии. Результатами их опытов интересуются на самом высоком уровне. Но любовь тиранов непостоянна: уже два года спустя против Месина фабрикуется дело. На человека, всем

сердцем болевшего за свой народ, вешают клеймо «враг». Елена Данилова остается одна с двумя сыновьями на руках, одному девять, другому два года-

Сегодня мы вспоминаем не только Рудольфа Месина. Мы вспоминаем их всех — без вины виноватых, сгнивших в тюрьмах, расстрелянных. Мы вспоминаем и отдаем им дань уважения. Мы возвращаемся к правде.

Супруга артиста, Елена Данилова, не дожила до этого справедливого дня. Ее сердце остановилось четыре года назад. Но мы надеемся, что сыновья Рудольфа Месина с сегодняшнего дня будут жить по-другому. Они будут с надеждой глядеть в будущее и с гордостью вспоминать прошлое.

... Бывает так, что твой Буратино давно уже владеет ключом, а тебя водит за нос. Я швыряю газету на стол перед двоюродным дедушкой. Я швыряю программку фестиваля «Международная

неделя Лапландии». Его имя и отчество написаны на голубом фоне, между рогами оленей. «Сергей Рудольфович Данилов».

— Рудольф Месин, — говорю я. — Ваш отец. Мой прадед.

Он молчит.

— Ваша фамилия! — кричу я. — Данилов! — кричу я. — Это фамилия матери!

— Сложно жить с фамилией отца, если он враг народа, — спокойно отвечает Данилов. — Сейчас новые времена, тебе не понять...

— Вы ведь видели Надежду Русланову. Вы ее видели. Она приходила к вашему отцу перед смертью! Вы ведь знаете... Вы что-то знаете! И вы мне ничего не сказали!

ч то ты нервничаешь? Садись. Попьем чайку с клюквой...

— Вы ничего не сказали! Вы читали дневник, вы смотрели бумаги, вы давали советы, и вы все время мне ввали!

— Я не врал. Я обещал тебе кров и защиту, и я тебе это дал.

Ярость, густая, темная, липкая, как смола, заполняет во мне пустоту. Там, в самой середине меня. Там, где сходятся ребра. Там, где у человека душа.

— Говори все, что знаешь!

Он молчит. Он закуривает. Мне хочется ударить его по лицу.

— Говори!

Он молчит. Я размахиваюсь и действительно бью его по щеке. Он не успевает от меня заслониться.

Его кожа кажется сухой и горячей, и ломкой, как корка свежего хлеба. В первую секунду мне чудится, что я ее раскрошила и один кусок упал на пол. Потом я вижу, что это просто его сигарета. Он уронил сигарету.

— В ней тоже был равк. — Данилов прижимает руку к щеке. — Ты такая же, как она. Ты приносишь беду. Поэтому я посоветовал твоей матери отдать тебя. Но теперь ты вернулась. Как и она. Она тогда тоже вернулась. И тоже требовала... помощи, правды. И тоже всех погубила.

Он подбирает с пола свою сигарету. Старательно пыхтит, раскуривает. Его правая щека становится красно-лиловой. Я приношу ему чай.

Чай с клюквой. Он шумно прихлебывает. Он говорит:

— Родители Нади — они были из Мурманска. Они дружили с моим отцом... с твоим прадедом... еще здесь. Ну и потом, в Москве, само собой: земляки. У них даже были совместные номера... Телепатические сеансы. Мать рассказывала, что потом, когда... Когда Руслановы не вернулись, когда их признали врагами народа, мой отец хотел взять девочку. Хотел удочерить Надю. Но мать отказалась. Она была нойдом. Она сказала: «В этой девочке равк». Отец не настаивал, он редко с ней спорил. Надю забрали в детдом. Потом перевели в интернат. Какой-то там специальный, секретный... А летом сорок четвертого она вернулась сюда. Пришла к нам среди

ночи. Мне было лет семь, но я хорошо ее помню. Потому что тогда я впервые увидел духа. Он сидел в ней, свернувшись, как нерожденный младенец. Мать спросила меня шепотом: «Видишь?» Я кивнул. И она сказала: «Эта девочка принесла нам беду».

— Как она умерла? — спрашиваю я Данилова.

— Кто, мама? Инфаркт.

— Нет. Девочка. Как умерла Надежда Русланова?

У Данилова откуда-то из живота вдруг кукует кукушка. Потом что-то лязгает. И снова кукушка. Он вытягивает из кармана штанов телефон.

Облезлый самсунг кукует весьма натурально. Это, кажется, первый звонок за все время, что я живу в его доме.

— Я вас слушаю. Да, провожу. Да. На Сейдозеро? Группа? Когда? Нет, это вряд ли... Сколько? Простите, я... Хорошо. Что? Клюкву? Да. Сколько?! Да, приходите. И мне тоже, да... До свидания.

Он смотрит на потухший экранчик мобильного, потом на меня, как-то устало и тускло.

— Хотят купить всю клюкву разом... — говорит он громко и монотонно, как будто сам не слышит свой голос. — Сменю мелодию звонка... — он реанимирует потухший экранчик, — у меня такая примета: каждый раз меняю мелодию, если звонит удачный клиент...

Он сонно тычется в кнопки мобильного телефона. Мне хочется снова его ударить. Но я сдерживаюсь. Я спрашиваю его еще раз:

— Как умерла Надя Русланова?

Он не реагирует.

Я трогаю его за плечо — он вздрагивает и поднимает в воздухе руку, словно хочет от меня заслониться. Потом говорит:

— Столько клюквы, зачем?...

И еще говорит:

— А она и не умирала.

4
НИКА

Поселок Ревда — в двадцати километрах от поселка Яовозеро. На саамском «ревда» означает место сбора оленей в период осеннего гона.

В период гона возбужденный и истощенный олень ревет и громко храпит. Такой олень называется ревтом.

Оленя не видно. Но рев и храп слышны хорошо. Из окна того дома, который мне указали.

...Смерть циркового — это спектакль, — сказал мне Данилов. — Это был просто спектакль. Все было спланировано: Надя прибегает к нам в дом. Отец прячет ее в сарае. Потом отец сам же выдает ее этим финнам и немке. Они приходят за ней. Отец открывает сарай. Она там в ловушке. Ей никуда оттуда не деться. Она предана, продана. Но там есть канистра с бензином и спички... Она выливает на себя всю канистру.., Она смелая девочка, она в отчаянии, смерть ей не страшна...

— Вы Михаил Агеев? — кричу я через окно.

Ревущий мужик на секунду смолкает, пытаюсь сфокусировать на мне оловянные пуговицы глаз. Пуговицы по-прежнему смотрят в разные стороны. Он всхрапывает и бодает лбом раму. Я инстинктивно зажмуриваюсь, спустя секунду догадываюсь, что стекла в раме не было.

...Она не умерла тогда, — сказал мне Данилов. — Это был просто сеанс. Совместный сеанс гипнотизера и нойда. Вдвоем отец и мать были способны на многое. Она не умерла — хотя ее преследователи и видели, как она себя подожгла. Хотя они и видели ее обгоревшее тело. Им казалось, что видели...

— Надежда Агеева, — говорю я мужику-ревту по возможности кротко. — Мне нужна Надежда Агеева.

— Над-деж-жд-дын-нет! — Ревт протяжно обдает меня перегаром, всхлипывает и рушится на пол.

...Мать отвезла Надю в тундру, — сказал мне Данилов. — К каким-то родственникам, она жила у них в чуме. Потом она вышла замуж. Взяла фамилию мужа: Агеева. В пятьдесят первом они переехали в Ревду — там открылся рудник. Она устроилась на Ловозерский ГОК... Она не умерла. Но она принесла нам несчастье. Из-за нее отца расстреляли. Донос от соседей: «в сорок четвертом Рудольф Месин выдал пионерку фашистам»... Она принесла несчастье в наш дом. Ты тоже принесешь мне несчастье...

В оконном проеме появляются другие две пуговики. Они похожи на предыдущие, но пришиты ровнее и лучше вычищены. Они смотрят прямо и злобно.

— Чего надо?

— Здесь живет Надежда Агеева?

— Нет. Чего надо?

— Надежду...

— Нет ее тут давно. Много лет уже. Ушла на болото по клюкву и не вернулась.
А чего надо?

— Н-не н-на б-болото! — рычит откуда-то снизу поверженный ревт. — Н-не н-над-до врать, н-не на б-болото, а на р-р-рудник! Она п-под землю ушла! И не вернулась! Ушла п-под землю м моя надежда!

— Помолчи, Мишаня, — пуговики вдруг смягчаются, лучатся грустно и ласково. — Ты его, девушка, не слушай. Больной он. С тех пор как Надька его пропала. А раньше-то не... Раньше мой брат другой был. Стихи писал...

— Ее звали Надежда Русланова?

— Кого?

— Его жену.

— Агеевы мы, девушка. Чего надо-то?

— А до замужества какая у нее фамилия была? Русланова? Или другая?

— Почем мне знать.

А звезда... Звезда была у нее выжжена? На спине?

— Почем мне знать, — пуговики неприятно мутнеют. — Я свечу не держал. Тебе чего надо на х...? Зачем пришла на х...? Кто подослал на х...? Ходят тут, вынюхивают! Один тут уже утром вынюхивал! Кто, чего, да когда... Анто... Атро... атрополог, б...дь! Знаем мы

этих атропологов! Прихваты гэбэшные и рожа гэбэшная! А-а— а!.. Вон он, на х...! Наверное, дружок твой, да? Вон он, на той стороне улицы стоит, рукой тебе машет!...

5
НИКА

Я иду к нему, медленно. Он машет рукой. Он садится на корточки.

Он раскрывает объятия — как будто он большой, а я маленькая, как будто я бегу, а он ловит, как будто я вылезла из воды, а он ждет с полотенцем, как будто он уезжал и вернулся... Как будто бы мы не на севере, а на юге. Как будто бы я никогда и не вырастала. Как будто бы мы никогда и не расставались.

Как будто бы он никогда и не умирал.

— Здравствуй, папа.

С некоторых пор я совсем не боюсь мертвецов. Я бегу. Я хочу обнять его прежде, чем он исчезнет. Я хочу взглянуть в эти глаза, которые я тогда не закрыла, чтобы они смотрели на море... Я хочу спросить его, куда попадают предатели после смерти. Я хочу сказать ему, что так по нему скучаю. Я бегу к нему. Я бегу — и он меня ловит.

...Его глаза живые, прозрачные, и самую малость в голубой, как пластиковая бутылка из под аква-минерале. Его руки теплые — и весь он живой, теплый, часто дышащий, встрепанный.

С некоторых пор я совершенно не боюсь мертвецов. Но он жив — и это меня очень путает. Я вырываюсь из его теплых объятий. Я отступаю на шаг.

— Ты что, малышка? — шепчет Подбельский. — Ты что, совсем мне не рада?

6
ПОЛАЯ ЗЕМЛЯ

Путь к границе был долгим, земля вязкой, а воздух густым. Но большой ребенок, которому никто не дал имени, приходил туда часто. Там, у самой границы, был пересохший глубокий колодец.

Большой ребенок спускался на самое дно и говорил с темной, из которой когда-то родился.

— Пускай никто не прогоняет меня, не отворачивается от меня и не задает мне вопросов. Пускай мой папа не стыдится меня и не боится меня. Пускай я стану красивым. Я загадаю: если я научусь выкладывать слова из кусочков льда, мои желания исполнятся.

7
НИКА

Я жду автобуса. Он сидит со мной рядом. На остановке. На оста новке в центре места сбора оленей в период осеннего гона.

В моих ушах ревут и стонут истощенные ревты.

В моих ушах пульсирует кровь, заглушая все звуки.

Сквозь этот шум я слышу наш разговор:

— Я видела тебя мертвым.

— Я ведь учил тебя всегда сомневаться в увиденном.

— Я видела твою кровь.

— Клюквенный сок, моя девочка.

— У тебя из груди торчал нож.

— Старый фокус. Спектакль.

— Твои глаза. Они были остекленевшими. Синими— синими...

— Специальные линзы. Мне не смогли подобрать мой цвет. И я выбрал синий.
Цвет печали. Цвет истины.

— Ты не дышал. У тебя не было пульса.

— Есть одно упражнение. «Тишина и шумный поток». Немцы содрали его у индусов, а я — у немцев... Нужно полностью расслабить сердечную мышцу. И услышать свою тишину. А потом снова заставить ее сокращаться, чтобы кровь стала шумным потоком...

На секунду надежда — больная, пьяная, пряная — вгрызается
в сердечную мышцу, всасывается через все слизистые, шипучей
отравой вспенивает шумный поток, докатывается до кончика языка
соленым вкусом железа...

— Все остальные... — мой рот сухой и железный. — Все остальные... — мой
голос скрипит, как несмазанная дверная петля. — ...Все остальные, там, в интернате, — это
тоже спектакль? Они живы? Как и ты? Тоже живы?

Подбельский молчит. Он печален. Крохотные зрачки дрожат в
его прозрачных глазах, как мошки в желе.

Железный вкус остается, но надежда уходит, быстро и страшно.
Отступает, как океан перед цунами, оставляя за собой голое дно.
Оставляя за собой камни, и водоросли, и задыхающихся золотых
рыбок. Обещая вернуться волной рокошущей смерти...

— Это ты подписал контракт с Йегером. На испытание «Рит тер Антворт».

Он должен ответить: «Вранье. Тебя обманули, не верь им». Он должен ответить: «Да, я. Но я не знал, что это опасно». Он должен ответить хоть что-нибудь. Но он молчит. И я спрашиваю:

— Ты хоть плакал, когда они умерли?

— Я плакал до того. Когда понял неизбежность их смерти.

Он говорит:

— Смерть невинных. Пойми. Она вечно спасает наш мир. Неизбежная жертва.

Он говорит:

— Иначе было бы просто не видно, как коварен наш враг.

Он говорит:

— Иначе ты не стала бы искать смысл. Искать вход. Искать Надю...

Он говорит:

— Я присматривал за тобой. Ты молодец, куколка. Ты научи лась переходить на ту сторону. Ты отыскала границу. Ты хорошо выполняешь задание.

Он говорит:

— Ты уже у финиша. Все получится. Но учти — нам нужна только победа. Перемирие — не для нас. Мы не сложим оружие.

Он говорит:

— Ты мой лучший агент.

Я говорю ему:

— Ты убийца. Ты сумасшедший.

Папа, ты сумасшедший.

— Возможно, возможно... — Он щурит прозрачный взгляд на дорогу. — Даже наверняка. Я убийца... — Он смотрит на часы. — Где этот чертов автобус? У меня в семь из Мурманска самолет...

Я представляю себе его самолет в синем северном небе. Белый след в синем северном небе... Подбельский смотрит в иллюминатор. В его руке пластиковый стаканчик с шампанским. Он отмечает победу. Он поминает убиенных. Невинных. Он летит первым классом в сторону солнца. Он улетает к греческим скалам.

В Храм Девы. В Божью страну.

А я остаюсь.

...Его автобус, наконец, появляется. Подбельский встает.

— Не отпущу.

Я вцепляюсь ему в запястье. Я чувствую: то, что еще недавно было надеждой, а потом схлынуло, — теперь оно возвращается. Холодной, длинной волной. Только это уже не надежда. А ненависть.

Я вскакиваю, я тяну его за одежду, я визжу и брыкаюсь, я стараюсь разодрать ему кожу ногтями. Я кричу:

— Не пущу!

Я кричу:

— Так нельзя! Не уйдешь, ты, сволочь! Ты не бросишь меня вот так! Ты останешься здесь, раз приехал!

Я кричу:

— Зачем ты уходишь?! Зачем ты приехал?!

Он не стряхивает с себя мои руки. Не отбивается. Он меня обнимает. Он дает знак водителю: жди, мол.

Автобус покорно дребезжит в ожидании, разинув все двери. Он говорит мне:

— Я собственно, приезжал попрощаться. В этой жизни мы уже не увидимся.

Он покачивается, переминаясь с ноги на ногу, он меня обнимает. Он покачивается, и я вместе с ним. Он говорит:

— Помнишь, как там, у классика? До свиданья, друг мой, до свиданья! Милый мой, ты...

у меня в груди
предназначенное
расставанье
обещает
встречу
впереди
до свиданья друг
мой
без руки
без слова
не грусти
и не печаль
бровей
в этой жизни умирать не ново но и жить...

...Когда я прихожу в себя, его уже нет. Я одна. Автобус, тарахтя, удаляется в облаке желтой пыли. Впрочем, нет. Приближается. Просто это уже другой, мой автобус. На лобовом стекле табличка «Ловозеро».
Я захожу.

— ...Ничего мистического нет в заговорах или шаманских камланиях. Просто тексты, используемые для введения в гипнотический транс. Сочетание звука и ритма...

Так говорил нам в интернате Подбельский. Он говорил:

— ...Тексты могут быть разными. Я, например, люблю лирику. А мои коллеги предпочитают считать от одного до десяти и обратно. «Даю установку, ваши будильники прозвонят завтра вовремя»... Это просто вопрос личных вкусов и предпочтений. Ритм и тембр. Вот что действительно важно, куколки. Ритм и тембр. И вы диктуете другим свою волю...

Я захожу. И за мной закрываются двери.

8

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

«Агенту N Документ № 4

(май 1944 г., из стенограммы допроса Белова Н.А.;

следователь Г.Н.Ларцев)

Следователь: Имя, дата и место рождения.

Допрашиваемый: Белов Никита Александрович, 1890 года рождения, деревня Полесье Орловской губернии.

С: Назовите ваше имя, дату и место рождения.

Д: Я только что назвал.

С: Следствие интересуется ваше настоящее имя.

Д: Мое настоящее имя — Белов Никита Александрович.

С: Следствие располагает информацией, свидетельствующей о том, что это — не настоящее ваше имя.

Д: Не понимаю, к чему этот спектакль. Вы прекрасно знаете, как меня зовут.

С: Ваше имя?

Д: Белов Никита Александрович.

С: Вы, я вижу, не хотите сотрудничать. Что ж, хорошо.

Допустим, это ваше настоящее имя... Никита Александрович, знаете ли вы, в чем вас подозревают?

Д: Полагаю, в предательстве родины.

С: Рад, что вы все понимаете. Значит, вы не собираетесь оказывать преступное противодействие следствию и отрицать очевидные...

Д: Отчего же? Я собираюсь отрицать.

С: Вы себе противоречите. Вы только что сказали, что понимаете, о каком вашем преступлении идет речь, и в то же время...

Д: Я сказал, что понимаю, в чем меня обвиняют. Это не сложно — не я первый, и не я последний, кого НКВД обвиняет в предательстве. Это не значит, что я готов согласиться с обвинением.

С: Меня искренне печалит, что вы не хотите сотрудничать.

Д: Я всю свою сознательную жизнь сотрудничал. С: Охотно верю. С кем?

Д: С ОГПУ. С НКВД. Со Специальным отделом.

С: А с РККА?

Д: Когда Специальный отдел перевели в ведомство разведуправления Генерального штаба РККА — сотрудничал с РККА. Я сотрудничал с советской властью в любых ее формах.

С: Складно поете... Ну а с Царской Россией?

Д: Никогда.

С: Возможно, ваши родители?

Д: Это оскорбительно. Мои родители были простыми крестьянами, жертвами царского режима. Советскую власть они приняли с благодарностью и воодушевлением.

С: Неужели?

Д: Так точно.

С: По некоторым моим данным, ваш отец был белым генералом и входил в Сенат...

Д: В жизни не слышал ничего более нелепого!

С: Уверен, за свою жизнь вы слышали массу нелепостей. Я же сейчас всего-навсего напоминаю вам о некоторых, скажем так, деталях вашей биографии. Вы родились в Петербурге в генеральской семье. Закончили Александровский лицей по специальности филолога-языковеда. Годы Гражданской войны провели в Крыму. В 22-м вернулись в Москву. С 24-го работали в Народном комиссариате иностранных дел. В 32-м вы были уволены как бывший дворянин. Весной 1933-го вас арестовали... Припоминаете, нет?

Д: Это все звучит настолько безумно, что мне даже трудно испытывать возмущение. Я родился в Полесье. Мои родители были простыми и честными тружениками. Да, я действительно учился в Петербурге. Я окончил там Высшую кавалерийскую офицерскую школу. Во время Гражданской войны мне было доверено командование разведэскадром в Первой конной армии. В 24-м я был принят в ОГПУ, Глебом Бокием лично. С 1930 года я работаю в Спецотделе. Все это вам прекрасно известно. Это всем известно! Меня все знают! Не говоря уж о том, что имеется масса документальных свидетельств!..

С: Не сомневаюсь. Не сомневаюсь, что существует масса документальных свидетельств. Не сомневаюсь, что вас все знают. Вы ведь у нас мастер фальсификаций. Мастер альтернативных историй. Вы, можно сказать, коллекционер. Такая жизнь — жизнь честного человека и сотрудника Спецотдела, жизнь товарища Белова, крестьянского сына из деревни Полесье, — такая жизнь, без сомнения, украшала вашу обширную коллекцию жизней... Не так ли, уважаемый граф?

Д: Да что вы такое, черт возьми, несете? Какой граф? Какая коллекция?! Я что, сплю?! Я не понимаю ни одного вашего слова! Дурной сон. Это просто какой-то дурной сон!

С: Не стоит так нервничать, уважаемый товарищ... то есть, простите, уважаемый господин граф. Правильно поступает тот, кто относится к миру, как к сновидению, так, кажется? Или что там считают по поводу снов господина розенкрейцера? Лично я в этом

вопросе не слишком силен. Меня больше интересуют простые и банальные вещи. Например, победа в войне. Освобождение русской земли. Уничтожение фашистской гидры. Уничтожение подлых предателей...

Д: В таком случае, мы с вами должны найти общий язык. Потому что меня интересует в точности то же, что и вас.

С: Ну, ну, так уж и в точности то же?.. Вам разве по чину интересоваться вещами столь приземленными? Алхимия, телепатия, выход в астрал — вот это, я понимаю, ваше... Уж вы-то разбираетесь в этих тонких материях как никто другой. Расскажите-ка мне что-нибудь такое этакое, из области оккультизма, а, граф? Вам не нравится, что я называю вас «графом»? Но в свое время вы ведь сами себя так называли? Или это кличка только для своих, да? Будет лучше, если я буду называть вас по имени? Сен-Жермен? Или Всеволод Вячеславович? Как вас больше устроит?

Д: Меня устроит, если вы будете называть меня моим именем. Белов Никита Александрович.

С: Как скажете, Никита Александрович... Правильно ли я понял, что вы отрицаете свою осведомленность в области оккультных практик и паранормальных явлений?

Д: Отчего же? Вовсе не отрицаю. Про оккультные практики и пара нормальные явления мне довольно много известно. Именно за эту область я отвечал в Спецотделе.

С: Этим вы также занимались в подведомственном вам исправительном интернате имени Сванидзе?

Д: В образовательной программе интерната делался акцент на профессиональную военную подготовку: стрельба, техника ближнего боя. Развитие у детей паранормальных способностей, таких как ясновидение и телепатия, не являлось приоритетной педагогической задачей.

С: Но вы не отрицаете, что работали над развитием этих способностей?

Д: Не отрицаю. С некоторыми особенно одаренными детьми мы работали в этом направлении.

С: Известно ли вам, что опыты по телепатии были запрещены в нашей стране в тридцать девятом году?

Д: У моего непосредственного руководителя имелось специальное разрешение от правительства.

С: Поскольку все ваши непосредственные руководители на сегодняшний день расстреляны, проверить эту информацию не представляется возможным. Однако я сомневаюсь, что советское правительство могло выдать кому бы то ни было разрешение на использование несовершеннолетних детей в сомнительных опытах... Насколько мне известно, весь «Первый отряд» — так, кажется, называли себя эти «особо одаренные» дети — был уничтожен фашистами в самом начале войны. Все эти дети погибли. Так?

Д: Так. Все, кроме одной девочки.

С: Все, кроме одной девочки... Эти несчастные, эти наивные, ни в чем не повинные дети погибли по вашей вине. Их смерть — на вашей совести! Они пали жертвами ваших грязных экспериментов!

Д: Возможно. Но именно такие, как вы выражаетесь, «грязные эксперименты» были необходимы для противостояния «Аненербе». Окультиная война с «Аненербе» предполагала...

С: Будьте добры, поясните, что такое «Аненербе».

Д: «Аненербе» переводится как «Наследие предков». Организация создана в 1935 году, якобы с целью изучения традиций и истории Германии. На самом деле первоначальной целью было доказательство теории расового превосходства германцев посредством антропологических и археологических исследований, а также освоение древней рунической магии и оккультных практик. Штаб-квартира «Аненербе» находится в замке Вевельсбург. Президент «Аненербе» — Генрих Гиммлер. Генеральный секретарь — Вольфрам Зиверс. Руководитель медицинских программ — Август Хирт. В 37-м «Аненербе» интегрировано в состав СС. С 1941-го включено в личный штаб рейхсфюрера. Вся деятельность организации переориентирована исключительно на военные нужды. Окультиная война СССР с «Аненербе» является...

С: Интересно ведь как получается, генерал Белов. Я вот не последний вроде бы человек — а никакого «Аненербе» не знаю. И про окультиную войну ничего не слышал. Знаю только, что есть фашисты. И советский народ с ними воюет — не оккультными практиками, а огнем и мечом. А вот вам — вам известна масса подробностей... И откуда же они вам известны?

Д: Все последние годы я посвятил борьбе с этой организацией.

С: А вот я полагаю, что причина вашей осведомленности — не в этом. А в том, что вы — их пособник. Предатель родины. Фашистский агент. Что вы делали в Крыму в марте этого года? Что вы делали в Крыму, занятом немцами? Д: Это сложно объяснить в двух словах. С: Вы уж как-нибудь постарайтесь. Д: Я искал... Искал вход в пещеру.

С: Вы издеваетесь, подследственный? Я вас русским языком спрашиваю: что вы делали в захваченном немцами регионе? Русски

язык понимаете? Или мне по-немецки спросить? Чем вы там занимались? Пособничеством?

Д: Я искал важный стратегический военный объект.

С: По чьему распоряжению?

Д: По собственной инициативе.

С: По собственной, значит. По собственной инициативе... Что ж, похвально. Всеволод Вячеславович, Вы, кажется, полагаете, что все опять обойдется? Что мы вас опять отпустим — как наши коллеги отпускали вас ранее? Так, Всеволод Вячеславович? Вы ждете, что придет добрый дядя и вытащит вас отсюда? Скажет нам, какая вы важная шишка? Думаете, вам удастся развалить это дело? Думаете, вам все опять сойдет с рук? Как тогда, в тридцать третьем? Дело востоковедов, припоминаете, Всеволод Вячеславович?

Д: Я прошу вас не называть меня чужим именем! Не знаю, на что вы там намекаете, я ваших намеков не понимаю. Дело востоковедов... Да, оно мне неплохо известно...

С: А как же! Вы ведь сами проходили по этому делу.

Д: Я? Проходил?!.. Я принимал участие в расследовании. Работал с некоторыми подозреваемыми.

С: Дорогой Всеволод...

Д: Не смейте меня так называть! Вы знаете мое имя! Нет, да что же это за бред!

С: Спокойно, спокойно. Давайте без нервов, генерал....

Товарищ Забрин, усадите товарища генерала поудобнее и наденьте на него наручники... Ну что, так спокойнее? Так, на чем мы остановились? Ах да, ваше имя. Ваше имя я знаю. А вы его, кажется, позабыли. Ну так я сейчас освежу вашу память. Ваше имя — Всеволод Вячеславович Белюстин. Ваша кличка — Граф. Долгое время вы являлись главой Ордена московских розенкрейцеров. Вы считаете себя реинкарнацией графа Сен-Жермена. Вы... Вам смешно? Я разве сказал что-то смешное?.. Подследственный, вы в состоянии отвечать на вопросы?

Д: Это действительно довольно смешно... Дело в том, что, принимая участие в работе над делом востоковедов, я лично допрашивал Белюстина. Так что я — ну никак не могу быть им. Вы можете поднять архивы... С: Уже подняли. Д: ...и найти протокол допроса.

С: ...Уже нашли.

Д: Тогда о чем мы вообще говорим? Я что, по-вашему, допрашивал сам себя?

С: Именно так.

Д: Что?

С: Именно так. Чтобы обеспечить себе алиби на будущее, вы допросили сами себя. Цинично и лицемерно напечатали протокол, в котором товарищ Белов допрашивает подследственного Белюстина. Наверное, вы здорово веселились, когда сидели за пишмашинкой. Что вы при этом делали? Прихлебывали марочный коньячок? Граф Сен-Жермен просто обязан уважать дорогой французский коньяк!..

Д: Это возмутительно! На допросе присутствовал мой коллега, товарищ Никифоров! Он был свидетелем. Посмотрите, в протоколе должно быть указано его имя.

С: Да, действительно... Имя товарища Никифорова есть. Но самого товарища Никифорова нет.

Д: Что это значит?

С: Никифоров, Эдуард Валерьевич. Предатель родины. Приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение в минувший четверг... В ходе расследования подследственный Никифоров счел нужным поделиться с нами некоторой полезной информацией. В частности, он рассказал нам про вас... Их

завербовало ОГПУ еще в тридцатом году. Тогдашние его сотрудники... они высоко оценили ваш магический, так сказать, потенциал. Да, можно сказать, что вы действительно работали на Спецотдел. Как говорится, «под прикрытием». Вы были розенкрейцером Белюстиным — и вы же были сотрудником Спецотдела Беловым. Весьма, кстати, неизобретательный псевдоним... вариации на тему «белого»... впрочем, чего еще ждать от сына

белого генерала...

Д: Это какое-то чудовищное...

С: Молчать! Вы вели двойную игру! Розенкрейцера Белюстина арестовывали три раза — и каждый раз выпускали, потому что приходил приказ сверху! Розенкрейцер Белюстин оказывался вдруг ценнейшим сотрудником Беловым! Ни в чем не повинные сотрудники правопорядка, честно выполнявшие свою работу, получали выговоры, получали сроки! А ценнейший сотрудник Белов выходил на свободу — чтобы снова играть в графа Сен-Жермена! Тогда, в сороковом, вас взяли в последний раз. Как Белюстина. Белюстин проходил по делу востоковедов. Белюстин обвинялся в шпионаже. Белюстину грозила вышка. Но, как всегда, пришел приказ сверху. Вместо вышки Белюстин получил десять лет лагерей. Белюстин отправился в лагерь, где мистическим образом исчез... Ну а как же иначе? Он же был маг все-таки... А вот генерал Белов — генерал Белов продолжил трудиться в поте лица своего...

Д: Все, что вы говорите, не имеет никакого...

С: Быть Белюстиным для вас стало слишком опасно, не правда ли? С тридцать седьмого по сороковой были расстреляны почти все ваши высокопоставленные «опекуны»! Игра не стоила свеч! Тогда, в сороковом, вы решили отказаться от личины Белюстина. Вы стали просто Беловым. Так? Так, я вас спрашиваю?! Молчите, генерал?... Может быть, ждете, что придет приказ сверху — «освободить», как обычно? Не придет, не мечтайте... Теперь только мы. Честные и беспристрастные защитники советской страны.

Д: Честные и беспристрастные... Именно поэтому вы обвиняете меня, основываясь на показаниях предателя Никифорова? На показаниях, наверняка данных под пытками?

С: Ну во-первых — почему же под пытками? Мы не применяем пыток без крайней необходимости. Вот вас же мы не пытаем... Вы нам все сами рассказываете. А во-вторых — с чего вы взяли, что мы основываемся только на показаниях Никифорова? У нас есть еще показания двух замечательных офицеров. В сорок первом году они служили близ Севастополя, на территории бывшего Георгиевского монастыря. Они видели вас там, генерал. Видели в сопровождении попа. Ныне покойного. По странному совпадению, он скончался совсем недавно. И тоже в Крыму. Ночное апноэ. Смерть от удушья... Символично, не правда ли? Но речь сейчас не о том. Так вот, этот поп — отец Николай, если не ошибаюсь — этот поп называл вас Графом тогда, в сорок первом. Что вы делали в Крыму, Граф? Что вы делали там в сорок первом — и что делали сейчас, в марте сорок четвертого? Отвечайте на вопрос! Если будете с нами сотрудничать, может быть, заменим вам вышку на пожизненные лагеря. Что, не хочется в лагеря? И вышку не хочется? Ничего не попишешь.... Предателей мы не щадим. И помощи вам ждать не от кого. Не осталось у вас наверху защитничков.

Д: А что мне Сталин? Меня Ленин на это место поставил.

С: Что вы сказали?!

Д: Я лишь процитировал слова товарища Глеба Бокия. Бокий сказал их в тридцать седьмом году, Ежову... Домой он после этого уже не вернулся. Такие, как он, — в конце тридцатых они часто не

возвращались домой. Их истребляли. Всех, как вы говори те, «защитничков». Всех, кто имел собственную гордость и честь, всех, кто имел фантазию, талант, дар, всех одиноких и страстных, всех вольнодумцев и хамов, всех Бокиев, блюмкиных и Варченко — их истребляли, последовательно замещали пустыми, послушными, одинаковыми, такими, как вы, не видевшими ничего до, не ждущими ничего после... А тех немногих, кого вы не добились тогда, вы добьетесь сейчас. Таких, как я. Тех, у кого до сих пор есть фантазия, талант, дар. Тех, кто обеспечил вам победу в этой войне. Теперь, когда война почти выиграна, такие, как я, больше вам не нужны. Вам больше не нужен наш дар. Наоборот, он вам только мешает. Вы ведь не можете его контролировать. Вы ведь не можете его даже понять!..

С: Поздравляю, Никита Александрович. Считайте, что вы только что подписали себе расстрельный приговор. Даже если представить себе, что все выдвигаемые против вас обвинения ложны, вы, безусловно, наговорили сейчас достаточно, чтобы поставить вас к стенке. Только плодотворное, только полноценное и безоговорочное сотрудничество может спасти вам...

Д: Я не боюсь высшей меры. Я не боюсь смерти. Я никогда не умру до конца.

С: Так вы признаете, что ваша настоящая фамилия — Белюстин? Вы подтверждаете, что считаете себя реинкарнацией графа Сен-Жермена, алхимика? Почему вы молчите, подследственный? Вы готовы к сотрудничеству?

Д: Да.

С: Вы готовы сделать признание?

Д: Да.

С: Я вас слушаю очень внимательно.

Д: Товарищ следователь, я... Все это время, что мы с вами беседуем... С самого начала нашей беседы я все хотел сказать вам... Идите на note 1, товарищ следователь.

9

НИКА

Некоторые люди страдают абсурдной, иррациональной, унижающей человеческое достоинство любовью к земле. Земли у таких людей бывает обычно мало — шесть соток потасканного, вялого, обезвоженного дачного суглинка, — но на этих сотках они самоотверженно убиваются четыре месяца из двенадцати, то есть треть своей жизни, неистово ковыряя, орошая, пропалывая, удобряя, окучивая, поклоняясь, пытаясь пробудить в бесчувственной и подмерзшей, уставшей от клиентов пожилой огородной фее либидо.

В награду за труды фея честно вымучивает из себя и дает поклоняющимся все, что способна им дать. Несколько десятков корнеплодов, пучки ароматного, тонкого как нитки, укропа, усатые кустики земляники, цветы на некрепких ножках... Благодарные дачники увозят в свои большие города несколько связок кривых морковок и несколько букетов кривых тюльпанов. Они не желают

думать о том, что четыре месяца какого-нибудь иного труда, конвертированного затем в деньги, могли бы подарить им целую фуру заморских цветов и фруктов. Их любовь к земле бескорыстна, им вполне достаточно малого: нескольких зримых доказательств того, что их земля плодородна. Несколько зримых доказательств того, что их жизнь продолжается — и при этом подчиняется им.

Так или примерно так рассуждает лопарь Данилов. Сам он живет иначе на своих шести сотках. Он давно понял, что рассчитывать на землю не стоит — рассчитывать можно лишь на гнилое болото, на россыпь пузатых слизисто-кислых ягод по триста рублей за ведро. Так что он не тревожит священную дрему подземных духов лопатами и граблями, его не заботят сорняки и дикий кустарник, он позволяет своей земле зарастать лопухом и крапивой, он давно примирился с тем, что ничего путного его земля не родит.

Тем более странно наблюдать результаты его трудов.

Вечерний туман плотным капроновым чулком обтягивает вывороченные с корнем лопухи и полынь — и рвется, разъезжается стрелками в тех местах, где его влажную ткань протыкают поломанные листья и ветки. Сарай открыт — Данилов, вероятно, брал грабли. Между поверженными сорняками чернеет узкая, длинная грядка. В конце ее, там, где узкая полоса обработанной земли неожиданно упирается в кусты, лежит глыба льда.

не грусти и не печаль бровей

Даже для Лапландии нетающая глыба льда в кустах в августе — это довольно странно. Любопытство — великое дело. На несколько счастливых секунд я забываю о предателях и их жертвах и оказываюсь на приусадебном участке Снежной королевы, и только сосульки прощальных есенинских рифм ритмично сочатся в мозгу ледяными звонкими каплями.

но и жить конечно не новей

Я подхожу ближе и трогаю ледяную глыбу рукой. Чары Снежной королевы рассеиваются. То, что с некоторого расстояния в тумане я принимала за лед, оказывается обернутой в плотный полиэтилен лодкой. Это она, лодка, прочертила по участку Данилова темную борозду. Это ее, а не грабли Данилов выволок из сарая. Вероятно, кусты сорняков мешали ему на пути — поэтому он их выдрал...

Откуда-то с противоположного берега реки раздается собачий вой — глубокий, изломанный, как горловое тувинское пение. Я машинально поднимаю голову вверх — увидеть то, что видит сейчас эта невидимая собака. В водянистом полярном небе, сдобренном каплей синих чернил, неуверенно повисла луна. Круглая и мутная. В молочной лужице топленого света она кажется немного несвежей.

Но собакам нравится падаль.

Я захожу в дом. В первую секунду у меня появляется ощущение, что здесь побывали грабители. Потом это ощущение пропадает.

Мебель на месте, все цело, на плите шкварчит что-то грибное, Данилов сидит за столом и пьет чай. Но дом почему-то кажется

опустевшим. Или не опустевшим — каким-то обескровленным, что ли. Стерилизованным, вычищенным, как матка после аборта. Я не сразу понимаю, в чем дело.

— Посиди со мной, — говорит Данилов чуть слышно.

Он поднимает глаза от чашки. В них та же послеоперационная пустота.

— Хочешь чаю? — спрашивает Данилов, не двигаясь с места. — Я налью тебе. Если хочешь. Но клюквы нет.

Клюквы нет. До меня, наконец, доходит, в чем дело. Голый дощатый пол. Все газеты, тазы и ведра с клюквой исчезли.

— Один клиент, — говорит Данилов, — приехал и купил сразу всю.

Голос у него похоронный.

— Хорошо, — говорю я. — Это же хорошо, разве нет? Очень удачная сделка.

— Удачная сделка... — отвечает Данилов, как эхо. — Чай будешь?

Мне не хочется чай, мне не хочется говорить с ним о клюкве, мне хочется подняться наверх, в свою комнату, и подумать про Подбельского и его самолет. Представить, как самолет падает в море. Или даже не представлять, а просто заснуть. Сразу, без мыслей. Мне не хочется сидеть здесь, за столом, с этим стариком, продавшим всю свою клюкву, обескураженным чем-то, до чего мне нет дела... Но в глазах старика такая космическая, такая вакуумная пустота, что я все же сажусь рядом с ним.

— Этот клиент, — говорит старик, — он был странный. Он купил все ягоды. И еще заказал экскурсию. На Сейдозеро, к священному Сейду. Он заплатил мне вперед. В десять раз больше, чем я обычно беру за экскурсию.

— Ну и что? Может, он был иностранец?

— Он выглядел как иностранец.

— Ну вот видите...

— Но он не был иностранцем — Данилов говорит с тем болезненным раздражением, каким старики часто прикрывают свой страх. Свое бессилие перед старухой с косой. — Он вообще не был человеком. Я имею в виду — внутри. Это был... Я никогда не встречал никого... ничего подобного. Не человек, не дух и не демон. Скорее механизм. Какой-то слегка изувеченный механизм. У него не хватало нескольких пальцев... И глаза...

глаза очень странные.

— Узкие, да? — Я вдруг понимаю, кого имеет в виду Данилов. Того, кого Ткачева называет ангелом смерти. Того, который приходил и ко мне. — Когда вы везете его на экскурсию?

— А я не везу. — Данилов шумно допивает свой чай. — Он сказал, что сам повезет группу. Ему нужна только лодка. Он сказал, мое присутствие будет лишним. И даже невозможным. Так и сказал. Что-то здесь зябко...

Данилов, кряхтя, поднимается.

— Холодно как-то. Тебе не кажется? Может, нам печь затопить?

Впервые за все время, что я у него живу, я вдруг понимаю, что он действительно стар, просто старость разрушает его задубевшую кожу не снаружи, а изнутри. И стоит ему испугаться, устать, ослабеть, озябнуть — старость вгрызается ему в сердце, как стрептококковая бактерия, всегда живущая где-то в складках миндалина и ждущая, когда ослабнет иммунитет.

— Или чайку?..

Сейчас его старость смотрит на меня из под его набрякших, точно резиновых, век, заискивающе и смущенно. Он хочет, чтобы я посидела здесь с ним, поговорила о чем-то простом и нестрашном, и, может быть, взяла его за руку, и, может быть, поблагодарила за гостеприимство и помощь. Он хочет, чтобы я отвлекла его старость, задобрила, заболтала ее, загнала ее обратно под сердце.

Но мне нечего ему дать. Я слишком устала, чтобы бороться с чужими демонами.

Я отвожу взгляд. Я поднимаюсь и иду к лестнице.

Я говорю ему:

— Мне очень хочется спать.

— Ну что ж... А я тут посижу.

Он выглядит как дворовая собака, которую, несмотря на грозу, не пустили в дом.

Я говорю ему:

— Спокойной ночи. До завтра.

Он торопливо, по-стариковски, причмокивает. Думает, что бы такое сказать. Он должен гавкнуть, прежде чем уйти в свою будку.

Он говорит:

— Между прочим, это оружие. Этот меч...

— Катана.

— ...Да-да, меч. Мне не нравится, что он стоит тут прямо у входа. Если уж ты приволокла в мой дом меч, заberi его к себе в комнату. Мне не нравится смотреть на оружие.

Я возвращаюсь и беру меч.

— ...Саами — мирный народ, — говорит Данилов мне в спину.

Я молчу. Я поднимаюсь по лестнице.

10
ГРЕТА

Она сказала «спокойной ночи», взяла пакет молока, чашку и ушла к себе в спальню. Там она включила батарею. И аккуратно поставила чашку на шкаф. Чашка была ей теперь не нужна.

С некоторых пор, с недавних пор она разучилась пить даже из чашки. Ее организм готов был принять только одно. Парное молоко. Прямо из вымени. Как любят суккубы.

Но с организмом пока еще удавалось заключить сделку. Маленький обман.

Она нащупала дверцу шкафа, выдвинула ящик, достала продолговатую упаковку. Подцепила хрусткий картон длинным коричневым ногтем. Вытащила бутылочку. Пластмассовую, для кормления младенцев. С резиновой соской.

Она наполнила бутылочку и заткнула за батарею. Молоко должно немного согреться.

Из соска должно литься теплое молоко...

Потом она заперла дверь в свою комнату изнутри. Еда — интимный процесс. Кроме того, никому не стоит смотреть на ведьму, сосущую соску. Особенно Оборотню.

Это может плохо сказаться на авторитете.

Старуха сжала зубами соску и наклонила бутылочку.

Она представила себе запах травы и звериного страха. Едкий пот. Одеревеневший коровий живот. Пьяные от крови слепни.

Они вместе сосали эту корову — она и слепни. Они вместе пьянели от ее сока. От ее страха. Они вместе в нее вгрызались — до крови, до крови...

Она выпила все, что было в бутылочке, провела пальцем по надорванной, влажной резине. Спрятала пустую бутылку в пакет.

Потом легла на спину. Натянула на слепые глаза черную самолетную повязку. Это ничего не меняло — но все же... Так было спокойнее.

Сон долго не шел к ней.

Она лежала и думала об Эрвине. Думала о том, где ошиблась. Почему дух воина покинул его. Почему он становится все больше похож на свою никчемную мать... Она отматывала в голове

магнитофонную запись. С конца на начало. И то, что до записи. С конца на начало, с конца на начало... Она вдруг вспомнила запах земли. И саму землю — тогда она еще могла видеть.

...Они лежали на рыхлой земле, на свежей могиле, в сорок четвертом, под Минском. Она и Эльза, голые, на спине. Мартин брал их по-миссионерски, бесстрастно, лишь слегка раздувая ноздри на выдохе — будто греб по реке, ритмично врезая весла в неподвижную воду. Он брал их, как всегда, поровну: с тихим всплеском выныривая из одной и тут же погружаясь в другую. Не говоря ни слова. Не нарушая ритма. Не нарушая договоренности.

Он распределил поровну даже свое семя — все так же бесстрастно.

Он сказал: «Я даю вам возможность зачать среди духов павших героев».

Может быть, слишком много духов бродило в ту ночь по могилам. Может быть, там были души павших врагов — и они тоже искали себе пристанище. В любом случае, зачатая в ту ночь Герда выросла рыхлой и мягкой, как славянская земля, как славянская баба. А ее сыновья родились похожими на сыновей Люцифера. Но один из них оказался подделкой. Мастеровитой, неотличимой от оригинала фальшивкой, не способной на истинный подвиг...

Линц сказал: «Мы проиграем эту войну, но вы должны родить для новой войны новых героев».

Она слушала своего командира. Она лежала на холодной земле, голая, на спине, задрав ноги...

Из воспоминания она провалилась в сон, тяжело и плохо. Точно прорвала тонкую спасительную ткань, на которую должна была опуститься, и потом еще долго падала, и наконец упала, ударившись спиной о дно открытой могилы.

...Она лежала на холодной земле, голая, на спине, задрав ноги. Прямо над ней висела луна. Как круглое дно наполненной молоком детской бутылочки.

Она выбралась и пошла босиком по земле.

Мартин Линц стоял, опираясь на крест, в пепельном свете луны. Абсолютно голый. Без кожи.

— Мне так хочется снова дышать, — сказал он. — Снова смотреть на солнце...

— Охотник старается. Он делает все, то может...

— Я знаю, Грета. А ты стараешься, а? Ты стараешься, моя девочка?

— Я стараюсь, — ответила Грета. — Завтра. В назначенный час я приведу всех, кого нужно, в Полую Землю. Для примирения, которого не случится. И тогда одна сторона превратится в лед, а другая в огонь. И все входы откроются. И ты вернешься. Ты скоро вернешься...

— Молодец, милая... Но до завтра мы должны еще кое-что сделать.

— Я знаю. Я должна убить ее. А ты встретишь ее у границы — и убьешь ее снова. Чтобы она исчезла. Растворилась навсегда в вечном мраке...

— Мне больно вот тут. — Линц вдруг приложил распухшую, обтянутую лиловой паутиной кровеносных сосудов руку к распахнутому животу. — Он что-то делает там со мной, с моим телом, он ковыряется в нем, как мясник...

— Охотник знает, что делать.

Она поцеловала его в липкую щеку, испытыв секундную нежность, а может быть, отвращение. Она провела рукой по его скользким губам и слизнула с пальцев тонкую кленовую сладость, осеннюю гниль.

Он сел на землю, прямо там, под крестом, в лужу пепельного лунного света.

— Давай, моя девочка. Покажи мне, как ты становишься ангелом. Я обожаю на это смотреть.

Погрузиться в сон — это еще не значит отпустить свою душу. Это значит просто слегка ослабить ее поводок: даже во сне душа несвобода. Она как куколка в коконе. Куколка, которой не дано вылупиться.

Но Грета умела избавляться от кокона. Высвобождаться из своего тела и сна. Улетать, а затем возвращаться. Линц говорил, ее душа подобна крылатой волчице. Он говорил, однажды он сам ее видел. В сорок четвертом. Их разделяла тысяча километров. И все же она его отыскала. Она легла рядом с ним, сложив за спиной свои крылья. Белая волчица. «Это ведь была ты?», — спросил он ее неделю спустя. Она ответила: «Да». Она соврала. Это Эльза любила принимать облик волчицы. Душа Греты всегда оставалась незримой.

...Она ударилась в кокон. Потом еще раз. Еще. Сон расплылся истлевшими лоскутами, как саван. Холодный ветер, который всегда свирепствовал вне, подхватил лоскуты, — на одном из них корчился Линц, — растрепал в клочья и унес в темноту.

Она взлетела и из сотни ледяных воздушных потоков выбрала тот, который ей подходил. Она направилась на северо-восток.

Маршрут она изучила заранее.

НИКА

Данилов явно мерз и кутался в какую-то серую тряпку, хотя солнце палило нещадно. По песку он шел как по снегу. Вздрагивая на каждом шагу.

— Саами — мирный народ, — сварливо сказал Данилов. — Мы не держим оружие в доме. Мы зарываем меч в землю. Или в песок. Или в гальку. Смотри, как тут много

песка и гальки. Зарой его. Нет, не здесь, не здесь... Здесь кто-то пойдет босиком и порежется. Зайди и зарой его там, в воде.

Она зашла в море по пояс. Воткнула катану в дно — острие вошло в песок с резиновым хрустом. Она поняла в ту же секунду. Амиго. Он был там, по другую сторону дна. Наверное, она его ранила.

— Амиго, — позвала Ника. — Амиго, хороший мальчик...

Она увидела, как из песка сочится вверх алое. Точно прорастают дрожащие красные водоросли, и тут же теряют форму, расползаются, тают, заволакивая воду бурыми сгустками тины. Потом Амиго всплыл над водой. Животом вверх.

— Не зови меня больше, — сказал он молча, без слов. — Если я приду к тебе снова, умру.

— Ты уже умер, — сказала Ника.

Ей было страшно, что он об этом не помнит.

— Амиго, афалина — он занервничал. — Амиго — хороший мальчик. — Он с трудом перевернулся в воде, так, чтобы быть спиной вверх. — Амиго не умер. Амиго совсем не умер. Просто уплыл на другую сторону дна... Не зови Амиго обратно— Когда зовешь — Амиго хочет к тебе. Но ему нельзя. Амиго к тебе больше нельзя... Иначе Амиго исчезнет...

— Здесь холодно, — вмешался Данилов. — Выходи из воды, Ника. Начинается шторм.

Она машинально послушалась. Высокая бурая волна чуть не накрыла ее, пока она брела к берегу, Данилов ждал ее с полотенцем. Он почему-то был в рясе. На груди его висел крест.

— Вспоминай отходную молитву, — сказал он.

— Я не помню.

— Повторяй за мной слова, дитя мое. — Он обернул ее в поло тенце и обнял. — Мне отмщение и аз воздам... Ибо близок день гибели их... Скоро наступит уготованное для них...

Пока она повторяла за ним слова, он ушел — к монастырю, по каменной лестнице вверх.

Она повернулась к морю, закрыла глаза и почувствовала, что пустота, оставшаяся после него, уже заполнилась кем-то.

— Пойдем купаться, — сказала она. — Шторм уже кончился.

ГРЕТА

Девчонка спала. Грета прильнула к чуть влажным завиткам на виске. От ее кожи исходил легкий запах бергамота и ирисов, с примесью едва ощутимой кислинки пота. Это был хороший запах, живой, свежий, жертвенный и при этом какой-то настойчивый. Юность с ее липкой пылью... Слепые люди очень ценят хорошие запахи: красота, которую легко обонять... Которую легко уничтожить... Грета жадно втянула в себя запах девчонки — и заметила, что на сере дине вдоха цветочная свежесть сменилась томной и зрелой, совсем не девчачьей пряностью кардамона, розового перца и мандариновой цедры. А в самом конце, уже на исходе вдоха, Грета втянула в себя густой и тяжелый, дымно-древесный запах белого мускуса, гаитянского ветивера и ливанского кедра. Запах костра. Шаманский запах танцующих у костра духов.

Этот запах был нехорошим. Не запах жертвы. Не запах тонконогой нервной добычи. Скорее запах непредсказуемого, отчаявшегося, доведенного почти до безумия хищника. Хищника, которого придется убить быстро и четко. Без всяких игр. Без возможности насладиться нежным, цветочным, с примесью легкой кислинки, запахом страха...

Грета прильнула к девчонке всем телом, сосредоточилась, стараясь уловить ритм ее сна.

Ее сон был неровным, как мерцание перегорающей лампочки. Как биение мотылька в раскаленное сияющее стекло. Как дрожание обгоревших коричневых крыльев. Ее сон был непредсказуем, как болезненные спазмы в желудке.

Никакого ритма. Взбесившиеся жернова, крутящиеся то по часовой, то против часовой стрелки, замирающие и приходящие в движение, ревушие и смолкающие без всякой системы. Никакого ритма. Подгадать момент тишины невозможно... Потом вдруг — надолго, очень надолго — все остановилось и смолкло. Так надолго, что Грета даже подумала, не умерла ли девчонка. Нет, жива: тонкая жилка дождевым червячком подрагивала под кожей на шее. А тишина длилась. Никакого движения, никакого риска, пожалуйста, вход свободен. Грета застыла. Не стоит входить в слишком гостеприимно распахнутые для тебя двери.

Она оказалась права — в следующую же секунду жернова сна шумно включились. Но теперь все было иначе. Появился ритм. Медленный, равномерный, красивый. Рокочущие удары сменялись захлебывающимся беспомощным шелестом, а затем двумя секундами тишины. Раз за разом. Раз за разом. За разом.

Дождавшись очередного затишья, Старуха вошла. Сразу скорчилась: после промозглой, многолетней, привычной уже слепоты дневной свет в чужом сне ослепил, как вспышка японской мыльницы, направленной прямо в глаза.

...Очень жарко. Монастырский двор залит солнцем, словно горячим топленым маслом. Где-то там, внизу, волны бьются о древние камни. Рокочущие удары сменяются захлебывающимся

беспомощным шелестом, а затем двумя секундами тишины. Раз за разом. Раз за разом. За разом.

Старуха подставила лицо чужому палящему солнцу чужого жаркого сна.

Старуха зажмурилась. Как приятно жмуриться... Потом снова открыла глаза. Весь мыс шкворчит и лоснится, от соленых брызг шипят древние камни. Она узнала. Как приятно возвращаться туда, где уже раньше бывала... Она узнала. Это же полдень на Фиоленте! Полдень в Божьей стране....

В это время древняя застывшая лава вновь становится горячей и вязкой.

В это время греческие головы скал скалятся в пустой небосвод.

В это время в Божьей стране пахнет жертвенной кровью.

В это время в Божьей стране не бывает теней.

Она уже была здесь не раз. И однажды — в это же самое время.

В такой же полдень. Тот монах, отец Николай, в марте сорок четвертого — он видел это место во сне. Они проникли в его сон вместе, она и Эльза. Они были тогда белокурые, юные. Они увидели его среди греческих скал. Он молился. Он не успел ничего предпринять. Они его задушили. Потом безды ханного сбросили в Черное море. И утром он не проснулся...

Точно так же, как завтра не проснется эта девчонка.

Остается только найти ее.

Старуха подошла к самому краю. К тому месту, откуда они с сестрой когда-то сбросили тело монаха. Она подумала, что девчонка, скорее всего, должна быть там, внизу. Где-нибудь у кромки прибоя. Чужие сны тесны и компактны — далеко не уйдешь...

Ника была там. По колено в воде. И она была не одна.

Старуха вдруг поняла, кто был виновником той долгой томительной тишины. И кто затем наладил мерцающую лампочку ее сна. Кто подарил ей этот мирный прибор.

Эрвин. Он прижимал девчонку к себе. Они целовались. Глаза Ники были плотно закрыты. Глаза Эрвина — нет.

Старуха медленно шагнула с обрыва вниз и поплыла по густому студенистому воздуху, стараясь оставаться вне поля зрения Эрвина. Ее раздражало его присутствие. Он все усложнял. Делал ситуацию непредсказуемой.

Она опустила у него за спиной — совсем тихо, неслышно. Они по-прежнему целовались. Его кудри сияли на солнце. Он все усложнял. А впрочем... Решение, простое, как и все истинное, пришло к Старухе как благословение свыше.

Она ведь могла изменить его, подменить его — прямо тут, в нервном сне затравленной девочки. В ее власти было превратить его из любовника в Оборотня. Превратить счастливое сновиденье в кошмар. Ей нужно было просто окликнуть его. Назвать его имя. Другое, нужное имя.

— Здравствуй, Эрик, — сказала старуха громко.

Они оба повернулись на оклик. Девчонка хотела вскрикнуть, но вместо этого тяжело застонала. И медленно прижалась к нему.

— Эрик, Эрик, — повторила старуха чуть тише. — Эрик, мой мальчик.

Что-то в его глазах изменилось. В нужную сторону. В сторону подконтрольности.

Оставалась девчонка.

— Ты разве не видишь, кого обнимаешь? — спросила старуха у Ники. — Посмотри на него. Ты разве не видишь?

В чужом сне очень важно правильно поставить вопрос. Это как настроить объектив фотоаппарата на резкость. Правильный вопрос, заданный с правильной интонацией, заставляет спящего разглядеть.

— ...Ты разве не видишь? Это же Оборотень. Сейчас он тебя задушит.

Девчонка опять застонала. Отодвинулась от него. Разглядела. Медленно, неуклюже попятилась.

Такие медлительные! Потрясающе, насколько же люди медлительны в собственных страшных снах... Как утопленники, бредущие по дну водоема с камнем на шее.

Старуха умела быть быстрой.

Она поймала ее в три прыжка. Она повалила ее прямо в волну. Сомкнула руки на ее тонкой шее.

— Позволь, я сам. — Эрик опустился на колени рядом с девчонкой.

В его глазах отражалось нездешнее море...

— Я хочу сам ее задушить.

...синее-синее...

— Ты ведь позволишь мне, Грета?

Старуха пристально на него посмотрела. Потом неторопливо кивнула.

У него было хорошее лицо. Ей понравилось.

Ничего человеческого.

НИКА

Старуха отходит. Оборотень садится на ее место, сжимает мне горло и внимательно смотрит в глаза. Как заботливый доктор. Как ангел, явившийся к смертному ложу.

Я лежу на спине. Я задерживаю дыхание. Я смотрю через воду. Я могу не дышать какое-то время. Но потом, когда это время пройдет, он по-прежнему останется рядом. Он меня не отпустит, мой ангел. Он меня никогда не отпустит.

Я смотрю ему прямо в глаза. Они синие-синие...

Позади него, там, наверху, кто-то кричит. Это Данилов. Он по-прежнему в рясе. В руках он держит свой бубен. Он кричит мне:

— Оружие! Мы мирный народ, но нам нужна лишь победа! К оружию, дочь моя!

Я смотрю через воду. Я не дышу. Его крик что-то вспугивает во мне. Какую-то мысль, юркую и блескучую, как маленькая скользкая рыбка. Мне не удастся ее поймать — и она исчезает, серебристо нырнув в надвигающуюся на меня темноту...

Данилов бьет в бубен — и Оборотень вдруг отпускает меня. Целует в губы. А потом просто уходит.

Данилов бьет в бубен. Я встаю на ноги и снова вижу Старуху. Она слепо таращится вверх, на скалу.

Я смотрю, как она делает нелепые движения руками. Точно тянет на себя невидимый корабельный канат, невидимую рыбацкую сеть или якорь. А потом я вдруг понимаю, что каким-то образом она тянет его. Данилова. Вниз.

Он срывается и летит прямо на камни. Молча и не шевелясь в воздухе. Как оловянный солдатик. Он падает. Совершенно беззвучно. И больше уже не встает.

Старуха идет на меня. Я хочу убежать — но ноги словно вязнут в илистом дне. Она говорит мне:

— Спасибо.

Ее голос похож на крик издыхающей птицы. Он говорит:

— Молодец. Ты показала нам вход. Теперь ты нам не нужна.

Она подходит ко мне все ближе. Она говорит:

— Я перегрызу тебе горло. Это быстро. Хотя и больно.

Вода вокруг нас становится мутной и бурой. Она смотрит на воду своими слепыми глазами.

— Что это, крошка? Что это у тебя тут творится? — За белой пеленой ее глаз, как привидение за тюлевой занавеской, мелькает испуг.

— Амиго, — шепчу я. — Плыви отсюда, Амиго...

Он не слушается. Он подплывает ко мне и выныривает. Старуха почему-то отходит на шаг.

Амиго в крови. Из его левого бока торчит рукоятка катаны. Он разворачивается так, чтобы вложить мне ее прямо в руку. Он говорит мне беззвучно:

— Бери.

В этот момент мне, наконец, удастся поймать юркую и блестящую, ускользнувшую от меня минутой ранее, мысль. Про его сон.

Это просто сон, и мне просто нужно проснуться. У меня есть проверенный метод. Если разглядеть что-то, что есть и здесь, и там, нащупать в текучей и мутной сонной взвеси острый край настоящего, найти какую-то знакомую, реальную вещь — тогда можно за нее уцепиться, как за конец свисающего в пустоту троса, взяться крепко и выбраться — из самого глубокого сна...

Я берусь за рукоятку катаны, торчащую из тела Амиго. Я знаю, где сейчас лежит эта катана. Под кроватью. В комнате, где я сплю.

Я тяну, аккуратно, чтобы не причинить ему боль. Даже во сне мне не хотелось бы обидеть Амиго....

— Он умрет, — каркает в соленый воздух Старуха. — У него меч в сердце. Если ты выдернешь меч, он умрет.

этим оружием поражали демонов, духов и оборотней...

— Он уже умер, — говорю я Старухе. — А ты мне всего лини, снишься.

Я дергаю изо всех сил. Я зажмуриваюсь. Я вцепляюсь в мой трос...

...Когда я открываю глаза, я по-прежнему здесь. По пояс в воде. С катаной в руке.

Амиго нет. Море спокойное и синее-синее... Я не зову его, Я вдруг очень хорошо понимаю, что Амиго нет больше нигде. Никогда.

Я выхожу из воды, волоча за собой катану. Старуха карабкается по лестнице вверх. Семьсот восемьдесят восемь ступенек. ...Данилов лежит на красных камнях лицом вниз.

мы мирный народ

Вытянувшись по струнке, как оловянный солдатик.

к оружию, дочь моя

Я не подхожу к нему. Я иду дальше. За ней. По лестнице. этим оружием поражали демонов, духов и оборотней...

Семьсот восемьдесят восемь ступенек.

Мы вдруг меняемся ролями. Я преследую. Она убегает. Она бежит к монастырю. Я говорю себе:

это лишь сон

И монастырь исчезает.

Она бежит к белому зданию интерната «Надежда».

это сон

Интернат мирно тает в пространстве.

Я чувствую радость. Я чувствую себя карающей дланью. Древнегреческой богиней войны. Это сон. Я весело уничтожаю весь мир. Море и скалы, белое полуденное солнце и небо. Я не оставляю здесь камня на камне. Я ничего и никого не оставляю.

Я слышу, как стучит мое сердце. Неровно и громко. С переборами. Захлебываясь радостной кровью.

...Она по-прежнему здесь. В моей пустоте. В моем сне, лишенном формы и смысла.

— Отпусти, — говорит она в пустоту. — Я опять ничего не вижу.

— Ничего и нет, — отвечаю я.

Она говорит:

— Успокойся. Твое сердце бьется слишком неровно.

— Тебя заботит мое здоровье?

— Пульс, — говорит она одними губами. — Ритм ударов. У твоего сна сейчас ритм твоего сердца.

— Ну и что?

— Я не могу выбраться. Мне нужен момент тишины.

Я смеюсь. Я чувствую грохот крови в ушах. Я слышу грохот войны.

Я поднимаю свой меч:

— Сейчас помогу тебе выбраться. Мне не нужны пленные. Никаких пленных на этой войне. Только победа.

Она смотрит на змеистый клинок. Слепыми глазами. В уголках ее рта белеют какие-то засохшие пятна.

— Я слепая, — шепчет она с каким-то почти восторгом. — Ты убьешь слепую старуху?

Вместо ответа я наношу резкий удар мечом. Почему-то я знаю, как это делается. Чувствую это движение. Замах — удар. Вжик вжик. Косая линия смерти...

Только во сне можно так легко убивать. И так наслаждаться убийством... Я стою с окровавленной катаной в руках. Я знаю,

такая же, но без крови, лежит у меня под кроватью. В комнате, где я сплю.

Прежде чем проснуться, я позволяю себе маленькую шалость. Я беру ее голову за седой конский хвост — и швыряю туда, где в начале моего сна было море.

11

НИКА

Я просыпаюсь под бешеный стук своего сердца. Почти просыпаюсь. На границе правды и лжи, на границе света и тени, на корточках рядом с моей кроватью кто-то сидит. Вполоборота ко мне. Вроде бы девочка: успеваю заметить пшеничную прядь и тонкие детские ноги.

Потом она исчезает.

Не растворяется в воздухе, как привидение. Не тает, как дым. Не лопаются снопом ослепительных искр. Просто она была — а теперь ее уже нету. Как будто бы незаметно сменился кадр. Монтажная склейка между сном и реальностью.

Я вылезаю из кровати и сажусь на корточки. На то место, где только что сидела она. Зачем-то я шарю рукой под кроватью и вынимаю катану в плотном темном чехле. Сумасшедшая мысль — мне хочется проверить, нет ли на ней старухиной крови... Темный, дымчато-серый клинок совершенно чист. Его сталь похожа на бархатную змеиную шкурку... На эту шкурку, примерно в центре клинка, наклеен розовый бумажный квадратик. Из тех, на которых пишут «суп на плите» и приклеивают на дверь холодильника.

На этом квадратике написано нечто другое.

Примирение сегодня после заката. Я буду ждать на границе.
И.

Круглый, старательный почерк. Я уже видела такой в дневнике, который на две трети сгорел... Такой или просто очень похожий.

Но прямо сейчас я не готова об этом думать.
Душ.

Сначала душ, потом яичница, потом кофе, потом уже все остальное. Мне нужно смыть соленую пленку, которую оставила на мне эта ночь. Мне нужно встретить новый день так, как это делают обычные люди, а не победители слепых седых демонов. Горячая пища. Как говорила героиня одной странной книжки, очень важно готовить себе горячую пищу, если не хочешь лишиться рассудка и чувства собственного достоинства. Она была наполовину гренландка, эта героиня. Помимо чувства собственного достоинства у нее было еще чувство снега и одиночества. Она могла рассказать человеку историю его жизни по форме кристалликов, запорошивших воротник его шубы, или по рисунку, оставленному подошвами его кожаных сапог в грязном сугробе. Она могла отказаться от тепла и мужчины и вместо этого посвятить себя поиску убийц чужого эскимосского мальчика, изучая чужие секретные документы и чужие путанные следы, вмерзшие в датский

лед. Вероятно, внутри нее жил какой-нибудь эскимосский демон мщения и вечного холода... И все же она каждый день принимала горячий душ и готовила себе завтрак.

Душ занят. Там плещется двоюродный дедушка, с молодецким напором Соловья-Разбойника насвистывая мотивчик из «Крестного отца» *Speak softly love*, в народе более известный как «Давай покрасим холодильник в желтый цвет»...

— На вас кофе варить? — Я дергаю ручку запертой двери. Или чаю?

Данилов не слышит. Свистит. Я стою под дверью. Его свист щекотно и почти больно поддевает во мне, скатывает в комок и подталкивает куда-то вверх, к горлу, а потом к слезным железам, обрывок моего сна. Тот, где красные камни. И Данилов. Лицом вниз, вытянувшись по струнке...

Я завариваю себе кофе, а ему чай — заливаю и то, и другое кипятком прямо в чашках. Потом жарю яичницу — четыре яйца, без всего, только с солью; я выключаю конфорку через минуту.

Я не люблю и не умею готовить. Полугренландка, вероятно, не одобрила бы мои действия. Впрочем, все довольно горячее. Так что рассудок и чувство собственного достоинства должны остаться при мне.

Я пью кофе. Ошметки недозаваренных молотых зерен липнут к гортани.

Я ем яичницу. Яйца полусырые, но это довольно вкусно. Я съедаю два своих, а потом еще и те два, что поджарила для Данилова. Все равно они уже порядком остыли. Пусть жарит себе сам, когда выйдет...

Его чай тоже остыл. Затянулся какой-то сизо-дымчатой пленкой.

— Чай остыл! — кричу я.

Данилов не слышит.
давай покрасим холодильник в желтый цвет...

— Чай остыл! — Я стучу в дверь ванной.

Данилов не слышит. Свистит. Все ту же мелодию, снова и снова.

давай покрасим холодильник в желтый цвет...

Мне вдруг становится страшно.
он белым был...

Я дергаю дверь.
он синим был...

Я стучу. Обеими руками. Ногами.
Свист смолкает. Потом возобновляется снова. Бесстрастный. Беспечный.

Безукоризненный. Я вдруг понимаю, что Данилов обычно фальшивит.

Я вдруг понимаю, что это не он. Не Данилов там, в ванной.
Давай покрасим холодильник в желтый цвет

Я иду в сарай. По коричневому влажному следу, оставленному даниловской лодкой. Я беру в сарае топор. Я возвращаюсь обратно в дом. Спокойно, как робот. Как автомат. Как Железный дровосек, идущий к волшебнику Изумрудного города.

Я бью топором по двери в ванную. По тому месту, где должна быть защелка. Вжик. Вжик. Я вдруг вспоминаю то чувство. Из сна. Замах — удар. Косая линия смерти...

Свист по ту сторону двери смолкает. Потом дверь открывается.

Вода льется из душевой трубки в пустую ванну, отталкивается от эмалированного, с ржавыми потеками, дна и поднимается к потолку кривыми лапами пара.

Данилов лежит рядом с ванной, на кафеле, лицом вниз, вытянувшись по струнке, как оловянный солдатик. Вокруг лба растеклась густая красная лужица. Я сажусь рядом, на корточки.

Красная лужица очень похожа на разлитый ягодный морс. Я чувствую, как подступает безумие.

Как слаб человеческий разум.

Как легко подсунуть ему ложь вместо истины.

Клюквенный сок вместо смерти.

Я видела тебя мертвым. — Я ведь учил тебя всегда сомневаться в увиденном. — Я видела твою кровь. — Клюквенный сок, моя девочка...

Клюквенный сок. Это мы уже проходили. Это мы уже видели.

Клюквенный сок. Вот куда ты дел свою клюкву. Сомневаться в увиденном.

Клюквенный сок. Больше вы меня не обманете. Больше вы меня не унижите.

Клюквенный сок. Я обмакиваю в лужице палец, я слизываю сок языком.

Клюквенный сок. Слегка солоноватый на вкус. С привкусом железа и залежавшейся рыбы.

Конечно, клюквенный сок. Только на вкус он почему-то как кровь...

В этот момент Данилов снова начинает насвистывать. Не шевелясь. Не отрывая лица от красного кафеля. *Speak softly love...* Я вскакиваю на ноги. Я хочу убежать. Я очень хочу убежать. Но клюквенный сок, то, что должно было быть клюквенным соком, то, что я только что слизнула языком с пальца, то, что впиталось в меня, просочилось в меня, оно меня отравляет. Оно сгибает меня пополам, оно твердеет, набухает огромной замороженной ягодой где-то там, глубоко, в середине меня, там где сходятся ребра, там, где у человека душа... А потом оно лопается. Кофе с ошметками недозаваренных молотых зерен и четыре полусырых яйца выливаются из меня на кафельный пол.

Это не приносит мне облегчения.

Просто кажется, что из меня вырвали часть души.

И что я лишилась сразу и рассудка, и чувства собственного достоинства.

А свист продолжается. И только сейчас я, наконец, понимаю, что издает его не Данилов. А тот предмет, который зажат у него в руке.

Его телефон.

давай покрасим холодильник в желтый цвет...

давай покрасим холодильник в желтый цвет...

он синим был...

зеленым был...

Я разгибаю его холодные синие пальцы. Я достаю телефон.

Абонент неизвестен.

Я нажимаю на зеленую кнопку и молча подношу трубку к уху.

— ...жаемый абонент! Сообщаем вам, что... — В трубке что-то щелкает, автоматический голос разом утрачивает свой скудный заряд электронной бодрости и дальше продолжает на одной, более низкой и какой-то мучительно недотянутой ноте. — Прервать. Конеч. Может. Лишь примирение. Пяти первых, двух одинаковых и одного рыцаря. На границе миров. В присутствии... Извините. Связь прервалась...

Голос смолкает. Непроницаемая, как пузырь, пустота надувается в трубке. И проглатывает меня.

Остаток дня я провожу в этой глухой пустоте. В каком-то тумане. В ситуации прерванной связи.

Приходит сосед. Ужасается. Вызывает милицию.

Приходит милиция. Я что-то подписываю. Что-то рассказываю.

Приходит врач. Констатирует смерть от несчастного случая. Ничего удивительного. Пожилой человек: поскользнулся, ударился лбом о кафельный пол... Время смерти — приблизительно три часа ночи.

Приходит священник. Не отец Александр, другой. Равнодушно читает молитву.

Приходят три женщины. Обмывают, одевают, выносят из ванной. Моют там пол.

Приходит мать, вся в длинном и черном. Готовит яичницу. Говорит, надо кушать.

Приходит Ткачева. Приносит с собой свежие новости: ее муж Клаус Йегер, депутат парламента, президент компании и бла-бла-бла вчера ночью был жестоко убит. Преступник задержан с поличным, это гражданин РФ и житель Украины Михаил Подбельский. Следствие имеет все основания полагать, что

Подбельский является членом организованной террористической группировки... Посол Германии в России уже заявил бла-бла-бла... И другая печальная новость: Грета Раух, депутат Бундестага, почетный член того и сего, отважная женщина, в годы войны оказавшая неоценимую помощь и бла-бла-бла, этой же ночью скончалась от кровоизлияния в мозг в своей берлинской

квартире. В своей постели. Безутешные внуки скорбят.

Приходит смех — идиотский, безумный. Гости смотрят на меня с брезгливой тревогой.

— Это же мафия, — говорю я сквозь смех и туман. — Это как игра в мафию. «Приходит утро. Все просыпаются и открывают глаза. Не просыпаются только Данилов, Клаус и Грета. Откройте карты и покажите нам вашу масть. Город хочет узнать, кем вы были: мирными гражданами или убийцами»...

Приходит вечер.

Приходит узкоглазый человек с недостающими пальцами. Деловито снимает полиэтилен с даниловской лодки. Тащит лодку к воде. В его сторону никто даже не смотрит. Как будто он невидимка.

Приходит тоска.

Приходят тени моих мертвых друзей. И тени врагов. Все рассаживаются, кто на чем. Как зрители перед главным спектаклем сезона.

В самом конце приходит чудовище о двух головах. Я не удивляюсь. Мне почти все равно. Я говорю ему: «здравствуй».

Это Оборотень.

Мой червонный сиамский валет.

Два одинаковых тела, два идентичных лица, две пары пристальных глаз.

Четыре руки: две для объятий, две чтобы душить.

Два чувственных рта. Один поцелует. Другой загрызет меня насмерть.

Один говорит:

— Я так по тебе соскучился, Ника.

Другой говорит:

— Ты мне снилась во сне.

Один говорит:

— Когда я увидел, что не проснулась Старуха...

Другой говорит:

— Когда я увидел, как она не проснулась...

Они говорят:

— Я сразу понял, что это ты.

— Я прилетел первым же самолетом.

— Чтобы быть рядом с тобой.

- Чтобы быть с тобой рядом.
- Чтобы тебя уберечь.
- Мой брат хочет убить тебя.
- Мой брат хочет убить тебя.
- Он не простит тебе смерти Греты.
- Он тебе отомстит.
- Иди ко мне, Ника.
- Иди ко мне, девочка.
- Это же я...
- Этоя, Эрвин...

...Есть всякие сказки. Там злая колдунья превращает прекрасного принца в медведя. Или в свинью. Или в волка. Или даже в козла. Потом колдунья помещает его в ряду точно таких же медведей. Или свиней. Или волков. Или даже козлов... «Один из них — твой жених — говорит колдунья невесте принца. — Укажешь правильно — и я его расколдую. А оши бешься — погубишь и его, и себя...» Невеста должна узнать жениха и в таком обличье. Должна разглядеть его среди одинаковых, неподвижных зверей. Без всяких подсказок... Она всегда выбирает правильно. Только вот в сказках не говорится, как именно это ей удалось. Там предлагаются только общие формулировки. «Подсказало сердце». Или еще: «их вновь соединила любовь». Иногда там выходит солнце и «дарит свет истины».

А я в тумане. Связь прервалась. И мое сердце молчит.
Дай мне подсказку
Господи, или кто там, дай мне подсказку...

С противоположного берега реки раздаётся собачий вой, а может быть, волчий — глубокий, изломанный, как горловое пение народов Тувы. Один из «Эрвинов» задирает голову и смотрит на небо. На светлое небо, на круглую и мутную, цвета молочной

пенки, луну. В луже топленого света эта луна кажется немного несвежей... Но собакам нравится падаль. И волкам тоже. И ему. Одному из двух... Он прикрывает глаза — не до конца видны полосы белков. Острый кадык мелко елозит под бронзовой кожей.... Собака воет. А может быть, волк. Протяжно и тяжело. У него такой вид, как будто он тоже хочет завывать...

Второй смотрит прямо. Смотрит лишь на меня. С надеждой, с тревогой. Подсказало сердце. Я, наконец, понимаю, кого выбирать. Я говорю ему:

— Эрвин.

И он кивает. Он делает шаг в мою сторону... Но тот, второй, срывается с места и тоже шагает вперед. Вперед и немного вбок, так, чтобы преградить Эрвину путь. Его губы белеют от злости.

Они стоят, напряженные, опасные, готовые прыгнуть. Лицом к лицу. Отражаясь друг в друге. Как два свихнувшихся зеркала. Как согнутая пополам карта со сросшимся валетом червей.

— Прекратить! — Со стороны реки к ним подходит беспалый. — Прекратить цирк. Сейчас каждый сделает шаг назад.

Они вдруг слушаются. Как марионетки. Оба послушно отходят.

— Посланник...

— Посланник...

Они склоняют головы перед ним.

— Никто не тронет ее, — равнодушно сообщает беспалый. — Она нужна нам сегодня. На той стороне. И вы, оба, тоже нужны. Я поведу вас всех на экскурсию.

— Но, посланник!..

— Не обсуждается. — Его щелки равнодушно мерцают. Он уходит к реке.

Они оба провожают его одинаково обиженным взглядом. Потом тот, который смотрел на меня с надеждой, с тревогой, тот, которого я узнала, который первым ко мне шагнул, — он вдруг сплевывает, с тоской и досадой, себе под ноги. Потом поднимает на меня глаза. Они синие-синие. Я узнаю этот взгляд. Внимательный, как у доктора. Как у ангела, явившегося к смертному ложу... Как у Эрика, который душил меня ночью во сне.

— Я перегрызу тебе глотку. — Его верхняя губа ползет вверх. Не сейчас, так

потом.

Он шагает прочь. Куда-то к реке. Потом вдруг останавливается. Он говорит:

— Эрвин! А помнишь сказку? Ну, где Герда и Кай?

Тот, второй, которого я не узнала, который чуть не завыл, который хотел меня защитить, который сейчас остается со мной, он чуть заметно кивает.

— Да, я помню.

— Так вот это она, — указывает Эрик рукой на меня. — Не узнаешь? Это Герда. Теплая, жалкая... Соблазн для таких, как мы. Для детей Люцифера... Это она. Беги от нее. Она накормит тебя сосисками! Она не даст тебе выложить вечность из кубиков льда...

Эрвин смеется:

— Ты знаешь, а я ведь люблю сосиски...

Его двойник понуро скрывается в камышах.

— ...И не люблю вечность! — Он обнимает меня.

Я, наверное, должна что-то чувствовать. Что-то хорошее.
Но я деревянная. Я пустая. Мне все равно. С тем же успехом он мог бы обнять сухое полено.

Он шепчет мне на ухо:

Все наладится, главное — не делать ошибок. Как твой учитель, этот Подбельский. Он убил Йегера и даже не потрудился уйти. Зачем? Чего он добился? Международного скандала, и только. А Йегера сменят другие, такие же. Их ведь много. Их много, Ника. С ними нужно бороться не так. Нужно идти официальным путем. Собрать документы, доказательства, улики...

— Зинаида Ткачева уже пошла официальным путем. — Я с удивлением слышу свой собственный голос. Он звучит так, будто я разговариваю во сне. Монотонно и глухо.

— Теперь все изменится! — Эрвин, напротив, необычайно воодушевлен. — Теперь все будет совсем по-другому. Я помогу тебе. Я буду на твоей стороне. Мы не допустим войны...

— Примирение, — говорю я, все так же сонно. — Надя Русланова. Она придет на ту сторону.

— Не придет! И мы не пойдем туда. Это ловушка! Это конец, поверь! Нам не

надо туда идти!

— Она придет. Мы пойдем. Считай, что это мое третье желание. Которое ты мне задолжал...

— Не надо!

— Надо. — Мне вдруг становится скучно. — Но сначала нужно поспать...

Он берет меня на руки. Как ребенка. Он несет меня в дом. Он говорит мне:

— Давай останемся, Ника. Пожалуйста... Я не хочу умирать. Он говорит:

— Давай поженимся, хочешь? А хочешь, я тебя увезу? И мы всегда будем вместе?..

Он кладет меня на кровать. На какую-то долю секунды его возбужденный лепет проникает внутрь моего тумана. Внутрь пузыря пустоты, в котором я тихо дремала весь день. В какой-то момент мне действительно хочется согласиться. Сказать ему «да». Увези, и женись, и избавь – но тени... Голодные тени, сидящие, кто на чем, словно в ожидании спектакля, капризные тени, пришедшие сегодня меня навестить, – они поднимаются, они бьются, как бабочки, в мой пузырь пустоты. Они облепляют его, мне не видно их лиц, но я помню их лица. Цыганка и Клоун. Рыжий и Жирная. И Немой. И моя сестра. И все они такие счастливые... И еще Данилов, он выстукивает на бубне *Speak softly love*. И еще Амиго. Он ныряет в кольцо из огня и тумана. И кричит: «до свидания». И не возвращается никогда...

— *...До свиданья, друг мой, безруки, без слова, не грусти и не печаль бровей...*

— *Красивое стихотворение. Но почему друг хочет грустить? Иго друг — он ведь скоро вернется...*

— *Он не вернется, Амиго.*

— *Почему? Он же говорит «до свидания». Значит, «до встречи». Значит, он скоро придет.*

— *Нет. На самом деле он уйдет навсегда. Он умрет.*

— Что значит «умрет»?

— Его больше не будет.

— А кто будет?

— Никого, Амиго.

— Друг — это ведь я. Это Амиго. Про меня стихотворение, да?..

— Красивое стихотворение, — говорит Эрвин. Я рассказала тебе стихотворение?

— Да, только что. Ты разве не помнишь?

— Нет, это, наверное, во сне...

— Странно. — Он хмурится. — Кто-нибудь рассказывал тебе это стихотворение недавно?

— Какая разница.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

*«Здесь птицы не поют, деревья не растут, и только мы,
плечом к плечу, вращаем в землю тут...»*

Песня Булата Окуджавы

*«Аушвиц больше подходит для проведения подобных
испытаний, чем Дахау, так как климат в Аушвице несколько
холоднее, а также потому, что в этом лагере опыты будут
меньше привлекать внимания ввиду его большей площади
(испытываемые громко кричат при замораживании)».*

Из письма доктора Зигмунда Рашера Генриху Гиммлеру

НИКА

Чернильное озеро в каменном кольце гор густо сочится туманом — как будто там, глубоко под землей, кто-то развел походный костер и теперь варит уху из песка и ила, каракатиц, ракой и рыб в высоком котле с рваными осыпающимися краями.

Несмотря на увечье, беспалый ловко управляется с веслами.
не человек, не дух и не демон

Он гребет ритмично, как автомат, и скрип весел в уключинах словно бы исходит из него самого.

какой-то слегка изувеченный механизм...

Ника и старуха Ткачева сидят на носу лодки. У их ног валяется катана в черном чехле. И еще большая канистра с чем-то темным. У Ники в руке овальный бубен, обтянутый кожей оленя. Она смотрит на скалы, на гигантский отпечаток человеческой фигуры в камнях. Который выглядит так, словно кто-то большой и усталый, кто-то пришедший издалека, кто-то, для кого камни все равно, что мягкая глина, — словно этот кто-то прислонился к скале отдохнуть. А потом пошел дальше. Варить свою уху из тумана...

Близнецы — на корме. Они смотрят не на скалы, а выше, и в четырех одинаково синих глазах отражаются четыре одинаково круглые луны.

Все молчат. Беспалый выгребает на середину Сейдозера и говорит:

— Дальше пешком.

Он поднимает канистру и отвинчивает от нее крышку. Протягивает канистру Нике. И говорит:

— Тут клюквенный сок.

Она берет канистру. Она почему-то знает, что делать. Чтобы не испугать духов, чтобы их обмануть, чтобы духи не поняли, что к ним проникли живые... Она выливает часть сока себе на лицо. Себе на одежду. Передает канистру дальше — чтобы то же самое сделали близнецы и Ткачева...

Они тихо покачиваются в лодке — четыре окровавленных человека и их проводник. Потом Ника встает на ноги и стягивает с себя майку. Близнецы смотрят на ее грудь двумя парами синих, голодных глаз. Они сидят, плотно прижавшись друг к другу. Их пепельные кудри, их пепельные лица в темно-красных потеках. Они похожи на раненого двухголового волка.

— Не смотри на меня, Оборотень.

Они синхронно закрывают глаза.

Она снимает с себя всю одежду, она знает: для настоящего обряда нойд раздевается полностью. Она бьет в бубен — она знает: главное, это чтобы был ритм, и не важно, какая песня... Та-та-та—

та-та-та-та-та-та-та-та-та...

Speak softly , love , so no one hears us but the shy

Она бьет в бубен. Она прикрывает глаза.

The vows of love we make will live until we die

Она видит, как Оборотень разрывается надвое, и один остается сидеть, а другой косо падает вперед, на дно лодки. Она видит на три четверти наполненный шприц в руке у того, второго. Он встает в полный рост, он идет, раскачивая лодку, вперед. Он подходит к Ткачевой и говорит:

— Закатайте рукав.

— Что это?

— Волшебный раствор. В свое время вы были с ним неплохо знакомы...

Старуха закатывает рукав кофты. Ее рука крупно дрожит. Он вонзает иглу в старческую вспухшую вену. Старуха закрывает глаза. Улыбается уголком рта, потом оседает, кладет голову на облупившийся деревянный борт лодки...

— Теперь ты, — говорит он Нике. Он сжимает ее голую руку, держащую бубен, чуть выше локтя.

— Мне это не нужно, Эрик. — Она медленно качает головой. — Я и так уже вижу границу.

Но он не слушает.

Острые иглы кажется ей холодным и каким-то настойчивым. Словно ее кусает оса с ледяным тонким жалом. Засыпая, она видит, как Эрик вводит себе в вену остаток раствора. Засыпая, она продолжает бить в бубен...

Она выходит из лодки, вслед за беспалым, и идет за ним по реке, по тонкому прозрачному льду. Она идет и бьет в бубен. Она не забывает про ритм.

My life is yours... and all because... you came into my world with love so softly love...

Беспалый волочит за собой ее меч, острие прочерчивает по льду прямую тонкую борозду. Но вскоре лед теряет свою прозрачность, превращается в хрусткое крошево. Ступать по нему босыми ногами больно. Словно это не лед, а битое бутылочное стекло...

ПОЛАЯ ЗЕМЛЯ

Небо серое, зимнее, стылое, и только луна на нем кажется отвратительно теплой, наливается желтым соком, распухает, как

воспаленный гнойник...

Ее проводник останавливается и с силой вдавливая в рассыпчатый лед острие меча. Нажимает на ручку сверху. Катана легко соскальзывает под лед.

— На перемирие и на казнь идут безоружными.

Впереди видна башня, тонкая и высокая, с перетянутыми стальными тросами кольцевыми сечениями. Параболические антенны облепили верхушку, как грибы-паразиты. Как приманка для заслоняющей небо гигантской луны...

Она бредет вперед, к башне, по ледяной узкой тропинке. Слева и справа от нее тянется заграждение из металлической сетки, поверху вьется терновыми кольцами колючая проволока. Идет снег, густой и плотный, как пепел, и за его пеленой она не сразу различает людей. Людей по ту сторону металлических заграждений.

Они стоят, прижав лица к сетке, вцепившись пальцами в металлические ее сочленения, уставившись на Нику сотнями стеклянных немигающих глаз. Они стоят неподвижно и тихо — но лишь до тех пор, пока она их не видит. Они словно включаются, когда она их замечает.

Она идет, а они бьются о сетку, что-то выкрикивают, поют и рыдают. Кто-то тянет к ней руки через отверстия в сетке, лоскуты серой одежды и кожи повисают на мерзлом металле. Кто-то шепчет проклятия, кто-то визгливо, в истерике, повторяет обрывки молитв, несколько женщин в первом ряду ожесточенно и дергано крестятся — как будто чиркают раз за разом ото лба к увядшим грудям подмокшими спичками.

— ...Будь она проклята, эта луна! Будь они прокляты, эти лунные дети!

— ...Скоро конец!.. Скоро вечный мрак!

— ...Нет! Нет!

— ...Да святится имя твое... Да святится имя твое... Да святится имя твое...

— ...Нет! Нет! Нет! Нет!

— ...Пусть он пощадит нас! Пусть не отнимает у нас наши дома!

— ...Наши села и города!

— ...Наши сады! Наши кущи!

— ...Мы требуем примирения!

— ...Лед, везде лед, это проклятый лед, это все из-за них!

— ...Оставьте нам наших детей!

— ...Бог дал, бог взял, гражданочка!

— ...Пожалуйста!

— ...Мы требуем примирения!

— ...Мы не хотим умирать!

Снизу, почти что у самой земли, к сетке приникли своими огромными, асимметричными лицами «лунные дети». Они мол чат или тихо постанывают. Их тела, длинные, разбухшие, неподъемные, тяжело ворочаются в снежной пыли.

— ...Наши дети! Пощадите наших детей! Постой, девочка! Ты ведь идешь в закрытую зону?

— ...Скажи Всевышнему, пусть он нас пощадит!

— ...Скажи Спасителю, тут везде лед, пусть он растопит тут лед!

— ...Скажи Сатане...

— ...Скажи министру...

— ...Скажи верховному главнокомандующему...

— Гаври-и-ил! — визжит какая-то женщина и бьется лицом о сетку. — Явился мне Гаври-и-ил! О-о-о! Вон он идет! А за ним — дитя...

— Деточка! Деточка! Ты ведь идешь в министерство? У тебя пропуск в закрытую зону, в министерство? Будь добра, деточка, передай туда кой-какие бумажки... —

Седой как лунь старичок в простреленном кителе, весь увешанный орденами, старается пропихнуть через дыру в сетке свернутую в трубочку папку.

Его руки трясутся. Ордена позвякивают на ветру. В неподвижных глазах старческие бусинки слез.

— ...Это прошение, ты министру его передай!.. Я тут все собрал, все документы, вот они, так сказать, в папочке... Все бланки, все

заполнено как надо... Это прошение, насчет амнистии, он подпишет, я уверен, подпишет! С учетом заслуг... Только я, так сказать, никак не попаду в министерство. Ты передай, деточка!..

Старичку, наконец, удастся просунуть папку через ограду. Она падает на заснеженный лед. Ника наклоняется, чтобы поднять, но папка рассыпается под ее пальцами снежной трухой. Седой старичок принимается тонко скулить.

— ...Гаври-и-ил! — заходится в истерике женщина. — Явился мне Гаври-и-ил!

Ника смотрит туда, куда указывает женщина. На своего проводника. На то, как он изменился. Она смотрит на его крылья, покрытые пепельными дрожащими перьями. На его руку с кривыми птичьими пальцами, на его глаза, подернутые тусклой пленкой, на узкие темные прорезы в этой пленке...

— Не верь, — шепчет ей проводник. — Не верь их жалкому мороку. Они пишут прошения, они наряжают меня в пух и перья, лишь бы не видеть истинное, Но ты не будь как они... Ведь ты же уже у самой границы... Смотри! Смотри на изнанку!

Его перья вдруг рассыпаются снежной трухой. Его кожа трескается, плавится, сползает на снег скрюченными резиновыми лоскутами. Пахнет жженой электропроводкой. Там, под кожей, оголяется ржавый остов какого-то механизма. Механизм с жужжанием включается, его вибрация передается всему вокруг.

— Добро пожаловать на наше чертово колесо! Оно работает от генератора. От Центрального Генератора!..

Земля вздрагивает и ползет куда-то вверх и немного вбок. Чтобы не упасть, Ника вцепляется руками в железную сетку.

Она в колесе. Раскаленные шестеренки. Электрические разряды. Человеческие крики сливаются в низкочастотный вой...

Потом все исчезает. Она на льду, в темноте.

— Добро пожаловать в зрительный зал.

2

ГРАФ

— Повторяю вопрос. По чьему распоряжению вы убили дену тата Клауса Йегера?

— Повторяю ответ. По собственной инициативе.

— Значит, по собственной?

— Именно.

— С какой целью?

— Чтобы одним нацистским подонком в вашей армии стало меньше.

— Вы полагаете, что герр Клаус Йегер служил в некой армии?

— Да, в некой.

— И в какой же?

Подбельский смеется. Лицо следователя наливается кроимо,
как брюхо обожравшейся комарихи.

— Дурачком прикидываешься, русская мразь?!

Следователь бьет кулаком по столу — и вдруг разом
успокаивается. Его лицо приобретает изначальный землистый
оттенок.

— Альзо. Мой следующий вопрос. С какой целью вы совершили
надругательство над экспонатом анатомического театра?

— Это вы про Линца? А какое надругательство?

— Вы воткнули в туловище музейного экспоната остро заточенную деревяшку.

— Так это разве же надругательство? Это традиция. Насколько я знаю,
неуспокоившимся издревле принято вонзать в грудь оси новый кол...

— Речь идет о каком-то культе? Вы являетесь членом тоталитарной секты?

— Не понимаю, к чему этот спектакль. Вы прекрасно знаете, о чем идет речь.

— И о чем же?

— Нас ждет огонь смертельный.

— Объяснитесь.

— Здесь птицы не поют, деревья не растут, и только мы, плечом к плечу, вращаем в землю тут...

Глаза следователя подергиваются мутной полиэтиленовой пленкой.

— ...горит и кружит вся планета, над нашей родиной дым, и значит, нам нужна одна победа...

— Кому это «нам»? — вяло удивляется следователь и выключает настольную лампу. — Вы являетесь частью террористической группировки? — Он встает со своего стула и подходит к Подбельскому. — У вас есть сообщники?

Он расстегивает на Подбельском наручники.

— А как же! — говорит Подбельский, разминая затекшие кисти. — У меня есть отличный агент.

3 ПОЛАЯ ЗЕМЛЯ

— ...А-а-аплодисменты! Итак, поприветствуем наших участников, тех, кто сумел-таки дойти до финала игры «Момент истины»! Подарим им свои а-а-аплодисменты! — Невидимая публика разражается в темноте рукоплесканиями и свистом. — А-а-аплодисменты нашим гостям! Они играли честно, и вот они здесь... А-а-аплодисменты! Для тех, кто не следил за нашей игрой, напомним. Перед началом первого тура центральный Генератором было сгенерировано анимационное послание. Все наши участники его получили. Каждый из участников трактовал послание на свое усмотрение. Каждый сам определял для себя отправителя... Теперь все финалисты собрались здесь для торжественного Примирения. Но прежде чем начать,

Министерство Пространства и Времени представляет вашему вниманию небольшие сюжеты про вновь прибывших гостей. А-а-аплодисменты !

На стене башни, как на гигантском экране, проступают (-не таящиеся буквы:

ЭРИК

Включается изображение: Эрик уверенно улыбается в камеру.

I la нем форма офицера СС.

Бодрый голос диктора за кадром скандирует:

— Он отличный агент! Он не сомневается никогда! он верит в свое предназначение! Он пришел не для примирения, а для победы! До самого финала он остался верен своим идеалам!.. Несколько вопросов: скажи, Эрик, чего ты ждешь от этого Примирения?

— Примирения не будет. Сыновья Люцифера вернутся к своей ангелической сути.

— И ты лично?

— И я лично.

— Что ж, красиво звучит! Язык у тебя подвешен!.. А как по-твоему, кто стоит за всем, что происходит? Кто привел тебя сюда?

— Высший Незвестный. Я всегда верил, что он на нашей стороне.

— Высший Незвестный — это кто-то такой типа Бога, да?

— Члены общества «Врил» называли так верховное существо, обитающее в Полной Земле. Попросту говоря, речь идет о Люцифере.

— Как интересно. А если мы скажем тебе, что никакого lient вестового нет? Что есть только центральный Генератор, и он ни на чьей стороне, ему все равно? Что все вы, финалисты, просто белки в его электрическом колесе, и нужны вы лишь для того, чтобы в очередной раз подтолкнуть колесо истории?

Эрик смеется. Пепельные пряди переливаются в лунном свете.

— Если вы так скажете, я не поверю.

ЭРВИН

...Он был отличным агентом! Он не сомневался ни-ког-да! Он верил в свое предназначение! Но потом с ним что-то случилось. Угадайте, что? Вот именно! По ходу игры он встретил свою судьбу! Ах, любовь, любовь! Зиг хайль, любовь!... Что ты думаешь насчет сегодняшнего примирения, Эрвин?

— Я думаю, это обман. Примирение не состоится.

— Почему?

— Потому что Надя не придет.

— И что тогда?

— Рыцарь совершит ритуальную казнь мечом, и начнется последняя в мире война.

— Что ж, у Эрвина достаточно пессимистический взгляд на вещи. Не то что у его брата... Кстати, Эрвин, тебе нравится, что вы с братом совершенно неотличимы?

— Теперь уже нет. Не нравится.

— Ай-ай-ай, Эрвин. Для финала твой брат выбрал себе форму офицера СС. Ты, я вижу, решил выступить в костюме циркового артиста?

— Это костюм дрессировщика дельфинов.

— Красивый костюм. Но, к сожалению, Генератор выдал строгую инструкцию касательно вашей внешности: вы должны быть одинаковыми.

— Пусть Эрик наденет костюм дрессировщика.

— Очень жаль, мы знаем, что тебе нравится твой костюм, но, к сожалению, выбор Эрика представляется нам более адекватным.

Тебе придется тоже надеть форму СС. Если хочешь — прямо поверх твоего циркового трико...

ЗИНА

...Она предала своих товарищей! Она пошла на ужасную сделку с совестью! Она стала некроагентом и работала на врагов! Она перенесла ряд пластических операций! И только теперь она решила все искупить! Ей уже за восемьдесят, но она пришла на финал, несмотря на риск для здоровья!.. Посмотрите на нее, она, кажется, плохо выглядит! Да-да, она хватается ртом воздух, как рыба! Сейчас мы спросим ее...

— ...Зинаида Ивановна, как вы себя чувствуете? Вы решились на трудное путешествие, раствор для некропортации категорически противопоказан людям старше

шестидесяти лет, вы в курсе?

— Я знаю. Но я просто не могла не прийти на финал.

— Зинаида Ивановна, как приняли вас ваши товарищи детства?

— Кажется, они меня не узнали. Или не захотели узнать.

— Это для вас болезненно?

— Да, очень.

— Зинаида Ивановна, что с вами?

— Я просто немного устала...

— А может быть, вы умираете? Сосредоточьтесь на этом, наш и ассистенты объяснят вам, как правильно не дышать...

По импровизированному экрану идет рябь. На несколько секунд изображение гаснет, потом возникает заставка: «Министерство пространства и времени представляет». В следующем кадре — лицо девочки. Она улыбается. Чьи-то руки в медицинских перчатках, руки ассистента, остающегося за кадром, завязывают ей на шею красный шелковый галстук.

— Зиночка, как ты себя чувствуешь, как настроение?

— Спасибо, хорошо.

— Как ты думаешь, теперь твои друзья узнают тебя?

— Думаю, теперь да.

— Скажи, девочка, чего ты ждешь от финала?

— Примирения. И чтобы меня простили.

— Как ты думаешь, а Надя, твоя подружка, она придет на финал?

— Я надеюсь. Я думаю, она не захочет пропустить момент истины.

— Что такое «момент истины»?

— Надя говорила, это такой момент, когда возникает какой-то сбой...

— Системный сбой Генератора?

— Я точно не знаю. Она говорила, что в этот момент колесо судьбы застывает. И какой-нибудь человек может все изменить. Повернуть все в другую сторону...

...Экран гаснет. Все погружается в темноту. Голос невидимого ведущего надрыдается:

— А-а-а-а-аплодисменты! Поприветствуем наших гостей на суперфинале нашей суперигры-ы-ы! Генератор, сгенерируйте нам свет, наконец! Да будет — свет — в студи-и-и-и!!!!..

Гнойно-желтая луна ослепительно вспыхивает, как гигантский софит.

Ника на льду. Под горячим светом луны.

Она видит то, что уже видела раньше.

4

ИЮНЬ

— Что это у тебя за красный камушек?

— Это с Сейдозера.

— Оттуда, где ты родилась? — Да.

— Красивый...

— Там много таких.

— А как называется?

— Эвдиалит. Но местные называют «лопарской кровью». Или еще саамской.

— Странное название...

— Это из-за легенды. Считается, что однажды саами и еще какое-то племя подрались из-за Мяндаша, оленя с золотыми рогами. И погибло очень много народу. И олень тоже погиб... Но как бы не до конца. Потом он воскрес и оживил всех убитых. И увел куда-то под землю. А вся кровь превратилась под его копытами в красные камни...

— Подари мне этот камушек, а?

— Я не знаю...

5 МОМЕНТ ИСТИНЫ

...Я вижу то, что уже видела раньше.

Луну — огромную и червивую, как шляпа гигантского гриба.
И лед — непрозрачный и желтоватый, как слипшийся старым сахар.
Я видела все это во сне...

Но я не видела, что этот лед выстилает арену. Я не видела амфитеатра. Я не видела полукруглых рядов сидений, покрывающих склоны холма. Я не видела молчаливой пусто глазом толпы.

Я вижу круг, пустой черный круг, который очерчен на льду. Я уже видела его раньше...

Но я не видела, что есть и другие круги. Они заполнены: в каждом из них по фигурке. Эта арена — точно инопланетная шахматная доска. Играют восемь фигур: четыре ребенка в смешных красных галстучках, два офицера в форме СС и один рыцарь в доспехах...

В руках у рыцаря меч. За спиной рыцаря, у самой границы круга, копошится гигантский ребенок. Перед ним — грудa сросшихся ледяных кубиков. Они переливаются в ярком свете луны, он пытается разлепить их своими распухшими пальцами. Уродливый Кай на арене снежного цирка...

— Все участники в сборе, — жизнерадостно сообщает динамик откуда-то снизу, из невидимой оркестровой ямы. — Но одного не хватает. Нади. Давайте поддержим Наденьку а-а-а-а— ап л од исментами!

Пустоглазые зрители синхронно, как заведенные зайцы, ударяют в ладоши, издавая трескучую дробь.

— ...Где же Надя? Наше время выходит. Посчитаем все хором до трех.

— Раз!

я знаю, я всегда знала, что в этот круг должен кто-то войти

-Два!..

*но он не пришел, этот кто-то, и это его отсутствие
обозначает конец*

—
конец... Три!

Два с половиной!... Ну, все. Время вышло. Провозгласим все вместе

до свиданья, друг мой, до свиданья...

Оглушительный звон. Как будто там, наверху, кто-то в сердцах разбил гигантскую лампу. Зрители в амфитеатре вскакивают со своих мест, несколько секунд стоят совсем неподвижно, потом, точно по команде, точно по заказу, принимаются визжать, толкаться, давить друг друга, рыдать... Софит луны гаснет — не разом, а постепенно, медленно затухает, как хрустальная люстра в театре.

Пока не спустился мрак, пока луна продолжает слабо сочиться пепельным светом, я вижу начало конца. Я вижу, как Рыцарь заносит над головой меч, я вижу тень от меча — длинную, тонкую, черную...

милый мой, ты у меня в груди

Но на этот раз я знаю что делать.

Я говорю:

— Я пришла. Теперь все в сборе для примирения.

И шагаю в пустой черный круг. И луна гаснет.

*наркоманы, что ли? они хоть живые? девка-то совсем голая!
надо ее хоть полотенцем прикрыть... фу, фу, Снежок, фу,
мальчик! Отойди от них, а то мало ли... Да не рычи ты!...*

...Мы в гроте, глубоко под землей. Мелкие буро-алые камешки, похожие на застывшие сгустки крови, валяются в снежной мм л и. Желтые сталактиты свисают с каменных сводов ледяными сочными гроздьями. Я чувствую: над нами очень много камня и земли. Над нами священные сейды. Над нами Сейдозеро. Над нами темная бездна стоячей воды, и песок, и рыбы, и водоросли, и утопшие люди и звери...

Три подростка сидят у костра в дальнем конце пещеры, они молчат. Они, не мигая, смотрят в огонь, они закутаны в свое молчание, как в кокон. Между ними, внутри их треугольника, чувствуется такая интимность, такая близость, какой не может быть у людей. По крайней мере, живых...

Четвертая девочка сидит немного отдельно, в паре шагов от

них. Она страдает. Она не в силах проникнуть в их кокон.

У противоположной стены стоит рыцарь в доспехах, с мечом в руке. Его голова запрокинута. Он не хочет смотреть на то, что происходит у его ног. Не хочет видеть, что у его ног копошится ребенок с асимметричным, дебильным лицом. Что он неуклюже ковыряется в смерзшихся кубиках льда и мычит. Что его верхняя губа и подбородок липко блестят.

Я лежу на спине на желтоватом крошечке льда, я голая, кто-то прикрыл меня полотенцем. Пахнет взопревшей псиной и падалью, откуда-то сзади. Я сажусь, прижимая к себе полотенце, и оборачиваюсь. Позади меня лежат, положив морды на лапы, два белых волка.

Оба синхронно вздрагивают. Откуда-то снизу, со стороны входа в грот, доносится мерный хруст. Все громче и громче. Как будто кто-то крупный и осторожный поднимается к нам по ледяной лестнице с большой глубины.

Волки морщат носы и глухо, не горлом, а животом, рычат. Кто-то входит. Золотые блики вспыхивают в их пепельных, как луны, волчьих глазах. Шерсть топорщится у них на загривках.

— Мяндаш... — шепчу я. — Не троньте его, это Мяндаш.

Он наклоняет голову, как будто в приветствии, — олень с золотыми рогами.

Он подходит ко мне, и нюхает мои волосы, и подталкивает, сначала бархатным носом, а потом как-то иначе. Не вбок, а внутрь. Точно так же, как когда-то делал Амиго.

Он впускает меня, словно заворачивает в теплую шкуру. Его цвет — это цвет палой золотистой листвы. Его запах — это запах ягод и леса.

— Ты друг? — спрашиваю я беззвучно.

— Я друг.

— Скажи, где мы?

— Мы между жизнью и смертью. В остановившемся времени. В моменте истины.

— Здесь так тихо...

— Это потому, что мир замер. Колесо ненадолго застыло. Но оно скоро включится.

— И что будет?

— Я надеюсь, что будет мир. Но я не принимаю решения. Я могу просто помочь.

...Он подходит к двум белым волкам и склоняет золотые рога, точно в приветствии. Волки скалятся и дружно заходятся хрипом, а он все смотрит и смотрит на них, и в его глазах цвета густой карамели нет ни тревоги, ни страха, его взгляд такой спокойный и мирный, что, когда он отходит от них, они уже не могут рычать, потому что они теперь люди, просто два человека в черной красивой форме...

...Он подходит к тем, кто беззвучно сидит у костра. Он склоняет рога в приветствии, он смотрит на них. Просто смотрит. А они смотрят на девочку, сидящую чуть в стороне. И зовут ее взглядом. Чтобы она стала частью их круга...

...Он пересекает грот. Буро-алые камешки отскакивают от его тихих копыт. Он склоняет рога, и их отсветы падают на сидящего среди льдинок ребенка. Золотые блики, они ложатся на асимметричное лицо так, что оно уже не кажется страшным.

— Ты красивый, — говорит ребенок оленю беззвучно.

— И ты, — отвечает Мяндаш ребенку. — Во что ты играешь?

— Я пытаюсь выложить из льдинок слово, которое понравится папе.

— Давай я посвечу на твои льдинки. Они подтают и сразу раз лепятся. И ты выложишь свое слово.

Олень склоняет рога еще ниже, и смерзшиеся куски льда рассыпаются грудой сияющих кубиков. Ребенок смеется. И выкладывает из них свое слово

Ewigkeit

— Смотри, папа! Смотри, я сложил слово «вечность»!

Рыцарь медленно опускает железную голову. Рыцарь смотрит на слово. Потом на сына — долгожданного, неожиданного, странного — в солнечных бликах лицо ребенка почти красиво.

— У тебя хорошо получилось, — говорит рыцарь.

Потом подходит ко мне. Его глаза в прорези шлема — холодные, древние, мертвые, как глаза пустынного ящера. Если в них и тлел огонь мщения, он погас. Я вижу, что он очень устал. Он хочет сидеть и смотреть на слово из льдинок.

Он спрашивает:

— Разве ты — это она?

У меня нет слов, чтобы ему объяснить. Я молча поворачиваюсь к нему спиной. У меня на спине звездное небо.

Я чувствую, как он тихо водит острием своего меча по моей крапленой черными точками коже.

— Она фальшивка, — говорит один из близнецов. — Вы не должны верить ей, рыцарь!

— Замолчи, Эрик, — шепчет второй. — Ты ничего не решаешь.

Рыцарь перестает водить по моей коже мечом. Я чувствую, что он готовится. Я закрываю глаза. Я жду боли — там, в центре меня, там, где сходятся ребра. Я жду, когда ледяное жало вонзится мне в спину, пройдет сквозь меня и выйдет где-то чуть выше пупка.

Но боли нет. Я поворачиваюсь к нему лицом. Он кладет свой меч мне под ноги, на мерзлую землю. Он снимает шлем. Он говорит:

— Примирение.

Потом поворачивается и идет к сыну. Берет его за руку.

— До свидания, — беззвучно говорит ему вслед Мяндаш и склоняет золотые рога в прощальном поклоне.

Я смотрю в удаляющуюся железную спину.

— До свидания...

друг мой

до свиданья

милый мой

ты у меня

еще получишь по заслугам

предназначенн ое

сбудется

колесо будет вертеться

в этой жизни

победа

любой ценой

а примирение

не для нас

потому что...

...мы подключены к генератору. Мы все работаем от

генератора. Я подключена к генератору. Я агент. У меня есть задание. Я не подчиняюсь себе. Я подчиняюсь своему командиру. Я наклоняюсь и беру в руки меч. В моем мозгу ритмично бьются и крошатся рифмы.

кто-нибудь рассказывал тебе это стихотворение недавно?

— До свиданья...

ритм и тембр, мои куколки и вы диктуете другим свою волю...

— ...друг мой, до свиданья!..

Я иду вслед за рыцарем. Я заносу в воздухе меч. Мне так нравится это движение. Замах —

— Не надо, Ника! — Кто-то кидается на меня сзади...

— удар. Но не тот, что я планировала нанести, а другой. Назад, с разворотом. Он, кажется, называется «рюкансэн» — удар извивающегося дракона. Не помню, кто и когда мне его показал. Не важно... Важно, что я умею его наносить.

Тот, кто схватил меня сзади, разжимает руки и падает.
...Эй-эй, парень, ты что? чего он задержался? смотри, у него пена... ты умеешь делать искусственное дыхание? и я нет... жалко, красивый парень...

Он лежит на боку, подтянув к животу ноги, такой красивый в своей черной форме.

милый мой

Ледяные крошки под ним становятся алыми, точно пропитываются клюквенным соком. А глаза у него синие-синие. Они смотрят на меня, не мигая. Я роняю на землю меч.

ты у меня в груди

Под задравшимся черным кителем виднеется серебристый костюм дрессировщика. Я сажусь рядом с ним на колени. Я говорю ему:

— Эрвин.

Я закрываю ему глаза.

Рыцарь с ребенком застывают у входа.

Четверо у костра настороженно поднимаются на ноги.

Тот, другой, в форме, подходит к брату.

И Мяндаш тоже подходит. Он тихонько ковыряет копытом ледяную красную крошку, вид у него удивленный. Как будто он не понимает, в чем дело. Как будто он ищет гроздь раздавленных ягод.

примирение, — говорит он беззвучно.

И рыцарь с ребенком уходят. И четверо подростков уходят следом.

...Эрик смотрит на брата. Потом на меня. Глаза у него синие-синие. Внимательные, как у доктора. Как у ангела, явившегося к смертному ложу. Он наклоняется и берет в руки меч.

Олень вздрагивает и шумно поводит ушами.

— Я убью тебя, — шепчет мне Эрик.

Его верхняя губа ползет вверх.

Олень тихо переступает копытами. И встает между нами.

— Отойди, — говорит ему Эрик.

— Отойди, Амиго! — Я машинально называю его чужим именем.

Он не уходит. Он склоняет рога. Как будто просит о чем то. Как будто уговаривает непослушных детей. Потом он смотрит мне прямо в лицо. Его глаза — цвета густой карамели, в них нет тревоги и страха.

примирение, — говорит он беззвучно. И снова впускает меня.

Его мир — цвета палой листвы в сливочно-желтых лучах сентябрьского солнца. Его мир полон тепла, и елового хруста, и птичьих криков, и всплесков воды, и ароматного дыма, идущего от человеческих чумов.... Потом что-то меняется.

Все смолкает. Его мир вздрагивает и рушится вниз.

Наполняется запахом крови, холодеет, застывает, темнеет. Его мир становится черным, тусклым и полым — как спинка высохшего жука-оленья.

Его мир выталкивает меня с сухим мертвым треском.

...Ледяные крошки под ним становятся алыми, точно пропитываются клюквенным соком. Он лежит на мерзлой земле, подвернув под живот копыта. Из его левого бока торчит рукоятка, г.го глаза стали цвета застывшей смолы. Золотые рога склонились на лед, словно в прощальном поклоне.

Рядом с ним, на коленях, пристроился Эрик. Одной рукой он оттягивает золотистую шкуру, другой пытается выдернуть меч. У него ничего не выходит.

Тогда он садится на красные катышки льда. Выпускает из руки меч — и той же рукой закрывает оленьи глаза.

Потом опускает голову на руки и беззвучно трясется.

У нас тут, кажется, два трупа. Старушка и парень лет двадцати. И еще двое без сознания. Девчонка и брат того парня. Откуда знаю, что брат? Приедешь, сам увидишь. Они одинаковые...

Так мы сидим — под землей, под камнями, под бездной стоячей воды, в остановившемся времени. Молча.

Мы ждем, когда олень с золотыми рогами проснется и откроет глаза.

Мы ждем, когда он поднимется с красного льда, подойдет к

телу Эрвина и коснется его своими рогами.

И Эрвин тоже откроет глаза. Такие синие, как море на Фиоленте...

И Эрвин встанет и обнимет меня и брата. А потом олень поведет его прочь. И мерзлая кровь под его копытами превратится в красные камни.

А перед тем как уйти, олень повернется к нам и склонит золотые рога.

примирение, — скажет он. — до свидания, — скажет он. — до свиданья.

А Эрвин просто помашет рукой.

И я буду знать, что они никогда, никогда не вернуться.

* * *

ИЮНЬ

— Подари мне этот камушек, а?

— Я не знаю...

— Ну, пожалуйста, Надя, на память!

— Хорошо. Дарю.

Они сидят в шалаше. Он прячет темно-красный камень в карман.

— Это стихотворение, — говорит он, — которое читал нам Белой. Говорят, оно было написано кровью. На стене, в гостинице. В той жизни умирать не ново... А ты кем хотела бы стать в другой жизни?

Она выбирается из шалаша и ложится прямо в траву.

— Я — кошкой... — Она смотрит в синее небо.

Леня ложится с ней рядом. Она говорит:

— Хотя нет. Я, наверное, хочу быть похожей на себя ту. И чтобы был интернат. И ребята...

— И Белов?

— Ну да, кто-нибудь вроде Белова... Только знаешь... Мне иногда кажется, что Белов нас не любит. Что мы просто полезны ему. Что мы его послушные куклы. А он кукловод. И если кукла ело мается, он не заплачет.

— Ты что, глупая? — он почти злится. — Да он нам как отец! Мы должны

его уважать и гордиться, что у нас такой...

— Хорошо, хорошо! — Надя смеется и зажимает ему рот ладонью. — Может быть, ты и прав. Но тогда... Тогда я хотела бы родиться таким человеком, который всегда знает, кто врет, а кто нет. Тогда бы я понимала, любит ли нас Белов. И понимала бы... любишь ты меня или нет...

— Я люблю тебя.

— Да?

— Да

— Скажи еще раз.

— Люблю тебя. Я люблю тебя.

— И всегда меня будешь любить?

— Ага.

— Нет, я серьезно!

— Я тоже.

— Всегда-всегда, даже в следующей.

— Да.

— Даже если ты будешь... даже если ты родишься не в Советском Союзе? Даже если ты родишься... ну... родишься... врагом?

Он щекочет ей губы травинкой, потом целует.

Обещаю, Но я надеюсь, что не рожусь... не родюсь... как это

— А кем ты родишься?

— Я пока не решил.

— Ну, Леня!

— Не знаю. Разведчиком... Или артистом... А будут... Какой цвет волос тебе нравится?

— Как у тебя.

— А волосы у меня будут, как у меня. —Он смеётся....

— И я...

— И ты... полюбишь меня с первого взгляда.

Они лежат рядом в траве и смотрят в чистое июньское небо.

— Небо — это как будто окно, — говорит она.

— Оно же синее, — возражает он сонно.

— Это потому что с той стороны на нем сейчас синие занавески. А бывают разные. Серые. Фиолетовые. С белыми

Он уже почти спит, она дергает его за плечо:

— Смотри, Леня! Там самолеты...

Он щурит глаза. Поднимается. Подает ей руку. Снимает травинку с ее волос. Они стоят рядом, замерев, не дыша.

Они смотрят на стайки серых гудящих; мошек вынырывающих из темной щели горизонта, ползущих в их сторону по небесному вычищенному стеклу.

Он говорит:

— Я пойду. Я должен идти обратно, к ребятам...

— Я с тобой!

— Нет. Тебе лучше спрятаться. Так, чтобы даже я не нашел.

— С чего ты решил...

Он обрывает ее на полуслове:

— Пока Белов в отъезде, за старшего я. Ты должна спрятаться. Считай, что это приказ.

Она молчит. Он берет ее за руку. Он говорит ей:

— Не бойся. Он говорит:

— Я вернусь, обещаю.

Он прижимает ее к себе и идет прочь. Не оборачиваясь, не сомневаясь. Она смотрит, как мелькают в траве его детские щи ко лотки. Она смотрит, как он уходит. Уходит, уходит, уходит.

Остановись, — просит она беззвучно. — Посмотри на меня. Скажи что-нибудь на прощание. Он останавливается. Он поворачивает к ней голову:

— Не забудь влюбиться в меня с первого взгляда!